

Михаил Дадашев

ЗАМОРОЗҚИ

М. Дадашев. «Заморозки»

М. Дадашев

Заморозки

Роман

Москва, 2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 14

Дадашев М.

Д 14 Заморозки / М. Дадашев. – М.: ООО «Огниво», 2010. – 288 с.
ISBN 978-5-905003-05-9

Михаил Дадашев – член Союза писателей СССР, автор ряда романов, повестей, рассказов и притчей. Доктор экономических наук, профессор. Заслуженный экономист России. Родился в древнем Дербенте – втором по величине городе Дагестана и уже более 10 лет живет в Москве.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-905003-05-9

© ООО «Огниво»

*Посвящается памяти
жертв политических репрессий,
трагедий XX века,
всех невинно страдавших
и безвинно павших...*

От автора

Итак, немного об истории. Сведения, дошедшие до нас со времен многовековой давности, говорят о том, что через ущелье (дере) между рекой Кудиял-чай и возвышенностью Вурду, где расположена в современном Северном Азербайджане Еврейская Слобода, за которой, блестя снежными алмазами, красуются пики Шах-дага, десятки и сотни раз в поисках лучшей доли шли с юга на север, к другим ущельям и возвышенностям Кавказа, плененные в прошлом ассирийским и вавилонским царями племени евреев.

Известно, что более 2700 лет назад ассирийский царь Саргон II, превратив Израильское царство и его столицу Самарию в развалины, угнал в плен, в Месопотамию и Мидию, десятки тысяч израильтян, а 145 лет спустя вавилонская армия под водительством Навуходоносера в жестокой борьбе подавило сопротивление Иудеи и столица страны – Иерусалим, после двухлетней осады была захвачена, Храм разрушен, а население угнано в Вавилонию. Среди пленных были царь с семьей, сановники, высшие жрецы, придворные и аристократы, отборные войсковые части и оружейные мастера – свыше 15 тысяч, составляющих социальную верхушку царства. Так, по прошествии около 150 лет, после падения Израильского царства, пало и Иудейское. Заря некогда могущественной империи Давида и Соломона закатилась.

Логика жизни такова: вначале были внутрисемейные ссоры и распри, как говорится, ни складу, ни ладу, что привело к разделению и расколу Объединенного царства. Затем зависть друг к другу, как раковая опухоль – успехи одного колена израилева вызывали досаду и разочарование другого, что привело к метастазам – вооруженным конфликтам и брат стал убивать брата. Правда, вслед за этим, ненадолго пришло озарение бессмысленности взаимного истребления, и этот период царствования Уззии в Иудее и Иорована в Израиле стал периодом расцвета обоих еврейских царств. И снова зависть – извечный бич моего народа, приводит в который раз к политической смуте, и как результат, союз двух государств распадается и каждое из них оказывается перед лицом могущественного врага.

Вследствие этих перемен, одна часть израильских изгнанников ассимилировалась среди ассирийского и арамейского населения Месопотамии и приняла вавилонский календарь. Другая же часть сохранила свой национальный облик и впоследствии слилась с иудейскими изгнанниками. Однако, нельзя не признать того исторического факта, что немалая часть плененных получила в Ассирии земельные наделы, другая – стала заниматься ремеслом, а некоторые, принадлежащие к свергнутой царской элите, были назначены на официальные должности. И судя по тому, что в Суре и Пумбедите, двух поселений близ современного Багдада, были созданы еврейские

академии, где впоследствии и был написан Талмуд (Бэґлдо́д талмуд), надо полагать, что ассирийские власти, будучи язычниками и поклоняясь национальным культам – повелителям неба (бог весны Мардука в Вавилоне), были более или менее терпимы к верованиям или безверию других. Может быть, именно по этой причине, где-то через полвека после второго пленения, когда великий царь Персидской империи – Кир, своим указом разрешил изгнанным из Иудеи и их потомкам вернуться из «пленения вавилонского и восстановить Храм в Иерусалиме», большая их часть не вернулась и составила впоследствии еврейскую часть населения будущих Ирана, Ирака, стран Средней Азии, Афганистана, Индии и даже Китая. По свидетельству «Книги Эсфирь» евреи расселились во всех колониях могущественной персидской империи и имели даже своего Верховного судью – эксиларха.

Если в течение семи веков, со времени пленения, евреи при ассирийских царях чувствовали себя относительно спокойно, то с приходом к власти династии Сасанидов, жизнь их значительно изменилась к худшему и, главным образом, за иноверие. Дело в том, что в период их правления государственной религией стал зороастризм, главными символами которого были огонь и ношение белой хлопковой рубахи – седре. Повсеместно строились храмы, где жрецами поддерживался неугасимый огонь. Три главных храма огня находились в Атурпаткане (Азербайджане) – огонь царя

и воинов, в Парсе – огонь жрецов и в Хорасане – огонь земледельцев. Жрецы располагали обширными землями и иными материальными ресурсами и были одной из основных экономических и политических сил государства. Жречество отличалось нетерпимостью и стремилось к преследованию иноверцев. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что царская власть не всегда их поддерживала.

Началась травля евреев за их вероисповедание, налагались запреты на соблюдение субботы, обрядов обрезания и тефилим – бар-мицва. У еврейских матерей отнимали младенцев, чтобы воспитать их в духе зороастризма. Всех, кто не желал принимать их религию, лишали должностей, всяких прав и свобод. Евреи становились изгоями и были встревожены фактами зверских убийств соплеменников, зачастую в общественных местах, так сказать, прилюдно, по приказу жрецов от зороастризма и чиновников. Равноправные граждане в недалеком прошлом превращались теперь в беззащитных рабов, чья жизнь не ставилась, как говорится, ни в грош. В иудейских общинах повсеместно началось брожение. Если еще недавно евреи не помышляли о смене своего местожительства, то теперь стремление бежать, и как можно быстрее, стало настоятельной необходимостью.

Есть сведения, что причина бегства евреев из Месопотамии крылась не только в пресловутых преследованиях зороастрийских жрецов, а в немалой степени, и в постоянных войнах, которые вела Иранская

империя, собиравшая для этого все проживавшие на ее огромной территории народы, в т. ч. и евреев.

Например, в III–IV вв., при Аршакидах, многолетняя война с Римской империей, первый этап которой завершился для Ирана тяжелым поражением, но впоследствии, ценой огромных жертв, удалось склонить Рим к миру и вернуть утраченное. Затем бесконечные войны с кочевыми племенами гуннов, хионитов, кидаритов и эфталитов, одних, нападавших со стороны Северного Кавказа, других – с северо-востока Иранского нагорья. По существу, отражая натиск врагов, воевала вся империя, оставляя на полях сражений неисчислимое количество своих граждан.

Немало сил и людских ресурсов отнимали у власти народные восстания и движения: в середине V в. восстание армян и его подавление, в конце того же века, восстание крестьян в Закавказье в связи с ростом налогового бремени, засухой и неурожаем, перешедшее в движение маздакитов. Лишь благодаря хитрости Хосрова Ануширвана удалось усмирить это движение, а вождей маздакитов собрать всех вместе и перебить.

Не успели утихнуть стоны и рыдания народов страны, как царская верхушка Ирана вначале вступила в сговор с кочевниками – алтайскими тюрками – против эфталитов, а когда царство эфталитов было уничтожено, Хосров поступил подло со своим союзником – тюрками и те, возмущенные, заключив договор с Византией, напали на Иран. И снова бес-

численные жертвы. Хотя иранскому полководцу Бахраму Чубину, удалось остановить нашествие не только войск Византии с запада, но и тюрков из Средней Азии, все же, в начале VII в. западная граница Ирана, где проживало большое количество евреев, оказалась незащищенной от набегов арабов-бедуинов. Они же и нанесли иранскому войску серьезное поражение, что оказалось прелюдией последующего завоевания Ирана арабами, которые несли на своих знаменах и острие своих сабель идеи новой религии – ислама.

Если греко-македонское завоевание и эллинизм оказали на Иран лишь временное и поверхностное влияние, то влияние арабского завоевания на историю и культуру Ирана было огромным. Во-первых, миграция арабов целыми племенами, во-вторых, арабы принесли с собой письменность и свой язык в качестве литературного и языка религии, а с VIII в. и языка канцелярий. Распространение религии ислама по всему Ирану привело к тому, что к концу X в. ислам стал религией подавляющего большинства населения. Достигалось это, главным образом, жесточайшей налоговой системой. Если с мусульман арабов и неарабов взимали подать в размере 2,5% дохода, то с иноверцев, в первую очередь с иудеев и христиан, на уплату налогов уходило до 50% урожая и подушная подать до 48 дирхемов. Помимо податей и феодальной ренты иноверцы привлекались властями на принудительные работы для прокладки каналов и строительства дворцов и крепостей.

Так, начиная с III в., в течение 7–10 столетий шел процесс вынужденного выхода евреев из Месопотамии и их продвижение на север в сторону р. Аракс, на юг и северо-восток. Движение это носило, надо полагать, скрытный характер, не потоками беженцев, а в виде нескольких семей, примкнувших к каким-либо караванам, причем эпизодически, в разное время и возможно с целью объединиться где-либо в пути. Во всяком случае, о массовой миграции евреев в этот период сколько-нибудь известных исторических документов ученые не обнаружили. Однако у армянского историка Моисея Хоренского (X в.) есть утверждение, что Тигран «поселил множество иудейских пленников в городах Армении». По неподтвержденным данным сюда же переселялись эллинизированные евреи. Есть еще одно предположение о том, что появление еврейских общин на Восточном Кавказе связано с насильственным переселением из Вавилонии той части еврейского населения, которая примкнула к «маздакитскому движению» в начале V в. По свидетельству известного востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова в провинции Дейлем, в древней Мидии, были обнаружены поселения евреев. Он же упоминал о факте землетрясения в середине V в. н. э. в горах Загроса – диких и труднодоступных, лишенных проезжих дорог, высотах близ современного Сенендреджа, на границе Ирака, где в результате образовалось огромное ущелье, через которое евреи Месопотамии, еще в те времена, могли идти на север.

Как показали исследования, движение евреев к горам Кавказа, а позже их появление там, (откуда и пошло название «горские евреи»), носило, главным образом, семейный, родо-племенной характер. Есть предположение, основанное на признаниях самих горских евреев, что они потомки 10 потерянных колен израилевых. Двигались они, по всей вероятности, в основном по ущельям Загросских гор, мимо Сенендреджа и реки Керхе, между Хамаданом и Зенджаном, мимо горных рек и крутых хребтов Безкуша и Карадага, до берегов Аракса, между Тебризом и Ардебилем и выходили на горы Кавказа.

Тернист и опасен был их путь, но от хорошей жизни не бегут...

Так, примерно 3–4 века назад, в ущелье между рекой Кудиял-чай и возвышенностью Вурду, появилось поселение, названное, впоследствии, Еврейской (Красной) Слободой. А до этого времени, в течение нескольких веков, в горах Кавказа тут и там, до самых границ Кайтага и еще дальше (нынешний Дагестан) рядом с аулами коренных народов или чуть в стороне от них, а в некоторых местах вообще с ними вместе, селились горские евреи. И за все эти века своего проживания в этих аулах их жизнь претерпела разнообразные коллизии: от участия в совместных битвах с местными жителями против нашествия общего врага, до погромов грабителей и разбойников, в результате чего значительная часть еврейского населения была вынуждена изменить своей вере.

Одна из легенд о знаменитом Надир-шахе гласит, что когда он овладел Кубой, где еврейская часть города отделяется от мусульманской рекой Кудиял-чай и составляет как бы самостоятельный поселок, произошел следующий случай...

Во время богослужения в синагоге Надир-шах с обнаженным мечом влетел в самую гущу молящихся евреев, с угрозой приблизился к Кафедре (юхал), требуя от читающего Тору раввина отречься от иудейской веры и принять ислам. Раввин, не задумываясь, отказался, предпочитая смерть принятию ислама. Тогда тиран со всего размаха обрушил на него меч. Но в это мгновение, раввин, пытаясь защититься, машинально поднял над собой Свиток Торы, и меч, наполовину разрубив свиток вместе с серебряным футляром, застрял в нем. Надир-шах, увидев это, был обескуражен, начал умолять раввина, чтобы тот прочитал молитву о пощаде перед Всемогушим (Муса-Пэйгамбаром или Моше Рабину), дабы Всевышний простил его, т.е. Надир-Шаха, за то, что он поднял руку на Священное Писание пророка. Шах угрожал сжечь весь еврейский поселок, если раввин откажется выполнить его просьбу. Тогда раввин сам обрушился на него: «Кайся, кайся, злодей, – кричал раввин, – ты осквернил Божий дом и надругался над пророком... Кайся, иначе тебе не быть ни в удаче, ни в счастье!». Надир-шах, порвав на себе одежду, попросил прощения. Раввин прочитал молитву, а Надир-шаху сказал, что Моше-пророк простит его, если он прекратит издеваться над евреями...

Так свершилось еще одно еврейское чудо: по приказу шаха прекратилось (на время), преследование евреев и им было возвращено награбленное имущество...

Один из выдающихся исследователей истории, языка и этнографии горских евреев – татов В.Ф. Миллер в своих трудах приводит свидетельства «о прежней большей численности евреев в этой части Кавказа, о вытеснении их религии исламом». В частности, Еврейская Слобода в Кубе состоит из населения, оказавшегося в нем в разное время и из разных мест. Квартал Кулгъэти, например, образовался из кулгъэтцев, переселившихся сюда после погрома учиненного над ними их ханом. Квартал кусарцев – из части населения села Кусары, в котором до недавнего времени проживали несколько семей горских евреев. Карчагцы – переселенцы из села Карчаг, С. Стальского района Дагестана, но подлинная причина и время их переселения неизвестны. То же самое можно сказать о гилянцах, которые пришли сюда из Персидской провинции Гилян и агаджанцах, которые раньше жили близ Саккыза. Что касается чапкенцев, то есть предположение, что часть их жила раньше около Ахтов. Жителям этих кварталов дали разные прозвища, большей частью нелестные, например, гилянцев считали «заносчивыми», карчагцев и чапкенцев – «не дальновидными» и т. д.

Второй исследователь горских евреев Борис Миллер пишет, что «по словам кубинских евреев, мно-

жество мусульманских селений, населенных ныне лезгинами и татами (мусульманами), были прежде «еврейскими». Так, например, не менее 25 селений, расположенных от Баба-дага в направлении Кубы... таково... сел. Шудуг на юге от Кубы, в котором один из кварталов и сейчас называется «еврейским». Жители села Ахты до сих пор (1928 г.), как и 40 лет назад, сохраняют воспоминание о том, что их предки были «евреями», что и сейчас там есть лезгины, зажигающие в пятницу вечером свечи. Ахтынцы приняли мусульманство ... лет 150 тому назад... У них сейчас 2 мечети – старая и новая. В старой на камне видна надпись еврейскими буквами, именно «тарих», т. е. сообщение о времени постройки мечети. В этой старой мечети и сейчас еще хранится один экземпляр торы, а другой – у местного жителя. Ахтынцы прежде чем окончательно расстаться со своей древней религией, в течение долгого времени, внешне исполняя мусульманские обряды, тайно совершали и свои прежние».

Около села Карчаг находится, покрытая лесом, котловина, в которой имеется высокий каменный памятник с еврейской надписью, содержание которой сводится к тому, что некий Шелмуь Миши Дедеси с 40 своими учениками «60 лет назад» оттуда ушел... в Кубу, в Еврейскую Слободу, быть может, образовал там квартал Карчаги.

«Следы еврейских поселений, пишет Б.Миллер, – имеются и далее на север... в Аварии и сейчас ходит много преданий о том, что раньше в разных селениях

жили «евреи»... Таковы, например, предания о сельском обществе Гумбед, о селении Аракани, по дороге из Темир-Хан-Шуры в Хунзах, о районе Бузнаб, ныне незаселенном, пастбищном месте, что там раньше жили и «евреи», занимавшиеся дубильным делом».

А по свидетельству выдающегося горско-еврейского этнографа И.Ш. Анисимова, их количество в конце 19 века составляло всего 21 тысяча человек в 4090 семьях, в 36 городах и селах, в т.ч. в Бакинской и Елисаветпольской губерниях: в Кубе, Мюджи, Афтаран-Мюджи и Варташене, в Дагестанской области: в 25 городах и селах, в Терской и Кубанской областях – в 7 городах и селах.

Почему, оказавшись за пограничной рекой Араксом, двигаясь по Муганьской равнине Азербайджана, преодолевая стремительную многоводную Куру, выйдя через Шемаху и Лагич к предгорьям Большого Кавказа, большая часть еврейских беженцев выбрала район Кубы? Каковы были мотивы их выбора: почему после труднодоступных каменистых троп Малого Кавказа не осесть было, скажем, в оазисах зеленой Мугани, на ее просторной равнине, а выбрать ущелье (дере) между, хотя и не высоким, но горным хребтом и, сравнительно, мелководной, но быстрой рекой Кудиял-чаем? Оказалось, что продвигаясь нелегкими путями, сквозь тернии, наши предки выбирали для проживания именно такие, труднодоступные места, с необычайно красивыми пейзажами, с зелеными массивами, с мелкими речушками, которые очень напоминали им Святую Землю – Эрец-

Израэль. Но не только поэтому. Дело в том, что здесь, между водной и горной преградами можно было сносно защитить свое жилье, надеясь на то, что при попытке нападения разбойники и грабители понесли бы за свое злодеяние немалые потери. Этому научила их вся многовековая прошлая жизнь.

Выше я уже несколько раз упомянул слово «дере». Так вот, «Дере – на том языке, на котором говорили и по сей день продолжают говорить горские евреи, независимо от места их проживания сегодня, означает «ущелье». По понятным им причинам они любят это слово и все, что с ним связано. Например, в исторической хронике у горских евреев, кроме названного выше «дере», известны: 1. «Дерей гъэтте» близ районного центра Маджалис, Кайтагского района, Дагестана, где несколько столетий назад были расположены 12 еврейских селений, живущих рядом с даргинцами. Интересно и само название этой территории: слово «гъэтте» по даргински означает – «ущелье». Вероятно, что горские евреи, при расселении здесь, спросили у местного населения о названии этого ущелья и те назвали его «гъэтте». Таким образом, «Дерей гъэтте» означает «ущелье ущелье». 2. «Дерей Гъуш» – огромное ущелье. Расположено оно в 3–4 верстах от древнего Дербента, ниже Джалганской возвышенности, откуда оно берет свое начало, как ложе горного потока. Как раз здесь, у этой расселины, было расположено до конца 18 столетия, большое еврейское селение Аба-Сово, разгромленное сотней табасаранского хана.

3. «Дерей таргъу» – таркинское (талгинское) ущелье. Здесь в IX–X вв. н.э. была расположена одна из столиц Хазарского каганата – Семендер, где проживали и горские евреи, остатки которых, после падения каганата, рассеялись по другим ущельям и возвышенностям Дагестана.

Конечно, в причинах выбора древних беженцев нельзя не видеть еще одной немаловажной детали – это то, что жителей гор отличает чрезвычайное трудолюбие, что хлеб насущный им достается весьма нелегким трудом и, что, в конечном счете, им, в большинстве своем, нет дела до того какой национальности и вероисповедания их сосед. Главное, чтобы по укладу жизни они не отличались от них самих.

Тот же вышеупомянутый Илья Шербетович Анисимов писал, что «местная природа имела громадное влияние на развитие характера горского еврея, следовательно, и на род его занятия. Вот проскакал он мимо вас, вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там, в изодранном костюме своем лезет он по горам, карабкается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой и побитой спине своей; там роет он в поле землю, пашет, выделывает вина, срывает плоды с деревьев; там опустил в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всей силы сырые кожи...». Далее замечательный этнограф не забывает упомянуть, что «в горской женщине мы видим постоянную труженицу семьи», что даже в ма-

ленькой сакле лучшая комната выделяется для гостя или кунака, что «уважение и внимание к гостю – черта общая всех горских племен – считается для евреев-горцев священной обязанностью», что «каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина».

«Дере» было любимо горскими евреями еще и потому, что, несмотря на то, что обработка земли на его каменистых крутых склонах была страшно трудоемкой, все же обильно орошалась и весной превращалась в цветущий сад, приносящий труженику богатый урожай плодов и овощей.

Снежные вершины Шах-дага, холодный родник Гыз Беневша, зеленые склоны и берега Кудиял-чая стали родными для жителей Еврейской Слободы, о жизни которых в тридцатых годах XX столетия и пойдет речь дальше...

Глава I

Ашот Амалдян – единственный армянин в отделе НКВД города Кубы, в Азербайджане, заметил жителя Еврейской Слободы Миши Кунголуши, сравнительно недавно, года два назад, когда тот попался на базаре на продаже ворованных у соседей кур. Тогда Миши Кунголуши взмолился не придавать этому делу огласку, не позорить его – отца немалого семейства, который предпочитал «брат» то, что «плохо лежит», чем работать. При этом отдал «стражу порядка» всю

свою выручку. Амалдян тут же смекнул, что слабохарактерный «любитель кур» именно тот человек, который ему нужен, и, составив на похитителя протокол, не отдал его руководству, а оставил у себя, с таким расчетом, чтобы держать хапуна «на привязи» и таким образом сделал его своим осведомителем.

Дело в том, что хитроумный милиционер, с недавнего времени, воспылал желанием узнать как можно больше об образе жизни, известного на всю Слободу предпринимателя – Офдума бен Симанду, которого в народе звали Офдум-шолчи за то, что он на своем четырехместном фаэтоне доставлял в Хачмас, Худат, Дербент, Кубу и даже в Баку из Шираза и Гянжи всевозможные шали: шерстяные, вязаные для женщин старшего возраста – «шолгьой курпелуь», шали шелковые с такой же бахромой – для невест и молодых женщин – «дуюгуьр», а также гянжинские тонкие шелковые шали – «келегъэй». Шали эти пользовались огромным спросом и, по всей вероятности, приносили торговцу немалую прибыль, вызывая восхищение одних и зависть других.

Больше всех завидовал Офдуму-шолчи его сосед, небезызвестный Миши Кунголуши, который никак не мог примириться с мыслью, что одни могут жить в достатке, как сыр в масле, а такие, как он, с трудом перебиваются с хлеба на воду. Ему казалось, что доходы Офдума-шолчи сыплются тому с неба, словно манна небесная, а вот ему, Миши Кунголуши, как он считал, богобоязненному и боговерующему

человеку, даже Бог отказывает во всем. И что эта несправедливость существует не только на земле, но и на небесах.

Не знал Миши Кунголуши, а может и не хотел знать, что прибыли семьи Офдума-шолчи приходят не просто, что они связаны с невероятными трудностями, преодолением тяжелых препятствий, а порой и с риском для жизни. Не знал бы торговец потайных троп и путей на этих долгих дорогах, не миновать бы ему разбоя бандитов, грабежа гъэчэгъов-пиратов, смерти от их кистеня. Не раз и не два устраивал ему засады и начальник отдела НКВД г. Кубы, чтобы застать его врасплох, и конфисковать его товар и засадить туда, откуда не возвращаются. Но благодарение Богу, Офдуму удавалось живым и невредимым возвращаться домой.

Год назад на него «наесли» налоговики. Проверки следовали как в пути, так и на месте реализации товара и даже дома. Но предусмотрительный шолчи всегда оказывался перед законом чист. Он правдиво и честно показывал в отчетах количество и цены закупленного товара и стоимость их продажи. И сумму оплачиваемого им налога. И даже они поверили в его порядочность.

Однако, несмотря на соседскую отзывчивость: не раз Офдум дарил Миши Кунголуши мешок муки или картошки, которые закупал оптом на всю зиму; бидон подсолнечного масла или гостинцы для соседских детей, что привозил из Дербента; все же Миши Кунголуши внутренне оставался недовольным и же-

лал Офдуму и его семье всяких пакостей. Мало того, он, из чувства зависти, доносил на Офдума в милицию всякие небылицы: что у него денег – «куры не клюют», что он кусками мяса собаку вскармливает, что он соседей, если они бедны, за людей не считает.

Слободчане знали об отношении Миши Кунголуши к соседу, знали не только о его патологической зависти, которая переросла в последнее время в ненависть, подозревали его чуть ли не в убийстве двенадцатилетнего сына соседа – Давида. Дело в том, что в мае прошлого года, когда мальчишки с улицы пошли купаться в Кудиял-чай, Давид вернулся с реки бледный, с синевой на губах и дрожавшим, как лист на ветру, словно в лихорадке. С того дня, он не совсем здоровый ребенок и в прошлом, слег и через месяц, несмотря на то, что отец, не жалея ни сил, ни средств, чтобы спасти дитя, пригласил лучших врачей, причину его заболевания установить так и не удалось. Давид худел, таял, как свеча и умер. Одни считали, что это дело рук соседа – Миши Кунголуши, мол, он каким-то образом дал ребенку отраву (огъу дори); другие больше сходились к мысли, что завистливый сосед сделал мальчику порчу (хъэйкел сохди); третьи, не отрицая двух первых причин, все же находили, что мальчик мог умереть и от простуды.

Надо ли говорить, что смерть единственного сына лишила Офдума-шолчи и сна, и покоя. Он стал замкнутым, перестал некоторое время выезжать за товаром, забывал покормить коня и если бы не жена,

погиб бы и он. Однако благоразумие взяло верх и он вскоре уехал... Нет, не за товаром, а в Дербент. После долгих раздумий в дни траура, он пришел к выводу, что ему из Слободы надо уезжать и чем скорее, тем лучше. К этому толкала его не только смерть сына, а и участвовавшие вызовы в отдел НКВД, где, допытывались о том, как ему удастся незамеченным возвращаться домой, по какой дороге он едет и прочее. При этом, на лице и во взгляде допрашивавшего его милиционера, некоего Ашота Амалдяна, он видел не только отсутствие всякого участия, но и неприязнь. Недоверие стало проявляться и в действиях налоговиков. «Если они меня сейчас, в связи со смертью сына не тревожат, – думал он, – то завтра все повторится, но с еще большей угрозой для меня и моей семьи... Пора...».

Офдума-шолчи еще больше стала тревожить судьба теперь уже единственной дочери. Как-никак ей уже пятнадцать лет, если до сего дня было всего два свата, то в скором времени их будет больше. Тогда уезжать будет поздно. Но ему этого не хочется, рано. Надо, наконец, нарушить традицию выдавать дочерей замуж в этом возрасте. Вот поэтому он, вопреки привычке, сегодня направил свой фаэтон не на юг, а на север, в Дербент, чтобы выяснить там обстановку, возможности приобретения жилья и продолжение учебы дочери. Жену он предупредил, чтобы та, не торопясь, без суеты и шума, не привлекая внимания соседей, приготовила кое-какой скарб из белья и постельных принад-

лежностей, деньги и драгоценности свои и приданое дочери, чтобы налегке собраться и уехать...

Небольшой одноэтажный дом с высоким цоколем, где размещался вместительный подвал, на главной улице Слободы, так же как и торговое дело, досталось ему от отца. Сделал в доме незначительный ремонт, потому как решил, что дом еще большего размера строить не будет, и покупать новый не захотел, ведь время было тревожное и суровое, да и завистников в купе с недоброжелателями было не мало, которые, хотя и были его соплеменниками и единоверцами, все же не хотели видеть рядом с собой более удачливых. Зависть была камнем преткновения всех народов, но и жителей Слободы, она не обходила стороной.

Шли тридцатые годы. В Еврейской Слободе, которую, видимо, из-за пролитой крови многих ни в чем неповинных людей, переименовали в Красную Слободу, со скрипом, с выкручиванием рук шел процесс «сохранения» первого колхоза. Новая власть, построенная главным образом, на диктатуре бедноты, зачастую лентяев и проходимцев, типа Миши Кунголуши, создавала первую сельскохозяйственную артель в Слободе, не считаясь с желанием некоторых ее жителей. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что более 90 процентов жителей Слободы, будучи, что называется, «люмпенами», вступили в колхоз по собственному желанию, «объединились» со своим домашним скотом (у большин-

ства его не было), гужевым транспортом и небольшим садовым участком. Еврейская беднота, вступая в артель, надеялась улучшить свою полунищенскую жизнь за счет коллективного труда. А вот тех, кто отказывался от колхоза, раскулачивали, выселяли, конфисковывали имущество, лишали права голоса. При аресте на следствии они, изучив опыт первых лет работы колхоза, заявляли, что «колхозники те же крепостные, работают не на себя, а на дядю, работают помногу, а получать – ничего не получают, сидят голодные и холодные». Правда, процент этих нежелающих был невелик.

Поскольку у Офдума-шолчи садового участка не было, а одна корова и несколько кур не принимались в счет, его, первое время, в колхоз не звали, однако, по наущению «доброжелательного» соседа, парторг колхоза заявил на очередном собрании, где присутствовал начальник отдела НКВД, что у него есть лошадь и, мол, пусть он сдаст ее в артель, на общее благо, а не разъезжает, как «буржуй», на своем фаэтоне. Выступление это не осталось без следа. Начальник отдела НКВД поручил решение этого вопроса своему подручному – Ашоту Амалдяну и тот долго и с угрозой копал под Офдума-шолчи. Но когда тот показал не только ему, но и начальнику, квитанции об уплате налога не только по торговым делам, но и за лошадь, а также справку финансового отдела, что к нему никаких претензий нет, его оставили на некоторое время в покое. Однако Офдум-шолчи

понимал, что сгустившиеся тучи непременно принесут грозу.

Начальник городского отдела НКВД Мамед Мамедов везде и всегда, при большом скоплении людей или малом, громко, во всеуслышание заявлял, что ненавидит тех, кто наживается за счет чужого труда, буржуев и всяких зажиточных людей, что их надо уничтожать, как врагов трудового народа. Он говорил, что родом из трудовой крестьянской семьи и гордится своими корнями. Корнями, конечно, он имел основание гордиться, но не теми, о которых громко заявлял.

Для того, чтобы выставлять себя таковым у Мамеда Мамедова были веские причины и причины эти крылись в его биографии, подробности которой он скрыл от партийных органов. Дело в том, что хитроумный отец Мамедова, который работал бухгалтером колхоза в одном из южных районов Азербайджана, куда переселился лет десять назад из Кюрдамира, где он был имамом – руководителем богослужения в мечети, духовным главой местной общины. Приход советской власти в город, которая с первых дней объявила религии войну, вынудили имама срочно поменять местожительство, постричь усы и бороду, в некоторой степени сменить облик: поменять одежду и головной убор, и скрыться в неизвестном направлении, дабы обеспечить своим сыновьям продвижение по службе и обеспеченную жизнь. И один из них, старший Мамед, проявил незаурядные способности сначала в уче-

бе, а потом и службе в органах НКВД. Конечно, этому способствовали друзья отца и его тугой кошелек.

Уехав из Кюндамира, он оборвал всякие связи с этим городом, будто умер, и всячески старался отмежеваться от жителей города, дабы люди забыли вообще о его существовании и не мешали ему и его семье в дальнейшем. Надо сказать, что они как огня боялись своего прошлого.

Однако случилось непредвиденное: на базаре Кубы совершенно неожиданно оказался друг Мамеда по мальчишеским играм на одной улице, некий Джамал, как раз в тот момент, когда начальник отдела НКВД города Мамедов, как говорится, в полном параде, в сопровождении двух милиционеров, в поисках нужного им человека, обходили торговые ряды. Хотя и прошло больше 10 лет, все же Джамал, приглядевшись к молодцеватому начальнику, узнал своего друга детства и, хотел было, кинуться к нему, но сдержался, а вдруг не он. Но Джамал не растерялся. Заметив у входа на рынок старика-торговца деревянными ложками, который увидел свиту Мамедова, уважительным поклоном старого знакомого с ними поздоровался, он обратился к старику с вопросом:

– Скажите, пожалуйста, дедушка, как зовут вашего начальника?

– Мамедов, сынок, – приветливо ответил старик.

«Мамедов? – удивился про себя Джамал, – но фамилия Мамеда была не Мамедов».

Тогда он снова спросил старика:

– А зовут его как?

– Мамед Эмирмаруфович, сынок.., – не задумываясь, ответил старик, гордясь, видно, своим знаменитым знакомым.

«Да, я не ошибся, – обрадовался Джамал», – но почему Мамедов..?». И твердо решив узнать все о своем уличном друге, Джамал двинулся за свитой Мамеда.

Прожженный авантюрист и картежный шулер, которому в последнее время патологически не везло, Джамал, за отсутствием денег испытывал в этот период крайнее стеснение. И когда он, узнав подробности личной жизни Мамеда, стал задумываться над причиной смены им, да и его отцом, фамилии, Джамала осенила вдруг кощунственная мысль, что эти люди живут в страхе, боятся своего прошлого и на этом можно нажиться. Но как? Идти напролом – значит нарваться на неприятности. Сообщить в соответствующие партийные и другие органы, что отец Мамеда был имамом, их вытурят с должностей и опозорят, да, но никакой пользы ему самому это не принесет. Здесь нужен шантаж, чтобы они сами принесли ему денежки, так сказать, на тарелочке. И Джамал придумал – его изощренный ум послал к Мамеду двенадцатилетнего, прилично одетого мальчика с известием, что послан к нему отцом Мамеда Эмирмаруфом, который подвернул ногу и ждет того на скамейке в сквере, что был расположен в тридцати шагах от отдела НКВД. Мальчика привел к Мамеду дужурный по отделу и, услышав от него это известие, Мамед сначала удивился (отец не сообщал

о своем приезде), но затем стремглав выбежал из кабинета и быстро, сохраняя степенность, пошел в направлении сквера. Было 6 часов вечера. Мальчик исчез сразу, как и появился, а на скамейке вместо отца сидел незнакомый человек, до боли напоминавшего ему Джамала – друга с улицы в Кюрдамире. Тот улыбался.

– Джамал? – удивился Мамед и громко спросил, – Что это за маскарад, что ты здесь делаешь?

– О-о, Мамед, салам! – выдавив из себя улыбку, приветствовал его Джамал. И, не ответив на его вопросы продолжил, – ты стал большой начальник и фамилию почему-то сменил. Садись, по старой дружбе, поговорим, – предложил он Мамеду место рядом с собой на скамейке.

Мамед сел и неожиданно ответил давно заготовленной фразой:

– Отец нас оставил, пришлось взять мамину фамилию. А ты как, что ты здесь делаешь, почему послал мальчика?

«А-а, понятно, – подумал Джамал, – боишься прошлого, это точно, и про отца наплел; хочешь меня обвести», а вслух сказал:

– Да ты не волнуйся, Мамед, я ведь друг тебе, никому ничего не скажу, будь уверен...

«Прав был отец, – подумал Мамед тем временем, – когда говорил, что любой старый знакомый из прошлого, тем более такой, как Джамал, наш потенциальный враг. Надо что-то делать..., арестовать нельзя – на следствии все выложит, шуму будет много...».

– А чего мне волноваться? – в упор спросил Джамала Мамед и остро взглянул тому в глаза.

Но Джамал не отвел взгляда, не испугался, и не такое видел он в своей хотя и недолгой, но полной риска, а порой и смертельной опасности, жизни.

– Чего? – он усмехнулся. – Да, знаю я и о твоём отце, и о его работе в колхозе, порасспросил людей, а они все знают... Но я ведь тебе друг!..

«Вот как? Ты, негодяй, все знаешь. Зачем же ты ко мне явился, тебе что-нибудь нужно? Деньги? Денег я бы тебе дал, но ведь ты одним разом не успокоишься.., значит, тебя надо успокоить...».

Мамед улыбнулся.

– Ну, конечно друг, но, в самом деле, как ты у нас оказался? Проблемы? Говори, я помогу...

– Попал я сюда по нужде, – сделал вид уставшего человека Джамал, – малость растранижирился. Может, поможешь?

– Конечно, помогу! Сколько нужно? Собрался уехать? – опять улыбнулся Мамед, в голове которого созрел коварный план. – Говори, без всякого помогу старому другу.

– Уехать? Нет, пока нет, – заявил Джамал, нахально, взглянув на Мамеда, – у меня здесь на некоторое время дело есть, а так, на первый случай тысяч сто манат, сможешь?

– Конечно, друг мой, – улыбаясь ответил Мамед и, взглянув на часы, добавил, – сейчас 6 часов, через три часа будь здесь, я принесу деньги. Я бы и домой

пригласил, да сегодня никого нет, они уехали к матери...

– Да нет, ничего... – малость удивился Джамал такой быстрой реакции Мамеда, но не найдя ей объяснения, согласно добавил, – хорошо, я в девять буду здесь...

Пожав друг другу руку, попрощались, но у каждого в голове продолжался начатый на скамейке разговор:

«А не захочешь ли ты, дружок, меня убрать? – думал Джамал. – Не такой ты простак, при твоих регалиях, чтобы так просто отдать такие деньги, хотя... тебе они ничего не стоят?..».

«Нако, выкуси! – пригрозил он Джамалу в мыслях, – ты подавишься, прежде, чем получишь эти деньги. Хотя, если бы ты был порядочным человеком, помочь, конечно, можно было бы, но столько, аппетит у тебя, прямо скажем, людоедский... Нет, нет тебя уже в живых оставлять нельзя, нужна драма...».

«На всякий случай мне нужен помощник, вооруженный при необходимости, – думал Джамал, – его я спрячу за деревом, рядом, пусть будет на страже..., так будет спокойнее...».

Мамед попрощался с бывшим «другом» и направился сразу не в сторону своего отдела, где его дожидалась пролетка, а в обход, то и дело, оглядываясь по сторонам: не идет ли Джамал за ним следом. Но Джамал шел совсем в другую сторону.

Тем временем, Мамед, переодевшись в гражданский костюм, вышел из отдела, спокойно подошел

к своей пролетке и приказал кучеру-милиционеру следовать к концу улицы Бакиханова, к чайной, куда начальник заходил к какому-то своему знакомому, которого кучер-милиционер никогда не видел. Переодетый Мамед юркнул в потайные двери чайханы и почти полчаса не выходил, так как тот, кого он хотел найти, оказался на месте.

По сигналу, приложив палец к губам, мол, молчи и сядь к столу, Мамед сел и усадил хозяина чайной, Угрухана, так звали этого угрюмого гориллу воры, грабители и прочие преступники этого региона. Начальник отдела НКВД Мамедов был для него вместо Аллаха и по его приказанию Угрухан был готов к любому преступлению. Однажды Мамедов спас его, можно сказать, от смерти и посадил хозяином в эту чайную. В органах НКВД этот человек числился в поиске, как опасный преступник и потому он вел образ жизни совы, т.е. ночной. Для него уже третий год поменялось время суток. Мамедов обещал ему помочь и в этом.

– Слушай внимательно, – четко произнес Мамед, – тебе надо убрать одного подонка.

– Хорошо, хозяин, как это сделать? – спросил «чайханщик» готовый ко всему.

– У тебя револьвер есть?

– Да, – ответил «чайханщик» и заерзал на месте. – Дай, эфенди, я вам чай принесу.

– Не надо, я не за этим, – отказался Мамед и продолжил, – сквер около нашего отдела помнишь?

– Да, – снова ответил угрюмый.

– И скамейку в нем?

– Да, конечно, рядом с вами, – понятливо ответил угрюмый.

– В 9 часов, т.е. через, примерно, 2 с половиной часа, – Мамедов посмотрел на часы, – там, на той скамейке, будет сидеть один высокий с усами человек. Зовут его Джамал. Ты подойдешь, спросишь его по имени и всадишь ему в голову и в сердце пару пуль...

– Так, хорошо, – ответил горилла согласно, – а потом?..

– Потом иди спокойно в свою чайхану и ни о чем не беспокойся. Запомни, я своих людей не забываю и в самое ближайшее время, ты получишь паспорт с другой фамилией и уедешь в Турцию...

– Это точно? – и горилла пронзил Мамеда своим угрюмым взглядом.

– Ты что, сомневаешься? – в свою очередь, прямо взглянув на гориллу, ответил Мамед.

Тот, опустив голову, ответил:

– Нет...

Мамед также, по-кошачьи, вынырнул из двери, быстро прошел до переулочка, где стояла его пролетка, сел в нее и поехал в отдел. На вопрос кучера-милиционера, что, мол, ему делать дальше, приказал тому поставить пролетку во дворе и идти домой, что тот и выполнил.

Ночь наступила как-то внезапно, как это бывает летом в южном городе. Однако ночную темноту тускло освещала шафрановая луна. Без десяти минут

девять Мамедов, уже переодевшись в форму, вышел из кабинета и направился к выходу, однако, пошел он не к входу в сквер, а метров на двадцать правее, вдоль ограды, по темной стороне переулка. Зоркий взгляд Мамеда выхватил фигуру человека, сидевшего на скамейке и другого, уже знакомого гориллы, нарочито хромавшего с тростью. Угрухан подошел к скамейке, о чем-то спросил сидевшего и Джамал поднял голову. Мамед заметил, как горилла тут же выхватил револьвер и дважды выстрелил. Но в этот момент из-за дерева неожиданно выскочил незнакомец и выстрелил горилле прямо в лоб. Не раздумывая, Мамед тоже выхватил пистолет и уложил незнакомца.

«Вот тебе и драма, – подумал Мамед, улыбнувшись, и прыгнув через решетку забора, оказался рядом со скамейкой. Быстро обыскав карманы Джамала, незнакомца и гориллы, все трое были мертвы, Мамед забрал обнаруженные бумаги и документы и, заметив подбежавшего к месту происшествия двух милиционеров, приказал первому:

– Саламов, общите, вызовите подводу и в отдел!

– Есть, товарищ начальник, они, что в вас стреляли? – невольно вырвалось у милиционера.

– Нет, у них были свои разборки, пришлось вмешаться. Действуйте, – и Мамедов зашагал к отделу.

Всех убитых после тщательного осмотра обыскали и сфотографировали. Поскольку ни у кого не нашли документов, двоих незнакомцев (Джамала и его друга) увезли в морг больницы, а в горилле опознали опасно-

го преступника, разыскиваемого органами НКВД. Составив соответствующие документы, труп гориллы-Угрухана был передан его родственникам в Кусары. А Мамед получил за все это очередную награду.

Так начальник отдела НКВД Мамед Мамедов поступал и в дальнейшем, когда вопрос касался его интересов и благополучия.

Мамед Мамедов не любил Офдума-шолчи не только потому, что последний был жителем Слободы, а значит – горским евреем, нет, а за то, что тот не пресмыкался, не лебезил перед ним, а вел себя независимо и достойно. А ему, привыкшему, чтобы перед ним преклонялись, унижались, такое поведение торговца было, мало сказать, не по душе, просто раздражало. Кроме того, к его нелюбви почти ежедневно прибавлялись наушничанья и наговоры его хитроватого помощника, в лице милиционера Ашота, который патологически ненавидел Офдума-шолчи и мечтал прибрать к рукам его богатство.

Истории известны случаи, когда злодей мастерски перекладывал свои грехи на другого и тот становился козлом отпущения. Правда, хотя и с опозданием, Бог всегда карал злодея.

Как бы там ни было, Мамед Мамедов был доволен своим помощником не только за его деятельность, ценные сведения, которые он доставлял время от времени, но и материальными взносами в карман шефа. Короче, он полностью вошел в доверие начальника. А вот другой милиционер, Нисим Юсуфов, которого

направили в милицию по разнарядке органов власти, как активиста, обладал не всеми этими качествами. «Ничего, – думал начальник о своем 20-летнем милиционере, – наберется опыта, поумнеет».

Между тем отношения Нисима, атлетически сложенного, весьма незаурядного парня, с Ашотом не складывались. Как-то так случилось, что скользкий, как угорь, хитроватый коллега пришелся Нисиму не по душе и он не шел с ним на дружеское сближение. Того, видно, это не очень огорчало или, может быть, делал вид свойского безразличия. Но Амалдян не был бы самим собой, если бы однажды не дал Нисиму подножку. Он ждал случая.

Что касается Офдума-шолчи, то здесь Ашот был всегда начеку. На следующее утро, когда торговец, после месячного перерыва запряг своего застоявшегося коня и куда-то уехал, к нему примчался Миши Кунголуши и рассказал невероятную историю. Что жена «шолчи», эта «стерва», которая после смерти сына вообще превратилась в дьявола, сегодня с утра стала вместе с дочерью, Шушен, развешивать на веревке в маленьком дворике перед конюшней нестиранное, пролежавшее в сундуке белье. Что, как правило, это делается, когда люди собираются уехать... Это, мол, сигнал к тому, что Офдум-шолчи, готовится к дальней дороге и не один, а всей семьей.

– Честно говоря, меня снедало любопытство, – признался доносчик, – я подошел к забору, разделяющему наши дворы, и крикнул:

– Никак собрались уехать, соседка?

Она, как с цепи сорвалась, с криком кинулась на меня:

– Чтобы ты, говорит, сдох, ябедник (чугьул)! Какое твое собачье дело, что ты, свинья, везде суешь свой нос!?

– Прямо так и сказала? – сделал сочувственный вид Ашот Амалдян.

– Да и неспроста это, товарищ Амалдян, имейте в виду.., – закончил Кунголуши свое очередное донесение, скрыв от Ашота подробности своей перепалки с соседкой Мелке.

Шестнадцатилетняя Мелке, единственный ребенок в семье землевладельца Ифреима, который до коллективизации, не имея земледельческих орудий и достаточного количества людей для выращивания винограда, отдавал свой участок «в долю», а потом, от совместно с «долевиками» убранного урожая, получал свою часть. Мелке выросла красавицей: средний рост, на продолговатом, чуть смугловатом лице, блестели два черных больших глаза с длинными ресницами, длинные черные волосы на голове, собранные в две толстые косы, достигающие до колен стройных ног, слегка припухлые губы, чуть удаленный подбородок, уже сложившаяся девичья грудь, тонкая талия. Девушек в этом возрасте, в большинстве своем, в Слободе отдавали замуж и они, как правило, в течение года становились матерями. И поэтому, Мелке постоянно сопровождали влюбленные

взгляды молодых. Однако вопреки бесчисленным сватам, которые одолевали их маленький домик, Ифреим и его жена, несмотря на некоторые материальные трудности, решили не прерывать учебу дочери и потому всем сватам давали «от ворот поворот». Естественно, это вызывало в Слободе, мягко говоря, у одних недоумение, у других недоброжелательность и возмущение. Что же касается девятнадцатилетнего Миши Кунголуши, родительский домик которого находился рядышком с местом жительства Мелке, так он спал и видел соседскую дочь своей женой в ближайшее время, и когда его родители, сватая ее за своего сына, также, как и другие, получили отказ, Миши не только недоумевал, он просто возненавидел Мелке на всю жизнь. И когда волей судьбы, будучи женатым и отцом пятерых детей, он через несколько лет, снова оказался соседом уже замужней Мелке, он свою патологическую ненависть перенес и на ее мужа Офтума-шолчи, хотя тот был его родственником.

Замужество Мелке все же состоялось. За месяц до окончания учебы в школе, ее родители дали, наконец, согласие на то, чтобы выдать ее за Офтума-шолчи, поскольку этого хотела и сама Мелке, которая в тайной доверительной беседе с матерью, призналась, что Офтум ей по душе, не чета бездельнику и самолюбленному выскочке Миши Кунголуши, который со дня полученного отказа вредил ей как мог: при случае больно тянул ее за косу, исподтишка давал ей подножку, отчего дважды падала и повредила ногу;

громко, в компании таких же болтунов, как сам, говорил о ней оскорбительные слова; словом не скрывал ни от нее, ни от других своей недоброжелательности.

Слово «кунголуши» прилепилось к Миши как кличка, прозвище (лэгъэм) и стало со временем чуть ли не его фамилией. Вообще горские евреи умеют давать прозвища и делать это мастерски, как говорится, прямо в цель. И за время проживания в Слободе почти каждый третий приобретает соответствующее прозвище. Для этого требуется лишь побудительная причина: случай, действие, ненароком высказанное недуманное слово, смешная привычка одного из членов семьи, чтобы со временем она стала потомственной. Таким образом, в Слободе нашли себе место: кличка-привычка, кличка-насмешка, кличка-позор – народное наказание на всю жизнь.

О том, как Миши стал «кунголуши» народная молва рассказывает следующее: у горских евреев, как и у многих горцев, хлеб выпекают или в «тандыре» – тону (яма в земле, имеющая вид усеченного конуса, смазанная внутри толстым слоем глины, с углублениями на внутренней стороне и глубиной около одного метра) или в «куруке» (вроде русской печи). В курук кладутся чуреки при помощи деревянных круглых лопаток, а в тону прилепливаются руками ко внутренним стенкам растопленной ямы. Если прилепленное тесто продержат в тону больше необходимого времени, то приклеенная часть лепешки прогорает и чурек (готовый хлеб в форме большой круглой толстой лепеш-

ки), когда его снимают со стенки ямы, теряет самую свою вкусную часть – на стенке тандыра остается сгоревшая корка – «кунголуши» и получается ущербный чурек.

Нечто подобное случилось и с Миши, когда ему было два годика.

Общеизвестно, что прежде чем затопить тандыр его необходимо вычистить от золы. Так и на этот раз: вначале убрали еще горящие угольки (от предыдущей растопки) и уложили в кучку на краю ямы, второпях накинув на нее тонкую подстилочную подушечку (нимдер), затем очистили от золы, и лишь после этого закинули в яму виноградную лозу и подожгли. Когда лоза вся сгорела, тандыр на несколько минут накрыли фанерной доской, чтобы сохранить тепло и мать Миши, очередь которой выпекать хлеб наступила сегодня, посадила сынишку на эту злополучную подстилочную подушечку, принесла подошедшее тесто и стала выпекать хлеб. И тут произошло нечто невероятное: угольки под подушечкой ребенка разгорелись столь стремительно, что вначале захватили огнем саму подстилку, а потом впились в тело ребенка. Миши, чувствующий вначале тепло, стал ерзать на месте, потом, почувствовав сильное жжение, стал громко плакать и даже кричать, вслед за этим вообще склонился набок и чуть не упал в растопленную яму тандыра. Обезумевшая мать, схватила ребенка чтобы его отшлепать, но протянув руку неожиданно обожглась об остатки горевшей подстилки, прилепившимся к телу ребенка.

Мальчик от малейшего прикосновения матери к его оголенной и сгоревшей попке, стал кричать и плакать еще пуще. И на глазах ошеломленной матери сгоревшее место стало покрываться волдырями.

Ребенка, конечно, вылечили, лишь на сгоревших местах остались ущербные рубцы. Но это не помешало местным мастерам прозвищ, через десять лет после очередной каверзы подростого Миши вспомнить этот случай и прилепить к его имени кличку «кунголуши». Народная память ничего не забывает.

Не рассказал тогда доноситель Ашоту еще об одном, оскорбительном для себя, эпизоде из своего разговора с Мелке, когда она, схватив сильной рукой его за ворот рубашки, глядя ему прямо в глаза спросила:

– Слушай, ты.., кажется, на голове шапку носишь, а не ... платок, что ты хочешь? У тебя стыд, намус, мужское достоинство, наконец, есть? Мой муж тебе двоюродный брат, даром, слышишь, слюнтяй, бесплатно дает твоей семье мешками муку и сахар, бидонами масло, детям твоим подарки, чего ты еще хочешь? Ну, ответь мне.., чего ты все время высматриваешь, вынюхиваешь, как голодная бродячая собака?.. Мало тебе того, что воруеть теперь и в колхозе, будучи там завскладом, не хватает соседских кур и индюшек? Тебя, подлеца, жалеют, жалеют твоих детей, не хотят доносить в милицию, а так по тебе давно тюрьма плачет.

Она говорила все это громко, на всю улицу Слободы, на всеуслышание сновавших тут и там соседей, которые и без этих заслуженных оскорбительных слов

знали, что Миши Кунголуши первый негодяй на их махале, спит и видит, как бы напакостить соседу, хотя тот был к нему по-родственному добр и милостлив.

«Так ему и надо, – говорили между собой соседки, считавшие, что Миши Кунголуши, этот завистник и вор, давно заслужил подобного позора. Презрение их было настолько велико, что они обвиняли «кунголуши» даже в смерти 12-летнего сына Офтума-шолчи, хотя, справедливости ради, следовало сказать, что мальчик умер потому, что с детства, несмотря на старания отца и многих врачей, куда он возил больного сына, рос весьма хиленьким, крайне болезненным, чухоточно бледным, что называется «глистой в обмороке». Мелке знала об этом и потому к приписываемому «кунголуши» обвинению относилась с недоверием.

Миши Кунголуши старался вырваться из цепких рук возмущенной Мелке, раза два даже с силой оттолкнул ее, но освободиться не сумел.

– Стой, пакостник! Что заработал, то и получай, – еще раз остановила его Мелке и обратилась к соседям, забыв в эти минуты о велении мужа вести себя накануне отъезда тише воды и ниже травы. – Как нам быть, как избавиться от этого злодея? Да, много лет назад мои родители отказались выдать меня замуж за этого бездельника. Я должна благодарить их, пусть земля им будет пухом, они еще тогда разглядели в нем подлеца и негодяя, но видит бог, что тебе это с рук не сойдет, бог обязательно покарает тебя за все твои деяния... – она устало опустила руки.

Миши Кунголуши, наконец, освободился из рук Мелке и под улюлюканье соседских женщин побежал и скрылся в своей хибарке.

В это же утро Нисим Юсуфов, в красящей его лицейской форме, шел по мосту через Кудиял-чай, мимо родника Гыз Беневша, где неожиданно повстречался со стройной красавицей Шушен, дочерью Офдума-шолчи. Девушка, с закинутым за плечо кувшином, шла к роднику за водой. Они посмотрели друг на друга, на секунду-другую взгляд их задержался, словно каждый хотел сказать другому о чем-то затаенном, но, опомнившись, что вокруг люди, девушка опустила голову и пошла к роднику. Нисим давно приметил эту голубоглазую красавицу, знал, чья она дочь и как ее зовут, чувствовал, что и он ей не безразличен, но заговорить с ней при людях не решался. И так уже год продолжалось это бессловесное знакомство, чтобы судьбе было угодно свести их при весьма трагических обстоятельствах.

Между тем, к вечеру следующего дня, вернулся Офдум. Поездкой он остался доволен. Дербент встретил его приветливо. Знакомые соплеменники помогли ему найти небольшой одноэтажный каменный дом, что по тем временам считалось роскошью даже для Дербента. Решился вопрос и с учебой дочери – гимназия согласилась принять Шушен с учетом ее подготовки. Дело осложнялось лишь одним: как уехать из Слободы незамеченным завистливым соседом, который, несмотря ни на что, спал и видел, как бы ему напакоstitь.

А то, что между милиционером Ашотом и Миши Кунголуши есть какая-то связь Офдум, после учиненного ему недавнего допроса, не сомневался, ибо такие подробности из его жизни, о чем спрашивал «блуститель закона», мог знать только «любопытный» сосед.

Поэтому, вернувшись домой, Офдум позвал жену вглубь дома, расспросил о степени подготовки ее и дочери и, удовлетворившись ответом, вышел во дворик, не развязывая коня, положил ему на ночь корма с таким расчетом, чтобы рано утром тронуться в путь. Дом он решил пока не продавать, просто закроем на замок, мол, пути Господни неисповедимы, может быть наступят хорошие времена, и он еще вернется в родные края. Человеку свойственно надеяться...

Однако, как ни старался Офдум быть незамеченным, все же от глаз вездесущего соседа спрятаться не сумел. В этот же вечер этот завистник и доносчик успел застать своего «друга», Ашота, на работе и сообщить о том, что Офдум-шолчи собирается не позднее, как завтра на рассвете, улизнуть и вероятно прихватить с собой все свое богатство. Ашот всполошился, не верить своему осведомителю у него не было никакого основания, ибо сведения его отличались точностью и весьма большой осведомленностью. «У этого еврея поистине собачий нюх, способности незаурядного ищейки, фискала и, если он цеплялся за кого-то, улизнуть от него было невозможно. В конце концов, – думал Ашот, – если еврей гробит еврея, не в этом ли моя главная цель?!»

– Ты здесь подожди, – предупредил Ашот осведомителя, – я сейчас.., – и побежал в кабинет начальника, который собирался уходить.

– Товарищ начальник! – полушепотом воскликнул его верный помощник. – Наш «уважаемый шолчи» собрался бежать...

– Какой шолчи? – не сразу врубился Мамед Мамедов.

– Ну, этот торгаш из Слободы, который нажил целое состояние на шалях.., – подробно объяснил милиционер.

– А..а, понял, а куда бежать?

– Это-то мы утром и выясним, – обрадовался Ашот, что начальник, наконец, клюнул...

– Каким образом? – сразу насторожился начальник. – Смотри без шума...

– Там целое богатство, – мягко стелил Ашот, зная алчность начальника, – вам и мне не помешает, уважаемый Мамед Эмирмаруфович.

– Он же так просто их не отдаст, – справедливо заметил начальник, – значит...

– Вот именно, – улыбнулся Ашот и добавил, – сейчас кругом разбойники-гъэчагъи, они как раз евреев и убивают...

– Смотри мне, – предупредил начальник, – дело серьезное...

– Не волнуйтесь, товарищ начальник, овчинка стоит выделки, – заверил его Ашот и неожиданно добавил, – дайте мне одного в помощники...

– Возьми Юсуфова.., – предложил Мамедов, – только ты его не очень жалуешь...

– Юсуфова? – переспросил Ашот, о чем-то раздумывая в эту минуту.

– Ах, да, он же еврей, – вспомнил начальник, – может...

– Нет, нет, он-то как раз и подойдет – заверил начальника Ашот и направился в комнату напротив, где сидел Нисим.

– Смотри, будь осторожен, – бросил ему вдогонку Мамедов.

– Не волнуйтесь, товарищ начальник, все будет хорошо.., – убежденно ответил Ашот и через пару секунд открыл дверь Нисима.

– Привет стражу порядка и законности! – приветствовал он Нисима занятого делами. – Я только что от начальника, нам завтра рано утром, часам к пяти, надо быть здесь. Предстоит операция...

– Какая операция? – любопытствовал Нисим. – Надо брать кого-то?

– Отгадал, – улыбнулся Ашот, показывая ущербные зубы, – мимо нас из Баку будет проезжать фаэтон, надо арестовать его экипаж...

– Сколько их? – спросил Нисим.

– Двое: он и жена, так что проблем не будет.., – снова улыбнулся Ашот и добавил, – еще вопросы есть?

– Нет, буду вовремя.., – ответил ничего не подозревавший Нисим и снова углубился в бумаги...

С моря дул свежий утренний ветер, хотя августовский день обещал быть жарким. Дорога на Дербент вела по накатанному желтому песку, откуда близость моря ощущалась по отдаленному шуму прилива и редким крикам вечно голодных чаек, которые, молниеносно схватив рыбку из воды, улетали прочь, чтобы на ходу, в полете, съесть ее, и потом снова пуститься в охоту. Ашот и Нисим на лошадях, спрятавшись за кустами в трехстах метрах от поворота из Баку и Кубы, ждали фаэтон, который по сведениям известным лишь одному Ашоту, должен был вот-вот показаться. И, действительно, через несколько минут на повороте появился фаэтон, в котором Ашот безошибочно узнал пролетку Офдума-шолчи. Хотя запряжен он был в одну лошадку, шел фаэтон легко и на высокой скорости. Нисим даже интуитивно неподготовленный к этой встрече, не знал, что Ашот обманул его, что в фаэтоне находятся не жители Баку, и едут совсем не оттуда, а его соплеменники из Слободы. Мало того, в этой пролетке сидит, кроме отца и матери, девушка его мечты – красавица Шушен. Не знал, не ведал Нисим еще об одной чудовищной задумке Ашота, этого юдофоба, который в крови сегодняшнего злодеяствия решил утопить и его самого. Не простил ему Ашот непринятия его «дружбы», как ему казалось, высокомерия в отношении себя, чего он, испорченный властью, никому не прощал.

В тот момент, когда милиционеры оказались прямо с боку фаэтона, раздался выстрел Ашота и громкий приказ:

– Остановитесь!

Офдум, услышав этот окрик, вздрогнул и испугался. Он узнал Ашота-милиционера и интуитивно почувствовал страшную беду. Этот негодяй всем своим омерзительным видом вызывал в нем страх и ненависть, несчастье и желание бежать. «Остановиться – это значит всем погибнуть, этот разбойник никого не пожалеет», – подумал он и подстегнул коня. Конь, словно почувствовав опасность, пустился вскачь что было силы. Однако уйти далеко не удалось. Офдум полез под сиденье и вытащил револьвер. «Лучше погибнуть от пули врага, чем сдаваться ему, – снова решил он, но не успел даже подумать об этом, как раздался новый выстрел.

Пуля, выпущенная Ашотом попала под левую лопатку Мелке и она, не издав ни звука, сразу погибла. Увидев, как с ее губ стекает кровь, Офдум остановил фаэтон, поднял голову безжизненной жены и завопил, как раненый зверь:

– Мелке, родная, как я тебя не сберег? – и посмотрев на плачущую дочь, сказал, – что бы со мной не случилось, возьми этот узелок (показал взглядом) и беги. Потом встал во весь рост и выстрелил в Ашота, однако тот нагнулся за холкой коня и следующим выстрелом сразил и Офтума. Подъехав к фаэтону, Нисим узнал мертвого Офтума-шолчи и бледную как смерть, плачущую Шушен.

– Ах, ты, негодяй, убийца! – закричал он на Ашота, – что ты наделал, скотина! Ты же убил ни в чем не повинных людей! Тебя за это судить будут!

– Кто, молокосос, будет меня судить? – ехидно спросил Ашот Нисима. – Не ты ли?

– А хоть и я, – возмущенно ответил Нисим и приказал, – немедленно опусти револьвер!

– Сейчас, дурачок, но сначала я убью и тебя, – раздался выстрел и хотя Нисим успел отпрыгнуть в сторону, все же пуля попала в него и он упал с коня.

Шушен, увидев это, схватила узелок, который перед смертью передал ей отец, спрыгнула с фаятона и пустилась бежать, однако не успела она бросить узелок за кусты, как ее настиг Ашот. Он слез с коня, схватил Шушен за косу, заставил подняться и жестко спросил:

– Где отцовское богатство, сучка?

На него смотрела испуганная до слез девушка.

– Ну?!

– Не зна..ю, – отвечала Шушен, не зная что предпринять дальше.

– Тогда я тебе сейчас покажу!.. – вскричал Ашот, бросил девушку на землю и стал сдирать с нее платье...

– Не-е-т! – вскричала девушка, – Убийца! Не смей!

– О..о!.. Какие здесь прелести, – стал восхищаться насильник, разглядывая обнаженный бюст девушки.

– Не смей! Помогите! – кричала она в безлюдное пространство этого раннего летнего утра.

Нисим пришел в себя от страшного крика девушки, который раздавался совсем близко. Он сделал попытку поднять голову и посмотреть, откуда раздается крик, но жгучая боль в правом плече пронзила все его существо, и он снова на миг потерял сознание. Однако где-то рядом снова раздался нечеловеческий крик о помощи. Нисим превозмог боль, поднял голову и увидел, как Ашот пытается раздеть девушку. Взгляд его упал на револьвер убитого Офдума и он, ценой страшных болей, протянул левую руку, схватил револьвер и направил его на этого гада в обличии милиционера.

– Оставь в покое девушку, Ашот! – громко, из последних сил, крикнул он.

Ашот замер, остановил свои действия, также на коленях повернулся к Нисиму и, выхватив из кармана пистолет, спокойно сказал:

– Ты еще жив, сопл..я..к?.. – и направил на Нисима свое оружие. Однако выстрел прервал его жизнь на последнем слове.

Нисим бессильно опустил пистолет и снова уронил на землю голову. Тем временем пришла в себя Шушен, она быстро собрала свое разбросанное и разорванное белье, кое-как оделась и, хотела уже бежать, но, увидев распластанное тело своего спасителя, остановилась в нерешительности. Потом подошла к нему ближе и увидела на его правом плече огромную кровоточащую рану.

Нисим открыл глаза и тихо, но внятно приказал девушке:

– Забирай необходимое и беги, здесь оставаться нельзя!

– Куда? А их?.. – и плача, она показала на мертвых родителей.

– Их уже ничего не спасет, – Нисим терял силы, – беги к дедушке Авшалуму, сторожу артели, его дом на краю Слободы, скажи от меня...

– Как ты.., ты же истекаешь кровью.., – она продолжала плакать.

– Месяца два-три не показывайся, – он закрыл глаза, ему было трудно говорить. Потом снова открыл их и тихо продолжил, – беги, слышишь, сбереги себя, тебе здесь оставаться нельзя, бе..ги...

Прихватив узелок, Шушен бросилась бежать к Слободе.

Придя еще раз в себя, и, убедившись, что девушка убежала, Нисим обратил внимание на пистолет в руке и выбросил его ближе к руке убитого Офдума. Больше он уже ничего не помнил...

Глава 2

Часам к 9 утра начальник отдела НКВД Мамед Мамедов, расхаживая по своему кабинету, неожиданно вспомнил о своем плутоватом помощнике – Ашоте Амалдяне, который по общим подсчетам должен был уже вернуться с немалым кушем, однако того не было. Он тут же вызвал дежурного по отделу.

– Амалдян здесь?

– Нет, товарищ начальник, с утра не был, – ответил дежурный.

– А Юсуфов Нисим?

– Тоже не был...

Мамедов понял, что случилось что-то непредвиденное, и приказал:

– Немедленно запрячь мою пролетку и четырех милиционеров на лошадях!

– Есть, товарищ начальник!

Быстро выехали на пересечение с бакинской дорогой и двинулись к северу. С правой стороны слышался шум прилива – примерно в двух верстах плескался Каспий. Поднявшееся солнце уже нещадно палило. Неожиданно один из милиционеров крикнул:

– Там какие-то люди, товарищ начальник!

– Приготовиться, но без моей команды не стрелять, – приказал начальник и подъехал ближе.

В глаза бросилась страшная картина: рядом с фаэтоном (Мамедов узнал фаэтон «шолчи») были уложены два трупа: Офдума и женщины, на другой стороне – труп Ашота, а с Нисимом возился старик и молодой человек, которые его перевязывали. Тут же, понуриив головы, стояли лошади: одна на привязи к фаэтону, а двое – у тел своих немощных седоков.

– Как он? – спросил Мамедов старика, показывая на Нисима.

– То приходит в себя, то теряет сознание, – ответил старик сочувственно, – много крови потерял, видно кость на плече задета, но жить будет...

– Откуда вы, дедушка? – еще раз спросил Мамедов. – Как вы здесь оказались?

– Нефтяники мы, здесь в двух верстах вышка, после смены идем домой, в Худат, – ответил старик и показал на своего спутника, – это мой сын...

– Фамилия ваша как?

– Гусейнов Агапаша Низам оглы – это я, а моего сына зовут Юсуп, – ответил старик, видя, как начальник все записывает.

– Это вы уложили трупы?

– Да, сынок, – охотно ответил старик, – женщина и этот мужчина (он указал на Офтума) лежали внутри фаэтона, вот этот револьвер, – он вытащил из кармана свернутый в тряпку пистолет и протянул начальнику, – лежал рядом на земле, видно выпал у него из рук. Больше мы ничего не трогали, кроме только вот куска простыни, что лежало внутри фаэтона, чтобы перевязать этого молодого милиционера, – и старик указал на Нисима.

– Вы что-нибудь еще взяли? – строго спросил начальник. – С вами был еще кто-нибудь?

– Нет, клянусь Аллахом, мы больше ничего не взяли и с нами никого не было.

– А этот где лежал? – показал начальник на Ашота.

– Вот там он и лежал, – охотно ответил старик, – и этот, которого мы перевязываем, здесь и лежал...

– Вы их карманы не обыскивали? – снова пытливо спросил старика начальник.

– Нет, сынок, клянусь Аллахом, нет, – ответил старик, – мы налегке, у нас нет ни поклажи, ничего, можете нас обыскать...

– Нет, старик, мы вам верим, – ответил Мамедов и подозвал одного из сопровождавших его милиционеров, – ты положи Юсуфова на этот фаэтон и в больницу и чтобы никого к нему не пускали, кроме врача.

– Есть, товарищ начальник!

– Исполняй..., и пришли сюда подводу и еще пару людей на подмогу.

Нисима все вместе уложили на фаэтон Офдума и отвезли в больницу, он все еще продолжал оставаться в бессознании. Старика с сыном отпустили домой. Мамедов с другими работниками отдела обошли и обыскали все вокруг места происшествия, лишь одиночный след маленьких ног уходил прочь, а потом почему-то исчез и он. «Да, наделал этот Ашот дел, теперь придется расхлебывать мне, – думал начальник, возвращаясь к трупам. Он пошарил в карманах Ашота и ничего, кроме револьвера Нисима, удостоверения личности милиционера и листа бумаги на армянском языке, ничего другого не оказалось. Тут же рядом лежал выпавший из его рук, собственный револьвер. – Почему револьвер Юсуфова оказался в его кармане? Кто убил Ашота и кто убил Офдума и его жену? Куда девалось богатство торговца? – эти вопросы не давали ему успокоиться. – Куда девалась дочка торговца, не она ли прихватила с собой богатство отца? Надо бы ее найти и обязательно. Иначе, если станет извест-

но, что ее родителей убили мои милиционеры, беды не миновать. Срочно надо поговорить с Юсуфовым, он единственный свидетель, кроме дочери. Надо придумать версию, что напали гьэчэгъи-разбойники, убили Офдума с женой и забрали награбленное и, когда подоспели наши, одного убили, а другого ранили и убежали, подумав, что тот тоже убит. Эта версия наиболее выгодная мне и нашему отделу...».

– Ты, Гайдаров, – обратился начальник к одному из милиционеров, маленькому тщедушному человечку, – иди по этому следу, – и указал на след босых ног, – узнай, куда и к кому ведут, обязательно, но сам ничего не предпринимай, потом мне доложишь...

– Хорошо, товарищ начальник, – и побежал по следу...

– А вы, Саламов и Асланов проскочите в дом погибших, до нашего приезда общитесь с ним, никого не пускайте, что найдете, надежно спрячьте, ждите нас. Вот вам ключи, – и Мамедов передал Саламову ключи, изъятые из кармана Офтума.

Вскоре подоспели подвода, фаэтон Офдума и несколько милиционеров. Еще раз обыскали вокруг, но ничего существенного более не нашли.

– Судя по следам на дороге, разбойники ускакали на север, – заметил Мамедов одному из сотрудников отдела. – Давно они сюда не заходили, вконец обнагтели, даже наших людей не испугались...

– Да, давно такого не было, – согласился собеседник, – никак опять с района Кусаров...

– Подумаем.., – многообещающе заметил начальник.

Ашота положили на подводу и отправили домой в сопровождении двух милиционеров, дав им соответствующее указание. Труп же Офдума с женой на фаэтоне начальник решил сопровождать сам, дабы заодно разузнать о дочери убитых.

* * *

На окраине Слободы, близ дороги на Кусары, стояла маленькая глиняная избушка – гъэзме, в которой жил семидесятилетний сторож бондарной артели дедушка Авшалум. Сторожем он работал здесь и раньше, когда синагога была еще открыта, а затем она была конфискована новой властью под артель. С каких пор поселился дедушка Авшалум в этой избушке доселе неизвестно, но жители Слободы вспоминают, что сперва была маленькая комнатка с одним оконцем и дверцей, сбитой из куска старой замшелой фанеры, потом она малость расширилась и в ней, кроме столба-основы в центре строения, появилась еще одна темная комнатка, с маленьким оконцем на дворик, прихожая, куда дедушка Авшалум повесил старый умывальник, утлую табуретку под таз и рядом невысокий сидяк для ведра с водой, которую он приносил с родника, когда Слобода все еще спала. Пол, стены и крыша избушки ежегодно перед Пасхой-Нисону мазалась глиной, стены же, кроме этого, покрывались известью, которую дедушка Авшалум задолго до праздника привозил из Дербента, сам гасил в старом чугушке, у которой край был обло-

ман и для приготовления плова на большие торжества уже не годился. Этой известью дедушка Авшалум щедро делился и с соседями, с которыми жил в дружбе и согласии. После этой работы старик на неделю-другую куда-то уезжал и всегда возвращался уставшим, но одухотворенным. Несколько лет назад к нему поселился сын с женой да с внучонком трехлетним, но, не прожив и двух лет, они уехали от него куда-то севернее, как говорили всезнающие, в Дербент. Но дедушка Авшалум никогда об этом не рассказывал и вообще словоохотливостью не отличался.

Как бы то ни было, постепенно история его жизни обрастала былью и небылицей. Например, молва утверждала, что жил дедушка Авшалум в небольшом селе, близ Варташена, что там была у него большая семья: он с женой да шестеро сыновей. Но случилось великое несчастье: в тот самый день, когда они с сыном пасли общественный скот, накануне Пасхи, на село напали разбойники-гъэчэгъгъ, совершили погром: уничтожили его жителей и унесли все ценное. Похоронив своих близких и родных, седой сорокапятилетний Авшалум с сыном, покинул те места и оказался вначале в Кусарах, пожил там несколько лет, потом, когда женил сына, приехал в Слободу, где у него нет ни одного родственника. Говорили еще, что одно время он ухаживал здесь за одной вдовушкой, но то ли она не пришлась ему по душе, то ли сам этот хабар высосан из пальца, у дедушки Авшалума второй половины не стало. Но одно можно было утверждать

с уверенностью, что всю свою нерастрченную любовь к детям он перенес на восьмилетнего Нисима – соседского мальчика, росшего в большой многодетной семье Юсуфовых. Об этой привязанности старика в Слободе говорили с уважением, как образец почитания не только старшим младшего, но и наоборот. Нисим любил старика за его доброту, за сказки, которые тот умел рассказывать часами, с удовольствием ел с ним неумело приготовленную им пшеничную кашу. Эту любовь Нисим пронес через всю свою недолгую еще жизнь и называл Авшалума не иначе, как дедушкой. И то, что Нисим стал честным, порядочным молодым человеком, активным комсомольцем в Слободе, этим он в первую очередь, обязан дедушке Авшалуму. И когда встал вопрос, куда следовало послать Шушен в этот трагический час, Нисим без раздумий посоветовал ей бежать только к дедушке Авшалуму.

Уже давно, за самым редким исключением, когда приезжал Нисим, к нему никто не стучался. Да старик и не ждал никого, бывая большей частью у себя на работе. И поэтому он был крайне удивлен, когда в это раннее субботнее июньское утро к нему несмело постучались, потом открылась дверца прихожей и у порога свалилась без чувств девочка в изодранном платье и с увесистым узелком. Не пытаясь спросить ее о чем-то, он взял ее на руки и положил на топчан. Затем вышел, принес кружечку свежей воды и попробовал дать ей хоть немного и, когда она выпила глоток, успокоился. Жива, слава Богу.

Уж как Шушен, а эта была она, убитая горем, истерзанная руками хладнокровного убийцы, свидетельница страшного преступления, добежала до хибарки старика, одному Богу известно.

Бог мой! Сколько было в истории этого маленького народа таких девочек и мальчиков!

Однако Шушен помнила: о ее пребывании у дедушки Авшалума месяца два-три не должен знать никто, так сказал Нисим – ее спаситель, значит ей самой грозит опасность. Поэтому, придя в себя, она продолжала плакать и сквозь слезы, с трудом рассказывала старику свою печальную историю о том, как на ее глазах милиционер Ашот, так называл его Нисим, убил сначала мать, потом и отца, как этот изверг хотел надругаться и над ней, как этому помешал раненый Нисим, и что он посоветовал ей бежать к нему, к дедушке Авшалуму, чтобы на время скрыться. При этом, вспомнив о чем-то, Шушен стала глазами искать возле себя свою поклажу, но старик успокоил ее сказав:

– Не волнуйся, деточка, твой узелок в надежном месте...

* * *

Милиционер Гусейн Гайдаров, которому начальник поручил найти дочь убитого Офтума-шолчи, шел по следу девочки, как вышколенная ищейка, след в след. Иногда, потеряв знакомый уже отпечаток босой ножки на песке, он полз, вынюхивал и, уже отчаявшись, неожиданно находил новый след, будто девушка, чтобы запутать

следы, делала высокие прыжки, и снова обрадованный двигался дальше. Ему надо было хотя бы на этот раз добиться успеха, ибо уже десятый год его не продвигали по службе и обещали выгнать из органов. Наконец, где-то часам к десяти утра он оказался на окраине Еврейской Слободы, в тридцати шагах от хибары дедушки Авшалума и остановился в раздумье. Здесь следы прерывались. Он без шума подошел к единственному окошку старика, прислушался: не было ни звука, но неожиданно скрипнула дверь, и у порога появился Авшалум.

– Ты что, служивый, ищешь, вынюхиваешь? – строго спросил старик маленького, худенького милиционера, голова которого на тонкой шее вертелась как юла.

– Вы здесь не видели босоногую девочку, дедушка? – спросил он вежливо, застигнутый врасплох.

«Дедушка», – сквозь зубы процедил Авшалум, – уже пронюхали, ищейки, а преступника так скоро искать не будут», – но сдержав возмущение, спокойно ответил:

– Ко мне даже собаки не заглядывают, не то, что люди, – и добавил, – никого не видел...

– А может там, в сарае? – показал милиционер на заброшенный сарайчик, но пойти туда не решился.

– Там пусто, я только что оттуда, – ответил старик смело, – если хочешь, иди, смотри... «Если станет рыскать, прибью лопатой», – решил про себя Авшалум и отошел в сторону, пропуская непрошенного гостя.

Но милиционера не насторожил смелый ответ Авшалума и он, попрощавшись, ушел от хибарки старика дальше по улице. Памятуя о предосторожности, о которой говорил начальник, а также по причине того, что людей на улице становилось все больше и больше и они невольно обращали внимание на человека в форме представителя правопорядка, Гайдаров направился к ближайшему дому, где жил его знакомый по службе в Красной армии.

Он постучал в ворота и, открыв калитку, крикнул вглубь двора:

– Есть кто!? Соломон!

– Да, – услышал он в ответ, – никак Гусейн? – с улыбкой на устах спросил хозяин притворно.

– Молодец, узнал сразу, – в свою очередь улыбнулся милиционер и направился дальше вглубь двора, чтобы пожать протянутую руку хозяина.

«Я-то молодец, – подумал Соломон, совсем не обрадованный появлением незваного гостя. – С чем-то ты пожаловал?» Вместо этого, притворно улыбаясь, произнес:

– Заходи, садись, правда, на плов расщедриться не могу, но чаем угощу, – сказал он, прихрамывая, направляясь к столику под тутовым деревом, затем спросил, – какими судьбами в наших краях?

«Конечно, ни с чем хорошим ты в Слободу не пришел, – не дожидаясь ответа, тут же подумал Соломон, – зыркаешь, чего-то ищешь...».

– Да, так, шел мимо и вспомнил, что живешь здесь, дай, думаю, загляну, проведаю, давно не виделись, – го-

ворил Гусейн, разглядывая двор сослуживца, – а чай..., с удовольствием, жарко сегодня, – он снял фуражку, сел на предложенный стул за маленьким столиком. На столе стоял чайник с чаем, сахарница и недопитый армуды стакан хозяина.

«Так я тебе и поверил, ищейка поганая, – думал тем временем Соломон, – наверняка кому-то хочешь напакостить, о чем-то хочешь узнать, и главное, у меня... держи карман шире... А вслух сказал:

– По какой бы причине не пришел, милости прошу, – он подвинул к гостю стакан и налил чаю. – Чай горячий, только что снял с плиты. Ну, рассказывай как дела, не женился еще?

– Спасибо, все слава Аллаху, хорошо. Женился недавно, вижу и у тебя все как-будто хорошо...

– Особенно похвастаться не могу, но, слава богу, живем..., – отвечал Соломон устало, – но кажется мне, что ты неспроста в наших краях? – и хитровато взглянул в лицо милиционера.

– Такого, чтобы сказать особенного, ничего нет, – ответил Гусейн плутовато, – так, по старой дружбе, по секрету хотел спросить, не появлялась ли сегодня здесь по-соседству девушка лет пятнадцати, не видел?

«Вот оно что? – Соломон, неожиданно, вспомнил босоногую девушку, дрожащую, то ли от утренней прохлады, то ли от страха, сегодня ранним утром, оглядываясь по сторонам, тихо постучалась и юркнула в дверь старика Авшалума. – И ты, негодяй, возможно, причастный к ее страху, хочешь, чтобы я сказал тебе,

где она прячется? Нет, – злорадно подумал Соломон, – я тебе дам такие сведения, от которых ты, холуй, подавишься...».

– Девчушка говоришь? – Соломон сделал вид, что задумался, – что-нибудь натворила, наверное, а то, я ведь знаю, что милиция так просто человека не ищет?

– Нет, поверь мне, – ответил Гайдаров, – спрашиваю просто для сведения... Вижу, что знаешь...

«Вот ты и попался, голубчик! – подумал Соломон, взвешивая свой возможный ответ. Допустим, я скажу этому олуху о племяннице парторга Илесефа, которая тоже сегодня утром приехала к нему. Пусть милиция подумает, что эта та самая девчушка, которую ищут. Когда же придут в дом Илесефа, станет ясно, что они ищут. Выяснится, что эта девчушка совсем не та. Илесеф подымет скандал. Между ним и милицией начнутся разногласия. Очень хорошо, пусть поймет, что милиция стала вообще неуправляемой... Конечно, такой урок Илесефу преподнести надо, а то уж больно стал занудой в последнее время».

Все это пронеслось в голове Соломона, когда он окончательно решил выдать ложную информацию.

– Если так, то я кое-что тебе скажу, только, чур, я ничего тебе не говорил, обещаешь? – Соломон пристально взглянул на Гусейна.

– Клянусь, могила! – ответил обрадованный милиционер. – Не томи, говори...

– Сегодня утром, буквально час тому назад, к нашим соседям, – Соломон показал на дворовой забор

соседа, – то ли приехала, то ли пришла, такая самая девчушка, о которой ты говоришь...

– Ты ее видел? – невольно вырвалось у милиционера.

«О-о, клюнул» – подумал Соломон, а вслух сказал:

– Да, как тебя сейчас, соседи называли ее племянницей...

– А кто твой сосед? – спросил милиционер, как человек, у которого уже созрел план действия.

– Парторг колхоза, Илесеф Иношке.

– Что ж, пойду, – сказал милиционер Гайдаров, в душе которого ликовал огонь удачи. Он встал, от всей души пожал хозяину руку и, прихватив фуражку, стремглав выбежал на улицу.

* * *

Через два часа всей Слободе стало известно об убийстве известного торговца Офдума-шолчи и его жены Мелке. Что на его же фаэтоне, в сопровождении начальника отдела НКВД, только что в его дом привезли два окровавленных трупа. Услышав об этой вести и, не сказав об этом Шушен, дедушка Авшалум приказал ей никуда не выходить и поспешил в дом уже покойного Офдума, где у ворот собрался народ и стояли два милиционера, которые по приказу своего начальника бегло все обыскали и, кстати, ничего не нашли.

Дедушка Авшалум и двое соседских мужчин вошли в дом, в потайной комнате нашли в сундуке целый тюк сатина (у горских евреев для таких случаев, а в их

истории их было множество, подобные тюки всегда имеются в наличии. Было видно, что из этого же тюка использовали на саван и недавно умершему сыну), а на дне сундука, под картонкой, приличную сумму денег (будто предусмотрительный хозяин учел и такой случай). А старая тетушка Офдума, Милко, сестра его отца, она же мать небезизвестного Миши Кунголуши, еще месяц назад предавшая сына анафеме, за позор, которым он покрыл ее седую голову своими деяниями, первой пришла в скорбный дом своего безвременно ушедшего племянника и, накрыв голову черной шалью, окуталась в (овил) траур.

Сообщив людям о том, что хоронить будут завтра, в воскресенье в 10 часов утра, дедушка Авшалум и Милко взялись приводить умерших в надлежащий вид.

Дедушка Авшалум вытер мокрой салфеткой тело Офдума от крови, раздел его и накрыл до омовения простыней. Затем, попросив Милко сделать тоже самое с женой Офдума, Мелке, он помчался в больницу, где, как ему сказали, находится Нисим. Однако до его прихода в лечебное учреждение, произошло следующее. Вернувшись в отдел, начальник отдела Мамедов срочно вызвал к себе переводчика с армянского и дал ему перевести листок, найденный в потайном кармане Ашота. Эта была листовка, в которой группа дашнаков призывала своих сподвижников любыми путями продолжать наносить вред советской власти, разжигать межнациональную рознь, провоцировать еврей-

скую часть населения на выражение недовольства советской властью.

Мамедов был взбешен. Он понял, наконец, какие далеко идущие планы плел Ашот – один из оставшихся приверженцев «дашнаков», ярый враг советской власти, убийца и грабитель. И какую роль в этой драматической игре отводилось сыграть самому Мамедову?

«Ах, ты, мерзавец, обманывал, – мысленно клял он своего любимчика, Ашота, – как ластился, как змеей влез в доверие! Казался другом, а оказался врагом. Жене – цветы, мне – подарки, а потом стал давать деньги и немалые, – вынужден был признаться сам себе начальник. – Вымогал и грабил, в основном евреев, а мне.., хотел из меня, верного сына народа, сделать предателя, врага нашей партии. Ишь чего захотел, сделать из меня марионетку: куда хочу, туда ворочу... Так тебе и надо, доверчивому! – продолжал он корить себя. Я бы, если мог сейчас, как в былые времена, честно и прямо смотреть правде в глаза, если бы не допустил эту гнусную ошибку, я бы тебя не хоронить, да еще с почестями, нет, я бы сбросил тебя в помойную яму, как последнюю собаку.., – мысленно, с возмущением говорил он с воображаемым Ашотом... Но что теперь делать? Да, ты меня перехитрил, придется держаться версии, что на этих, из Слободы, напали разбойники, а мои милиционеры встали на их защиту, один, мол, убит, а другой, ваш молодой земляк, тяжело ранен... Надо теперь уговорить Юсуфова... Ждать нельзя, надо ехать к нему!...

Врач – хирург встретил начальника отдела НКВД с почтением. Доложил, что операция прошла успешно, пулю удалили, задета ключица, но срастется, мол, парень молодой. Правда месяц – другой двигать рукой нельзя, надо ходить на тугой перевязи. Можно ли поговорить с раненым? Да, наркоз отошел, теперь можно.

– Прошу к нам никого не пускать, – попросил Мамедов хирурга, – мне надо поговорить с ним конфиденциально...

– Хорошо, товарищ Мамедов, – согласился хирург и тут же, пропустив его в одноместную палату, закрыл за ним дверь.

– Ну как дела, герой, рассказывай, – по-отечески погладив его по голове, спросил он Нисима и присел рядом с ним, – говори как было?

– Ашот Амалдян, товарищ начальник, не милиционер, а бандит, – сразу выпалил Нисим всю правду. – Вначале он обманул меня, сказал, что мы, на пересечении бакинской дороги с кубинской, встретим двух грабителей, что мы должны их арестовать, а если не сдадутся, убить.

– Это он так тебе сказал? – переспросил Мамедов.

– Да, товарищ начальник, якобы так сказали ему вы, – подтвердил Нисим, – потом, когда мы заметили фаэтон, мы поскакали с боку им наперерез, Ашот выхватил пистолет и выстрелил в воздух, предупредив экипаж остановиться. Те не стали останавливаться, а пустили лошадь еще быстрее. Здесь, оказавшись

с фаэтоном в 30–40 шагах, я заметил, что в нем не двое, якобы грабителей, а один мужчина и двое женщин.

– Ты, что, их не сразу узнал? – удивился начальник.

– Нет, товарищ начальник, я никак не мог предположить, что они наши слободчане, если бы я сразу узнал, я бы не допустил кровопролития, – Нисим закрыл глаза, видимо воспоминания сегодняшней трагедии, мешали ему сосредоточиться.

Ждал и Мамедов.

– Вдруг Ашот прицелился и убил вначале одну женщину, она сползла внутрь фаэтона, и я это увидел, потому что подъехал совсем близко и узнал Офдумашолчи. Он в этот момент возился с убитой женой. Пораженный этим видением, я крикнул Ашоту, чтобы он перестал стрелять.

– И что сделал он?

– Он, оскорбив меня самыми похабными словами, прицелился в меня и выстрелил... Падая, будучи еще в сознании, я заметил как Офдум и Ашот одновременно выстрелили друг в друга и, как мне показалось, когда старик делал мне перевязку, они убили друг друга...

– Куда девалась дочь торговца? – невольно вырвалось у начальника. – Где она в настоящее время?

– Не знаю, товарищ начальник, впоследствии я подумал, что это она вам сообщила об убийстве своих родителей. Но одно я хочу сказать, товарищ начальник, Ашот Амалдян не тот человек за кого себя выдавал...

«Ты прав, сынок», – мысленно согласился он с Нисимом, но вслух сказал совсем другое.

– Скажи мне, сынок, – Мамедов остановился и спросил, – могу я тебя так называть?

– Да, товарищ начальник, вы для меня все это время были как отец, – уважительно ответил Нисим.

«Вот и хорошо, – подумал Мамедов, – значит разговор у нас получится».

– Дело это с Ашотом и с тобой – двумя милиционерами нашего отдел, приобретает такую огласку, что полетят много голов, в том числе и моя, – чистосердечно признался Мамедов. – Ашот уже мертв, эта сволочь обманула не только тебя и меня, но и соседа этого бедного «шолчи», которого зовут, кажется, Миши Кунголуши, которого Ашот заставлял постоянно доносить на него, а тот, видно, из зависти это делал. Так вот, этот Миши вчера письменно сообщил Ашоту о намерении этого «шолчи» бежать всей семьей из Слободы, прихватив с собой все свое богатство. Я ничего об этом не знал, а час тому назад нашел этот донос в столе Ашота.

А он мне сказал, что это ваш приказ, – простодушно признался Нисим.

– Я же говорю, обманул и тебя и меня, – играя в откровенность говорил Мамедов. – Этого нашего общего врага уже нет, бедного «шолчи» с женой тоже нет, ты ранен и, если об истинном положении узнает начальство, тебя уволят с позором, меня же лишат должности и звания. Ты бы хотел этого, сынок? Заслужили мы этого позора, что поверили врагу нашей родной власти?

– Нет, товарищ начальник, ни вы, ни я этого не заслужили, – вполне логично согласился Нисим, – но что мы можем сделать?

– Выход есть, сынок, если ты согласишься, – просто душно ответил хитроумный Мамедов.

– Какой? – вырвалось у Нисима.

– Если ты – единственный свидетель хотя бы на словах подтвердишь, что видел, как на фаэтон покойного «шолчи» напали разбойники, убили их, а вы успели, лишь когда преступление было уже совершено, вступили с разбойниками в бой, в котором вы убили двоих из них и они, в свою очередь, убили Ашота, а тебя, думали тоже убили... Я своих людей к этой версии уже подготовил...

– Как же так? – усомнился Нисим, – во-первых, кому я должен это сказать, во-вторых, Ашот – убийца, а не герой милиционер, в-третьих, куда девались убитые разбойники, в-четвертых..., я думаю, должна быть дочь убитых, на ее глазах Ашот убил ее родителей и как я могу, если она появится, сказать что-либо в защиту этого убийцы?

– Сказать это надо, прежде всего, мне, этого достаточно, если ты дашь мне мужское слово, – начал убеждать подчиненного начальник, – трупы разбойников забрали их живые друзья с собой, чтобы не оставлять следа. Если бы можно было Ашота живого поднять и с позором расстрелять – это другое дело, но он убит, и героя из него никто не собирается делать, «шолчи» с женой завтра тоже похо-

ронят. Что касается девочки, ее ищут, но не могут найти...

«И не найдут» – мысленно сказал Нисим и еще раз убедился в правильности своего решения.

– Но, если я тебя попрошу найти ее в последующем, поговорит с ней, я думаю вопрос снимется сам собой. Я прошу тебя это сделать для меня, у меня где-то через месяц-другой намечается повышение, меня прочат в управление, в Баку. Там я тоже тебе пригожусь. Но кроме этого, я тебе сделаю великолепное выдвигание... Только помоги мне и ты не пожалеешь.

Нисим задумался. Конечно, Ашота от последующего позора избавил он сам. Иначе, в силу сложившихся обстоятельств, он поступить не мог. Если бы Ашот был сейчас жив, он бы его все равно прикончил. В этом начальник прав и если этого убийцу похоронят без особых почестей, в чем начальнику можно верить, этот вопрос можно закрыть. Кроме того, на карту поставлено будущее начальника, его карьера, и если его припрет, то он шагнет не только через него, Нисима, но и через кого угодно, в чем он убеждался сам. В конце концов, он сварганит это дело так, что найдутся свидетели, и они подтвердят, как Нисим убил Ашота за то, что тот решил арестовать торговца и спекулянта – его соплеменника, а тот попросил Нисима убить милиционера – старшего по званию за вознаграждение. И дело с концом. Пока его лишь просят и надо быть благоразумным. Нежелательно, чтобы искали и Шушен. Еще неиз-

вестно что будет, если ее найдут: послушные подручные вывернут девчонку наизнанку, а нужные ответы на свои вопросы получают. Поэтому надо согласиться с начальником и в этой позиции. Что касается версии о том, что напали разбойники и как сказал начальник «он уже и людей к этому подготовил», то пусть будет так...

– Хорошо, товарищ начальник, я даю вам слово, что если меня спросят, я выдам вашу версию, – сказал все это Нисим одним духом.

– Молодец, – похвалил его начальник, – я так и знал, что благоразумие в тебе возьмет верх. Теперь слушай. Через два-три месяца будут менять секретаря райкома комсомола. Я тебе обещаю, что на этой должности будешь ты. Веришь мне?

– Конечно, верю, товарищ начальник.

– А теперь лечись и выздоравливай, время не ждет...

Мамедов ушел окрыленный, крепко пожав на прощание левую, здоровую руку Нисима. Нисим же остался в раздумье, все больше приходя к выводу, что он, хотя и пошел против правды, все же избавил Шушен от дальнейших поисков, да и себя от преследований все сильного начальника. Черт с ним, с этим Ашотом, Бог наказал его за злодеяния.

В это время к нему постучали, и у порога появился дедушка Авшалум. Старик бросился к нему, ласково пожал здоровую руку, погладил голову, как это сделал накануне начальник, но это прикосновение было ему вдвойне дорого и приятно.

– Долго засиделся здесь твой начальник..., думал не успею. Как ты себя чувствуешь? Шу...

– Небось, догадываешься, о чем мы тут, – ответил Нисим, и тут же прикрыв пальцем рот, дал понять старику, что называть ее имя нельзя. – Я понял дедушка, спасибо тебе! – силился улыбнуться он, – Как видишь, операцию сделали, боли, правда, еще сохранились. Говорят и они пройдут. Но лечиться придется долго, может быть разрешат бывать и дома.

– Не торопись, задело видно крепко, надо вылечиться. За нас, сынок, не волнуйся, все будет хорошо, – говорил старик, радуясь, что его любимец после такой передраги, все же остался жив – сейчас я побегу, пришлось долго ждать.

– А чего так скоро?

– Похороны завтра, надо успеть..., – ответил старик твердо. – Но я еще приду к тебе.

– Ты вот что дедушка, – вдруг вспомнил Нисим, – более подробно я еще успею рассказать, но одно знай твердо, что в смерти Офдума и его жены – вина его соседа Миши Кунголуши, это он написал на него донос...

– Что ты говоришь?! – удивился старик. – А ведь они близкие родственники?! Надо же, подлец! Ну, да ладно, я побегу, завтра похороны убиенных, надо все сделать по-людски...

* * *

При всем том, что Мамедов после беседы с Юсуфовым был в состоянии эйфории, все же он понимал,

что допустив Ашота так близко к себе, совершил большую ошибку, которая могла привести его к катастрофе. И у него, после прочтения наказов движения «дашнаков» своим участникам, созрел план большого разоблачения их шайки в городе Кубе, а может, если удастся, и в других местах. С этой целью в тот же день он посетил сапожную мастерскую, где работал друг, а может быть и сподвижник Ашота, некий Гурген. Человек он был улыбочивый, с манерами компанейского парня, эдакого любителя легкой жизни. Однажды, после знакомства с ним, Гурген принес Мамеду сшитые по высшему классу хромовые сапоги, чем привел начальника в восторг.

– О..о, Мамед-джан! – встретил он уважаемого гостя и провел в свой закуток. – Какими судьбами?

– Беда у нас случилась, Гурген, – сокрушенно сказал Мамедов и зорко посмотрел на сапожника.

– А что случилось, Мамед-джан? – с сочувствием спросил Гурген, который действительно ничего о происшествии не знал.

– Как? Ты не знаешь? – сделал Мамед вид что удивился. – Часа два назад убили Ашота... Тело уже повезли домой...

Мамедов заметил, как изменился в лице Гурген, как он, опустив голову, сел на табурет и сидел минуту в молчании, а потом огорченно произнес:

– Такова ваша служба, Мамед-джан, царство ему небесное... А у него ничего такого не было, а то он любил все что найдет, в карман класть?

– Нет, что у милиционера может быть, кроме удостоверения личности, – с горечью подытожил начальник.

– Да, конечно, жалко нашего товарища... – сказал сапожник задумчиво.

– Да, Гурген, шел мимо и вспомнил, что вы с ним друзьями были...

– Спасибо дорогой, Мамед-джан, дай Бог вам здоровья...

Мамедов вышел из мастерской и решил проследить за действиями сапожника в дальнейшем. Действительно, через несколько минут Гурген, переодевшись, направился сперва в дом Ашота, где побывал несколько минут, потом на угол улицы Бакиханова, где работал известный в городе адвокат, затем побывал по 6–7 адресам, где хозяева значились торговцами, плотниками и даже каменщиками. Записав все адреса, Мамедов прибыл в отдел, вызвал штатного фотографа и без обиняков спросил:

– У тебя есть знакомый фотограф, которого можно попросить, не вызывая подозрений, через 3 часа на похоронах Ашота сфотографировать всех пришедших проститься с покойником.

– Да, есть, – удивился фотограф, – а я что, товарищ начальник?

– Тебя знают как нашего, милицейского, – ответил начальник, – а мне нужен посторонний, как, скажем, с похоронного бюро.

– А..а.., понял, – осенило фотографа, – а во сколько точно?

– В 4 часа дня, т. е. через 3 часа на армянском кладбище, – ответил Мамедов и добавил строго, – смотри, обязательно.

– Будет сделано, товарищ начальник!

Однако в это время в кабинет Мамедова влетел Гайдаров и стал подробно рассказывать начальнику о своих утомительных поисках и об удаче, которой они увенчались.

– Так ты нашел девочку, – наконец не выдержал Мамедов, – не болтай лишнего...

– Да, товарищ начальник, – ответил Гайдаров радостно.

– Где она находится, ты знаешь?

– Да, товарищ начальник, – снова подтвердил милиционер.

– Тогда, поехали! – Мамедов вышел из-за стола, – Зови еще одного милиционера.

Через пять минут пролетка начальника отдела НКВД в сопровождении двух конных милиционеров двигалась к дому Илесефа Иношке.

Толкнув калитку ворот сапогом, которая и так держалась на честном слове, отчего она отлетела, сорвавшись с петель в сторону, три милиционера вошли во двор Илесефа и направились к удивленному хозяину, собравшемуся пойти в траурный дом Офдума-шолчи.

– Вы что себе позволяете, товарищ Мамедов? – вскипел Илесеф.

– К вам сегодня утром пришла девочка? – строго спросил Мамедов.

– Да, – ответил Илесеф, – только она больше приехала, чем пришла.

– Где она, покажите! – приказал начальник отдела НКВД.

– Так, в чем дело все-таки? – ничего не понимал Илесеф. – Она моя племянница.., – и Илесеф повернулся к стоящей рядом девочке...

– Да, черт возьми, покажите вашу племянницу! – опять приказал начальник.

Илесеф слегка двинул девочку вперед и сказал:

– Вот она, приехала к нам из Дербента.

– Где твой узелок? – спросил Мамедов у девочки.

– Какой узелок? – спросила девочка, широко раскрыв глаза и с обидой, воскликнула, – что вы кричите? Никакого узелка у меня нет, я приехала с отцом на августовские каникулы...

– Как? – не понял Мамедов, – а где Ваш отец?

– Я здесь, – сказал мужчина и вышел вперед...

Мамедов сразу понял, что произошла чудовищная ошибка и повернувшись в сторону Гайдарова, с искривленным ртом выпалил:

– Куда ты нас привел, сукин сын!?

– Я подумал, что эта и есть та девочка, которую мы ищем, товарищ начальник, – ответил бледный, как лимон, Гайдаров.

– У тебя еще есть чем думать? – злился Мамедов. – Пошли, я тебе покажу, как надо думать!..

И все трое зашагали к разбитой калитке, но тут им дорогу перегородил Илесеф.

– Вы что себе позволяете? Врываетесь в дом, крушите ворота, орете на всех и уходите, как ни в чем не бывало. Имейте честь, хотя бы извиниться! Я парторг колхоза и не позволю вам вести себя по-хамски! Я на вас жаловаться буду! – кричал он, догоняя Мамедова, который, по сути, бежал к воротам со своими милиционерами.

У самых ворот Мамедов вдруг остановился и спокойно, с дикой злобой в глазах, внятно сказал:

– Слушай ты, сопляк еврейский, перестань брызгать слюной, – стал платком вытирать свой китель, – иди, жалуйся куда хочешь, плевал я на тебя, парторг... гребанный! – и ушел, с твердым намерением поехать к Юсуфову Нисиму.

Илесеф, как стоял на месте, так и остался стоять, как вкопанный. Он был ошарашен и впервые понял, какой он беззащитный.

Но после недолгих раздумий, все же собрался в райком, к Назаралиеву, с жалобой на оскорбления Мамедова.

* * *

В назначенное время, хотя и было жарко, на кладбище собралось человек пятьдесят: мужчины в черных костюмах, в головных уборах и без, женщины в накинутых черных платках с букетами цветов, пятеро сотрудников отдела во главе с начальником, они же принесли с собой пару венков. Юркий, вездесущий фотограф бегал меж собравшихся и фотографиро-

вал их, вызвав недоумение одного из скорбящих, мол, откуда тот взялся. Однако, когда кто-то ответил, что с похоронного бюро, успокоился.

Перед тем, как опустить гроб с телом в могилу, выступил заместитель начальника и сказал, что Амалдян Ашот был хорошим работником, погиб на посту, защищая жизнь мирных жителей. Далее никто выступать не стал, хотя взоры всех были обращены к адвокату. Гроб опустили, забросали землей, установили временный крест, положили венки и цветы. Оркестр завершил процессию похоронным маршем.

Мамедов ликовал – фотографии оказались четкими, объемными и все лица были опознаны уже к концу дня. Кроме каменщика все 8 человек оказались членами подпольной контрреволюционной группы «Дашнак», которая ставила перед собой главную задачу – свержение советской власти. В мастерской ошеломленного Гургена нашли листовки, воззвания, небольшой склад оружия: ружья, пистолеты, патроны и гранаты. Главным в группе оказался, как и предполагалось, адвокат. Но самой большой неожиданностью для аппарата райкома партии оказался факт причастности к «дашнаковцам» заведующего канцелярией – Гранта Микельяна, очаровательного молодого мужчины, который своей красотой и обходительностью покорила всех женщин райкома. В момент ареста он оказал сопротивление и был убит милиционерами.

Разоблачение группы «дашнаковцев» подняло престиж Мамедова еще выше, и вопрос о его продвиже-

нии по службе ускорился. А через 2 месяца, накануне своего отъезда на работу в Баку (говорили, что его назначили руководителем управления НКВД) Мамедов заехал к секретарю райкома комсомола Юсуфовой Нисиму, поздравили друг друга, и Мамедов, узнав о том, что Нисим нашел Шушен и очень дружен с ней, улыбаясь, спросил:

– Как там узелок ее, нашелся?

– Нет, – также улыбаясь, ответил Нисим, – тогда же его разбойники и унесли...

Мамедов от души расхохотался и сказал:

– Ты не обижайся, Нисим, я тебя за твой ум и люблю... Да, кстати, – словно вспомнив о чем-то спросил он, – а чем она занимается?

– В вечерней школе, ликвидирует безграмотность, – ответил Нисим и добавил, – она же школу окончила...

Никто из них не знал, что один из них прослывет самым «неподкупным» работником внутренних дел республики, а другой окажется в самом горниле черных тридцатых годов, в самом апогее «классовой борьбы».

* * *

Согласно ритуалу, горские евреи Слободы хоронят усопших в день смерти, если же покойник ушел из жизни в пятницу после 4-х часов дня или в субботу, то похороны откладываются на воскресенье. Траур (овил) наступает сразу после предания тела земле и снимается на седьмой день. По обычаю пред-

ков покойника моют и одевают в саван из белого плотного хлопчатобумажного полотна, без гроба. Все мужчины-жители Слободы считают своим долгом проводить покойного в последний путь. Во время захоронения женщины не допускаются. После похорон состоится сьюфре с борухои – траурная трапеза. На столе: вареные яйца, яблоки, овощи, зелень, рыба, а если покойник умер своей смертью, т. е. не при трагических обстоятельствах, предусматривается мясное блюдо и водка. Может быть, это отголоски почитания прежних божеств, например, семерке, как божественному числу. В библии, например, утверждается, что Бог сотворил все сущее за семь дней. Танах состоит из семи частей. Мы говорили о семи таинствах мира, семи чудес света, семь кругов ада, семи свечах миноры и прочее.

Как бы там ни было, горские евреи, и женщины в том числе, 7 дней соблюдают «шеву»: не выходят из дома, не моются, не меняют одежду, а женщины – не меняют место, где они плачут и причитают, мужчины не бреются. Все эти дни трижды исполняются молитвы в синагоге и дома: утром – шахарит, в обеденное время – минха, а вечером – аревит, потом произносят «кадиш». При этом мужчины сидят отдельно, а женщины там, где в течение дня они собираются и оплакивают умершего. Была в эти дни и известная на всю Слободу плакальщица, которая в своем «Плаче» вспоминала имена умерших близких и родственников почти всех сидящих рядом женщин, перечисляла

их достоинства, вызывая сожаление и слезы, и, сопровождая общим «криком души» всех женщин вместе «Гьей вой изар!», что означает: «О, горе!».

И вот, в момент этого «Плача» в комнату, где сидели мужчины и слушали плакальщицу, вошел Миши Кунголуши, который, видно, только что узнал о случившейся трагедии, чему в большей степени был обязан сам. Когда он хотел сесть на свободный стул, его увидел дедушка Авшалум. Старик ошалел от такого кощунства и как не старался сдержать себя, все же не выдержал и встал со своего места и прилюдно, громко произнес:

– Тебе здесь, сукин сын, делать нечего! В смерти этих двух людей: мужа и жены твоя вина! Твоя зависть и предательство!

– Что ты болтаешь, старик?! – вскричал Миши Кунголуши! – Ты из ума выжил?!

– Нет, негодяй, твоя зависть (бэхили) и донос (чугъули) привели их к смерти. Вон отсюда!

Разъяренный Миши Кунголуши, хотел ударить старика, однако, наслышанные не только от дедушки Авшалума, но даже и от его собственной матери, которая за его бессовестные деяния, вместе с невесткой и детьми, покинули его дом, мужчины повскакивали со своих мест и бросились в поддержку старика.

Первым схватил негодяя за руку председатель колхоза Пинхас Авшалумов, сороколетний плотный, коренастый мужчина, известный среди своих соплеменников как человек честный и неподкупный. За глаза

о нем с уважением рассказывали уже ставший легендой случай о том, как бывший парторг колхоза, узнав о бедственном положении его семьи, попросил чабана послать к нему домой освежеванного ягненка, от чего Пинхас пришел в ярость и отослал «подарок» обратно, попутно отругав чабана за подобное деяние.

Так вот, остановив распетушившегося Кунголуши, Пинхас строго сказал:

– Остановись Миши, выслушай народ... Не знаю, каким образом дедушка Авшалум узнал о твоём очередном мерзком поступке, но глубоко убежден, что если дедушка говорит об этом – это правда, горькая правда..., – он опустил голову, словно не Миши был виноват в случившемся, а он сам, потом продолжил, – вот уже несколько месяцев тебя, по ходатайству отдела НКВД, как общественного помощника милиции, – с издевкой добавил предколхоза, чем вызвал тихий смех собравшихся, – тебя мы назначили заведующим колхозным складом и что же?..

– Доверили волку ягненка!.. – сказал кто-то из собравшихся, чем снова вызвал тихий смех, ибо смеяться в траурном доме неудобно и непозволительно.

– Вот, вот, – снова продолжил Пинхас, – и уже дважды сторож колхоза докладывал мне, что ты ночью ворующь со склада зерно..., я пожалел не тебя, а твоих детей..., мало тебе «помощник милиции», что обворовал всю соседскую живность, так ты теперь..., вот что я тебе скажу напоследок, уходи из Слободы, уноси свой позор, вон из нашего дома!

Зашумели, загалдели и выдворили Миши Кунголуши из дома покойников.

«Оказывается, люди все знают, – подумал дедушка Авшалум, – недаром говорят, что на дне народной памяти лежат все твои деяния, человек!»

После подобного позора горские евреи говорят: «Эри эну э гьовре дарафде хуби», что означает: «Теперь ему впору только похоронить себя». Через некоторое время стало известно, что он навсегда покинул Слободу. Так горские евреи старались клеймить в своей общине тех, кто позорил их подобными деяниями, однако, зависть «бэхили» оказалась живучей.

Глава 3

С вечера похолодало. С севера, где-то с района Кайтага – подножия кавказского хребта, с ущелья «Дерей гьэтте», в сторону реки Уллу-чай, к древним селам: Падару и Татляру, устремив длинную белую бороду вперед, змеей ринулся колючий ветер. Неудовлетворившись этим, он, охватывая дно Джалганского ущелья, извиваясь всем телом, пополз вверх к Рукелю, затем, обдав всех холодом, спустился к «Дерей Гьуш» и уже не задерживаясь там, бросился по предгорной равнине лезгинских аулов и хуторов к подножию Шах-дага и здесь, у возвышенности Вурду, будто устав от бега, накрепко вцепился зубами в Еврейскую Слободу.

К утру запорошило. Распаханные поля стали похожи на посыпанные солью ломти ржаного хлеба. Ветер

за ночь, словно метлой, прошелся по занесенным тут и там снежной крупой, улицам. Белые полосы и заплатки стали частью угрюмой картины дворов и огородов, кое-где тускло лоснились заледенелые лужи. И хотя сквозь низкие серые тучи, выскочило вдруг изумленное солнце, холод все же не только не отступал, а как бы даже усилился.

Неожиданное в этих краях подобное похолодание в декабре вызвало в Слободе беспокойство его теплолюбивых жителей. Первыми засустились садоводы колхоза, ибо заморозки, при температуре ниже нуля, могут погубить непривыкшие к холоду деревья и единственная надежда тогда лишь на спящие почки, а на это надеяться все равно, что дуть на ошпаренный кипятком палец. Поэтому, вопреки холоду, колхозники артелью вышли на садовые участки, стали собирать хворост и выкорчевывать пни, разводить с четырех сторон огромные костры, чтобы дымом пылающих дров согреть деревья и не дать им замерзнуть. Видавшие виды садоводы рассказывали, что зачастую таким вот образом спасали нежные абрикосы, черешню и вишню, а самое главное, тутовые плантации, от перегонки которого, колхоз имел значительный доход.

Рядом с шагавшим меж деревьев председателем, вприпрыжку, как дрессированный заяц, двигался и парторг колхоза Илесеф Иношке.

Тридцатидевятилетний Илесеф был ниже среднего роста, худощавый, с невыразительными, серыми глазами, отличавшими его от кареглазых сопле-

менников. С Пинхасом Авшалумовым они выросли на одной улочке Слободы, были ровесниками, учились у раввина в Хедере, а потом в одной общеобразовательной школе. И если Пинхас выделялся среди своих товарищей высоким ростом и спортивным телосложением, то Илесеф рос хилым и болезненным, если Пинхаса боялись сверстники и не лезли на рожон, то Илесефа били и часто он возвращался домой с окровавленным носом и синяками. В то же время учился Илесеф хорошо и начальную школу окончил раньше Пинхаса на один год и продолжал учебу по сей день. Кстати, в партию его приняли в Слободе одним из первых, так как кроме начитанности, его отличали от многих других исключительная бедность и высокий революционный порыв. Однако, оказавшись ближе к власти, соседи и те, кто оказался с ним рядом на работе, обратили внимание, что Илесеф стал раздражительным, нетерпимым к чужим ошибкам, более того, мстительным и безжалостным к людям, даже к тем, кого считал раньше близким человеком.

К секретарю райкома Назаралиеву он все же пошел и пожаловался на Мамедова, однако тот, похлопав его по плечу, ответил:

– Товарищ Мамедов, друг мой, для нас уже недосягаем, он уже один из руководителей управления республики. Так что, успокойтесь и делайте свое дело. А к нам прислали нового начальника отдела НКВД, говорят, хорошего человека...

Так, получив новый щелчок по носу, Илесеф вернулся домой, но выводов для себя так и не сделал...

– Ты знаешь, Пинхас, – говорил парторг возмущенно, обращаясь к предколхоза, – мы в это тревожное время, забыв о собственных семьях, спасаем плодовые сады колхоза, не считаясь с холодом, некоторые даже без теплой одежды вышли на работу, наши же враги, кулаки Овroom Изра и Овroom Хаим, со всей своей сворой устроили свадьбу, а Бирор Бирхиё, этот кулацкий лизоблюд, гуляет так, будто это его собственная свадьба... Надо что-то делать, председатель?!

– Что ты предлагаешь, парторг? – остановившись, спросил Пинхас. – На деле будто и придраться не к чему, свадьба у них была назначена еще месяц назад...

– Ну и что! К ногтю их надо. Я завтра поговорю с новым начальником отдела НКВД товарищем Седефовым, пусть принимает меры.

– Не торопись Илесеф, основной народ Слободы, как тебе известно, с самого начала в колхозе, а эти несколько человек..., вот посмотришь, как только у нас дела в колхозе пойдут лучше – оживился Пинхас, – и те два-три человека к нам придут, прибегут, мы еще посмотрим, принимать их к себе или нет...

– Э-э нет, председатель, – категорически не согласился парторг, – сейчас наши дети голодные, холодные, а они с жиру бесятся, не могу я с тобой согласиться...

– Ничего, парторг, будут и наши дети сыты, – в раздумье промолвил Пинхас.

– Дело не в этом, я это и сам знаю. Ты вспомни, как жила семья Бирора Бирхйё до выхода из колхоза, – неожиданно спросил Илесеф Пинхаса, – впроголодь, а сейчас ему нарочно, даже себе во вред, кулаки платят значительно больше, мол глядите – вне колхоза лучше. Это, знаешь ли, политика врага, направленная во вред колхозному строю... Нет, нет, надо их душить!

Пинхас понимал, что коллективный труд единомышленников должен быть более производительным, что большому коллективу доступно то, что не может сделать единоличник, а вот на деле что-то не клеилось, дела в колхозе шли с трудом, со скрипом, а иногда вообще из рук вон плохо, – уже третий год колхоз выдавал колхозникам крохи. Почему? Неужели потому, что всем платят одинаково? Этот вопрос и ответ не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Надо было признаться и в том, что в колхозе было много лодырей, отдельные из них воровали колхозное добро, как чужое. Но большинство ведь работают и хорошо работают, тут же отрицал он себя. Вот и сегодня, аж душа радуется.

– Ты чего молчишь? – прервал его размышления парторг. – Или тебе не по душе мои слова? Так и скажи, чтобы я знал...

– Не кипятись, Илесеф, не забывай, что мы все здесь, в Слободе, как одна большая семья, и горе и радость одного, как тебе известно, общая. Вот вечером сегодня половина Слободы будет гулять на этой свадьбе. А что касается, как ты говоришь, кулаков..., то,

если подумать, какие они, к черту, кулаки, у них все, от мала до велика в семье работают, даже семидесятилетние старики, оба Овроомы, тоже не лежебоки, с утра до вечера вкалывают. Что же касается Бирора Бирхие, он племянник Овроома Изра, чужой труд ведь не используют... Так что, с выводами не торопись, друг мой...

– Ишь куда загнул! – взорвался Илесеф. – Ты знаешь, куда ты скатился, Пинхас? На позицию оппортунизма, соглашательства с нашими классовыми врагами. За это по головке не погладят! Придется мне делать выводы, как парторгу! Нет, Пинхас, хотя мы с тобой и друзья, но с этого дня наши пути разошлись! – Илесеф резко отвернулся от председателя колхоза и собрался, было его оставить, но Пинхас, зная сумасбродный характер Илесефа, мягко остановил его:

– Да подожди ты, успокойся, давай подумаем...

– Я уже подумал, – резко оборвал разговор парторг, – никогда не соглашусь с подобным мнением. Наши дети голодные и холодные, а они живут в тепле и сыты, мы с утра до вечера вкалываем, а они... – вдруг запнулся парторг.

– А они, – тут же подхватил Пинхас, – работают тоже с утра и до темна, ничуть не меньше других, но работают не как некоторые наши лодыри...

– Ах, значит, все колхозники лодыри? – возмутился парторг еще больше, а ты что же ничего не предпринимаешь в таком случае. Не думал я, что мой друг так низко падет... Нет, я этого так не оставлю! – и ушел.

Пинхас стоял в задумчивости: «Да, не понял ты меня, друг мой, лучше сказать, не сумел я объяснить...» – пронеслось у него в голове, – за свое упрямство они налогов платят в пять раз больше других, живут в постоянном страхе, что какой-нибудь чиновник от власти, вроде тебя, Илесеф, приведет налоговиков или милиционеров и как это стало модно в последнее время, лишат их еще чего-нибудь...».

Пинхас вспомнил свою последнюю встречу со своим сверстником, сыном Овроом Хаима, Мардахаем, и разговор, который с ним состоялся.

– Я знаю, Пинхас, ты не самодур, как этот выскочка, Илесеф, – сказал Мардахай, указав в сторону Илесефа. – Создавая колхоз, было объявлено, что это дело добровольное. Так было сказано на высоком уровне. Так?

– Да, – ответил Пинхас, – это действительно так...

– Вот наша семья и дяди Овроома Изра решили в колхоз не идти, и, как тебе известно, мы не знаем отдыха, ведем свое хозяйство сами, всей семьей. Теперь нам говорят, что мы кулаки, чуть ли не враги, и заставляют, буквально принуждают идти в колхоз, иначе... лишают права голоса, в несколько раз завышают налоги, отбирают.., – и неожиданно, словно от зубной боли, пожаловался, – землю отобрали, всю, что возле сюрта, за кладбищем...

– Это не моя инициатива, – посочувствовал Пинхас.

– Посеянное – перепахали. Илесеф все...

Мардахай, казалось, ждал, что скажет Пинхас. Думал, скажет недоброе про Илесефа. Но он про-

молчал. Пинхас, видно, не хотел беречь ни свою, ни его боль.

– Не знаю, что будет, – снова в отчаянии продолжил Мардахай, – ничего не понимаю. Колхоз производит фрукты и овощи, и мы производим. Колхоз выносит на рынок, продает народу и мы тоже продаем, иногда даже чуть дешевле. Так кому мы враги?

Пинхас молчал. Сам того не понимая, этот сухопарый человек, его друг и сверстник, смотрел в самый корень, говорил о самом наболевшем, как о том, о чем больше молчать нельзя. А кому сказать, если вся власть ополчилась на этих настоящих трудяг, чтобы их или уничтожить, или заставить идти в колхоз. А они не хотят отдавать свое, своим горбом нажитое... Что в этом плохого, если они не хотят голодать и страдать от холода...

Пинхас молчал и думал. Он понимал, что этот произвол властей связан с какой-то большой ошибкой в верхах, но ничего с этим сделать не мог. Разгуливал ветер, охлаждал лицо, шею. Пробирала дрожь.

– Ты не обижайся, говорю не потому, что ты председатель колхоза, – Мардахай виновато опустил голову. – Тебе говорю, а с собой разговариваю, спрашиваю, кому, мол, будет хорошо, если вместе со многими будет и нам плохо? Разве для этого строили новую власть? Помнишь, как мальчишками бегали по нашей махале и радовались пришедшей вести, что победила советская власть. Мой двоюродный брат, Натан, с моим братом, Соломоном, в составе

частей 11 армии освобождали Азербайджан от мусаватистов и их иностранных пособников. У Соломона до сих пор пуля в ноге, хромает... Для нас, горских евреев, она стала вдвойне родней, наша власть. Что же теперь?..

Пинхас ходил от одной группы работающих колхозников к другой, иногда вступал в разговор, но думы уносили его к словам Мардахая.

Размышления председателя прервал мальчик – колхозный посыльный:

– Дядя Пинхас, к нам там приехали начальники, вас ждут...

Пинхас заторопился, «Неужто Илесеф успел доложить начальству, – устало подумал он, – что сукин сын делает...». У самого крыльца споткнулся о порог, чуть не упал, выругался себе под нос и открыл дверь конторы. Секретарь райкома Назаралиев сидел за столом председателя колхоза, начальник городского отдела НКВД шагал из угла в угол, Илесеф-парторг на скамейке, а председатель сельсовета Севи Шомоилов о чем-то говорил или отвечал на вопросы Назаралиева.

– А вот и председатель – увидев входящего Пинхаса воскликнул Назаралиев, и неожиданно обратился к Пинхасу, – что здесь у вас происходит, что кулаки устроили саботаж и из колхоза люди бегут?

– Какие люди? Какой саботаж? – переспросил Пинхас и мельком глянул на Илесефа. Этого времени ему хватило на то, чтобы оценить ситуацию и под-

готовить ответ. – Никакого саботажа нет. В колхозе в срок выполняются все агротехнические мероприятия. Вот и сегодня, когда неожиданно грянули заморозки, пришло похолодание, все колхозники, как один, вышли в сады, собирают хворост и жгут костры, чтобы не дать деревьям замерзнуть. Наш парторг не даст соврать, все видел своими глазами...

При этих словах все с интересом посмотрели в сторону Илесефа.

– Что касается одного лодыря и бездельника, от таких мы сами избавляемся, – добавил Пинхас, – ушел к своему дяде, теперь ему голову морочить... У нас отроду никаких кулаков не было и нет.

– Как? – воскликнул возмущенный Илесеф. – Ты куда гнешь, председатель? Совсем свихнулся?

– Есть две семьи садоводов, которые от зари до ночи, не зная отдыха, работают на своих участках, – продолжал Пинхас, не обращая внимания на возмущение парторга, – они еще не пришли в колхоз, это верно. Но я ответственно заявляю, они не кулаки, чужим трудом не пользуются, никого из колхоза не тянут, в недавнем прошлом воевали за родную советскую власть, есть среди них и раненые в этой борьбе.

– По тебе они ангелы небесные, – вскипел Илесеф, – ты прямо защитником стал для них. Тогда скажи, почему они, когда весь колхоз вышел спасать деревья от заморозков, затеяли свадьбу? Разве это не саботаж, уважаемый адвокат?

– Во-первых, свадьбу они на сегодня наметили еще месяц назад и не знали, что будет такое похолодание именно сегодня, – не обращая внимания на оскорбления Илесефа, ответил Пинхас спокойно, – во-вторых, я никого не защищаю, а говорю как есть на самом деле. В-третьих, в работе колхоза может быть все: и то, чего мы хотим, и то, что нежелательно. Вот недавно, на колхозном собрании мы исключили из артели небезызвестного Миши Кунголуши, который мало того, что обокрал всех курей жителей Слободы, а будучи завскладом, по рекомендации некоего милиционера Ашота, стал красть зерно и у колхоза. Зато, исключив бездельника и вора, несколько дней назад мы приняли в колхоз еще три семьи, которые раньше раздумывали. И в-четвертых, то что сегодня люди, не считаясь с холодом, все поголовно вышли спасать сады колхоза говорит за то, что они на собственной шкуре поняли, что колхоз – это их кормилец и его надо защищать. И нечего по каждому случаю бегать к начальству и беспокоить занятых людей...

– Ты за нас не беспокойся, – ехидно заметил начальник отдела НКВД Седефов и без тебя знаем, что надо делать. А вот твоя позиция в отношении кулаков, мягко говоря, антипартийна. Мы, товарищ Назаралиев, должны сделать соответствующие выводы.

– Давайте горячку пороть не будем... Вы, товарищи, – Назаралиев указал на Илесефа и Пинхаса, – завтра в 16 часов придете в райком, на заседание бюро, вот там мы и решим что делать дальше...

Сказав все это, секретарь райкома направился к двери, за ним последовали Седефов и председатель райисполкома Самедов.

* * *

В дом Овроома Хаима сотрудники отдела НКВД во главе с начальником Седефовым пришли под вечер, после того, как его двоюродный брат Овроом Изра, как кулак и активный «борец против колхоза» был арестован, о чем первые уже были извещены и с возрастающим страхом ждали своей очереди. Натан – сын Овроома Изра, солдат 11 армии, освобождавший в свое время столицу республики не только от банд муссаватистов, но и войск англичан, был возмущен этим актом вандализма и заявил начальнику отдела НКВД Седефову, что подобный арест незаконный, что его отец не кулак, а нормальный крестьянин, не эксплуататор, не использует чужой труд, сам, своими руками зарабатывает хлеб насущный. И кроме всего этого, семидесятилетний старик, с оружием в руках защищал советскую власть от нападений турецких и деникинских солдат.

Седефов был непреклонен и категорически заявил Натану, что он, Овроом Изра, хозяин большого плодового сада, не раз предупреждался о необходимости вступления в колхоз.

– Он ярый враг колхозного движения и поэтому должен быть изолирован от общества.

– Вчера был друг и борец за эту власть, а сегодня – враг, так получается? – в последний момент спросил

сын Овроома и добавил, – Вы совершаете ошибку, из друга делаете врага, не пожалеть бы...

– Ты – грамотей, – возмутился Седефов, – пугаешь что ли? А то мы и тебя прихватим за компанию... яблоко от яблони, понимаешь ли, недалеко падает...

Женщины дома в слезах встали на защиту Натана и отвели его в сторону.

Вся эта история стала известна Овроом Хаиму по прошествии некоторого времени, поэтому он благоразумно собрал детей и в строгой форме приказал им, что в случае, если придут и за ним, ни в коем случае в перепалку не вступать. И когда все же пришли за ним, он молчаливо принял приказ о своем аресте, взял узелок с вещами и последовал за милиционерами.

На допросе, Овроом Изра на вопрос следователя:

– Почему ты не идешь в колхоз?

Ответил:

– Колхозники – те же крепостные, работают не на себя, а на дядю, работают помногу, а получают «пшик», ничего, сидят голодные и холодные... Я живу за счет своего и моих детей труда, вы что, хотите за счет нас кормить лодырей?

Следователь:

– Почему же лодырей? Разве все колхозники лодыри?

– Все, нет. Но там нет порядка, нет учета труда, а без учета труда каждого, порядка не будет...

Следователи долго стариками не занимались, им просто было не до них, ибо машина «раскулачивания»

работала на полных оборотах, перемалывая тысячи, сотни тысяч настоящих хозяев земли, после чего на земле-матушке еще многие, многие годы некому будет работать. Через три дня они передали их дела тройке-«быстрому» суду, раскулачили, конфисковали сады и все имущество, лишили права голоса и осудили больных, немощных людей на несколько лет тюремного заключения.

Совершив в этот день очередное злодеяние, Седефов, начальник отдела НКВД, поторопился на бюро райкома, где должен был рассматриваться вопрос о положении дел в колхозе Еврейской Слободы, правильнее сказать: чинить расправу еще над одной группой ни в чем неповинных людей.

* * *

Бюро райкома партии созывалось в последнее время не часто – больше по чрезвычайным ситуациям, чем по утвержденному графику, ибо шел завершающий этап коллективизации, и партийные органы Азербайджана лезли из кожи вон, чтобы доложить верхам, что вот мы, затолкали в колхозы всех, пришли к финишу. В центральной прессе сообщалось, что в конце второй пятилетки колхозы республики объединили свыше 80% всех крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей, что в колхозы направлены свыше 1500 агрономов и почти столько же зоотехников и ветеринарных врачей, больше 5 тысяч тракторов, 450 комбайнов и тысячи грузовых автомашин.

Однако урожайность зерновых была низкой, продуктивность животноводства самой низкой по сравнению с другими областями СССР и колхозники, получая мизерную плату, влачили жалкое существование. С одной стороны партийные органы трещали о победе колхозного строя, с другой – колхозники все больше теряли веру в него.

Первым в приемную секретаря райкома пришел председатель райисполкома Самедов Али Байрамович. Был он человеком тучным, но удивительно подвижным, с добрым характером, с лукавым блеском в глазах, которые молодили его, независимо от большого тела. Крестьянин по рождению и по духу своему, Самедов отличался немногословностью, терпеливостью, уважением к мнению людей, но и необыкновенной убежденностью в том, что делал, и на что были направлены его помыслы. В отличие от бывшего рабочего нефтяника, ныне секретаря райкома Назаралиева Али Мамедовича, своего тезки, которого отличали порывистость, этакий революционный энтузиазм, правда, без особой грамотности, Али Байрамович получил образование младшего агронома, знал сельское хозяйство и процессы, происходящие в нем, не понаслышке, а, как говорится, изнутри и в своих суждениях был очень осторожен. Например, призыв партии о коллективизации на добровольных началах принял всем сердцем, а вот когда «добровольность» в деятельности партийных органов заменили «добровольно-принудительностью», насторожился. По-

нимая стремление партийных органов, в ускорении процесса коллективизации, показать себя с лучшей стороны, больше показухой, а не делом, Али Байрамович все же считал, что надо не заставлять крестьянина идти в колхоз под кнутом, а убеждать его сделать этот шаг, и ни в коем случае, не под клеймом кулака, не гнуть и не ломать настоящего земледельца. Он нутром чувствовал, что когда-нибудь это аукнется. Поэтому он очень осторожно, под благожелательным предлогом роста колхозов, высказывал и свое мнение, за что начальник НКВД и Назаралиев прозвали его «мягкотелым», подразумевая и его тучность. «Хорошо не называют «оппортунистом» или «уклонистом», – думал про себя Самедов, – и понимал всю тщетность своих попыток.

И ошибочное высказывание Сталина в одной из его статей по поводу коллективизации, что якобы наши крестьяне с охотой идут в колхозы, так как у них «нет привязанности к своему кусочку земли как на западе». «Как это нет привязанности? – думал Али Байрамович, – еще как есть. В свое время крестьяне пошли за большевиками, потому что те пообещали им землю и дали ее после национализации. А теперь отбирают, вот почему крестьянин, почувствовавший себя хозяином этой земли, этого кусочка-кормилицы, отдают его колхозу с неохотой, с опаской, что останутся вообще без хлеба. И в том, что Сталин допустил такую ошибку, также повинны «Назаралиевы», которые дают Сталину телеграммы, что, мол, коллективизация

завершена, что наши крестьяне гурьбой и с охотой отдали в колхоз свои земли. «Вот какие они молодцы! Их надо выдвигать! Нет, Иосиф Виссарионович, совсем не так на деле...». Эти мысли еще больше беспокоили Самедова, когда он узнал о сегодняшнем аресте двух садоводов из Еврейской Слободы и двух овощеводов-азербайджанцев из Кусаров, отменных земледельцев, подлинных хозяев земли, которые, кстати, не хотят отдавать свои кормилицы в колхоз. Значит, в колхозах не так все гладко, как это стараются показать наши «революционные болтуны»...

Занятый своими мыслями, Самедов не сразу заметил вошедших Назаралиева, Илесефа-парторга и Пинхаса-председателя колхоза «Партсъезд».

– А вот и наш председатель райисполкома товарищ Самедов! – притворно восторженно воскликнул Назаралиев и добавил, – Здравствуйте, Али Байрамович! Ты, в пример молодым, образец пунктуальности, заходи, пожалуйста, – и, пропуская вперед Самедова, прошел в кабинет и сам. Однако, идя к дверям кабинета секретаря, Самедов успел кивком головы приветствовать Илесефа и Пинхаса.

Не успел Самедов прикрыть за собой дверь, – как Назаралиев, резко повернувшись к нему лицом, в упор спросил:

– Ты знаешь о событиях в колхозах «Партсъезд» и «Светлый путь»?

– О каких? – не сразу нашелся председатель райисполкома.

– Ты отвечаешь так, будто живешь в другом мире..., – с презрением произнес секретарь райкома, – неужто о саботаже кулаков не слышал? А о том, что начальник отдела НКВД арестовал сегодня четверых из них тоже не знаешь. Как это понимать?

– Об арестах слышал, – устало опустив голову, ответил председатель райисполкома, – но не кажется ли тебе, Али Мамедович, что мы ищем чертей там, где их нет?

– Ты понимаешь, о чем сейчас говоришь?! Опять проявляешь мягкотелость? – вскипел секретарь, давая своим тоном понять, что он еще раз предупреждает его о серьезном заблуждении.

– Я-то понимаю, – ответил Али Байрамович спокойно. – Никакую мягкотелость я не проявляю, тем более к кулацким элементам. А вот ты понимать не хочешь, что эти два старика из Слободы, никакие не кулаки, они воевали за нашу с тобой власть, сын одного из них даже был тяжело ранен, что причина их отказа от вступления в колхоз не в том, что они кулаки, тем более, что в колхозе нет подлинного учета труда и оплаты. Нам с тобой надо разобраться в этом и исправить положение...

– Ишь куда загнул! – воскликнул Назаралиев, – В такой момент, когда кулакам объявлена настоящая война, твое заявление явно пахнет, мягко сказать, либерализмом...

– Да пойми ты, наконец, – встал со своего места и Самедов, – работе колхоза «Партсъезд» никто не ме-

шает: ни кулаки, ни кто-то другой, в этом я убедился недавно, когда видел массовый выход на борьбу с заморозками. Какой-то выскочка в виде парторга колхоза, мутит воду непонятно почему, больше, видно, из личных мотивов... Зачем нам говорить о саботаже, тогда как его нет? Зачем мы создаем себе дополнительные проблемы? У нас их и так хватает...

– Для чего ты все это разводишь?

Назаралиев, засунув руки в карманы, смотрел на Самедова остро и строго. И во взгляде, и в тоне чувствовалось, что рассуждения Самедова для него не просто рассуждения, во всем этом он усматривает и другой смысл.

– А для того развожу, – не отводя взгляда, ответил Самедов, – что нам не надо пороть горячку, а серьезно во всем разобраться. Найти наши слабину и принять меры. Колхозниками надо заниматься не по-седефовски, с наскоком, а как хорошие деловые хозяева...

– Я за всей этой говорильней, – твердо, уверенно заговорил Назаралиев, – вижу одно желание: чтобы мы задержали темпы коллективизации. Остановились, покопались. Давнее твое желание. И несмотря на наши предупреждения ты продолжаешь их отстаивать... Я тебя, Али Байрамович, еще раз предупреждаю: ты становишься на почву шатаний, которые имеют опасный политический характер...

– Давай не будем подводить большую политику! – резко остановил его Самедов.

– Ты уже не первый раз разными способами стараешься гнуть свою линию, продолжал свое Назаралиев, – иначе, как понимать твои слова, когда партия требует от нас, не останавливаясь, изо всех сил идти вперед! Если партия требует усилить темпы!

– Так ведь в колхозах «Партсъезд» и «Светлый путь» коллективизация завершена, эти старики не составляют даже половины процента от всех колхозников... – не обращая внимание на высокопарные слова секретаря райкома, заметил Самедов.

– Все, я все понял, – резко прервал его Назаралиев, – поговорим на бюро, – и приказал секретарше пригласить вызванных...

* * *

В кабинет по одному заходили: начальник отдела НКВД Седефов, секретарь райкома комсомола Нисим Юсуфов, рука которого все еще была подвязана, председатель сельсовета Еврейской Слободы Севи Шамоилов, парторг колхоза «Партсъезд» Илесеф Иношке, председатель этого же колхоза Пинхас Авшалумов и два кандидата в члены бюро: нефтяник Валиев – буровой мастер, близкий друг Назаралиева еще со времен их совместной работы и Джамалов – передовой комбайнер из Кубинского МТС. Пинхаса Авшалумова посадили на самом краю стола, куда сажают тех, кто должен держать ответ за свои деяния.

Пожав Джамалову и Валиеву руку, Назаралиев пригласил всех сесть за приставной стол и, не от-

кладывая разговор в долгий ящик, сразу приступил к делу:

– Товарищи! Сегодня, выполняя указание партии о борьбе с классовыми врагами, в колхозе «Партсъезд», по докладу парторга этого колхоза, арестовали двух кулаков, которые своими действиями разлагали в колхозе дисциплину. Случай в последнее время не редкий, если бы в защиту наших врагов не выступили председатель колхоза Пинхас Авшалумов и еще... – он многозначительно сделал паузу и добавил, – Послушаем председателя колхоза Пинхаса Авшалумова.

Пинхас встал. Лицо его вначале бледное, стало наливаясь кровью, будто этот большой и крепкий мужчина постепенно приходил в себя.

– Прежде всего, я хочу сказать, уважаемые товарищи, что в колхозе «Партсъезд» коллективизация завершена. Значит ли это, что в колхоз пришли все 100% крестьянских хозяйств? Нет, но этого нет нигде по всей стране. Все хозяйства, которые должны быть в колхозе, они сегодня в нем. До недавнего времени оставались три хозяйства, сейчас и они попросились в колхоз. От лодырей, воров колхозного имущества мы избавлялись всегда, что будем делать и дальше. Теперь о так незабываемых кулаках, о семьях двух стариков: Овроом Хаима и Овроом Изра. Оба они, находясь уже в преклонном возрасте, в годы революции встали на защиту советской власти, их сыновья Соломон, Мардахай и Натан: первый в составе 11 армии, двое других в составе революционных формирова-

ний воевали с англичанами, турками и деникинцами. Соломон был ранен и сейчас без трости не обходится. Чужим трудом, т.е. трудом не членов семьи, не пользуются. Да, эти две семьи не хотят в колхоз, но я еще раз заявляю, что они не враги Советской власти и не кулаки...

– А Бирор Бирхиё? – с места выкрикнул парторг Илесеф.

– И он племянник Овроом Хаима, сын его родной сестры, – ответил Пинхас и добавил, – что касается тебя, уважаемый парторг, то нам непонятно чего ты добиваешься? Ты и сам знаешь, что кроме этих двух семей, которые среди двухсот семей составляют меньше половины процента, больше некого коллективизировать, что у нас этот процесс благополучно завершен. Значит, ты, зная это, заведомо вводишь нашу партию в заблуждение? Или, может быть, у тебя есть личные причины для таких заявлений? У меня все, – и сел на свое место.

– А как понимать, председатель, в день, когда колхозники вышли спасать сады от заморозков, эти две семьи устроили свадьбу? Разве это не саботаж? Это не вражеские действия? – в упор спросил Пинхаса Авшалумова начальник отдела НКВД Седефов.

– Нет, не саботаж, как это силится внушить вам всем наш парторг, – встав, ответил председатель колхоза, – о сроке проведения свадьбы они договорились еще месяц назад, об этом знает вся Слобода, и никто, ни они, да и мы тоже, не знали о том, что именно в тот

день неожиданно нагрянут заморозки. И даже при этом, узнав об этой напасти, хозяева свадьбы, в ущерб себе, начало свадьбы отодвинули назад на три часа, чтобы дать людям возможность выполнить поставленные перед ними задачи. Да, на защиту своих садов все колхозники, как один, вышли на поля, это ли не пример для всех?

– Теперь я понимаю, на какой почве растут у нас кулаки! – воскликнул Седефов. – Нам всем, товарищ Назаралиев, о председателе колхоза «Партсъезд» надо делать выводы! И я этого так не оставлю.

– Разрешите мне сказать несколько слов! – попросил председатель сельсовета Севи Шомоилов.

– Пожалуйста, – ответил секретарь.

– Да, товарищ, Седефов прав, с врагами Советской власти, со всякими кулаками надо бороться, так призывает нас наша партия. Кулаки отказывают продавать государству свою продукцию, устраивают поджоги, потравы, уничтожают скот, портят, выводят из строя сельскохозяйственную технику, создают банды для убийства партийных и советских работников. Это ярые наши враги и их надо уничтожать как класс. Но у нас, товарищи, совсем другое дело: с первых дней образования колхоза в него вступило 90% хозяйств нашей Слободы, а потом, в течение нескольких лет, вступили почти все. У нас наивысшие показатели по коллективизации по всему Азербайджану. Я вступил в колхоз в числе первых, в нем по сей день работают мой сын и моя жена. Да, не все идет гладко, все еще

низки доходы колхозников, не все в хозяйстве работают одинаково хорошо, есть еще лодыри, бездельники, которым, как и другим ставят галочки за выход на работу. Надо бы это положение исправить. Тогда дела в колхозе пойдут еще лучше, вот тогда, может быть к нам в колхоз придет и та четверть процента, которые еще раздумывают...

– Ишь, какой хитрый! – вскипел Седефов и на высокой ноте, чуть ли не криком, продолжал дальше, – Начал за здравие, а кончил за упокой: все, мол, у нас хорошо, нет у нас никаких кулаков, нет врагов. Я думаю, товарищи, если разобраться, врагов искать не надо, первый среди них и есть ты, председатель сельсовета! С тебя и надо начинать!

Председатель сельсовета Севи Шомоилов, пораженный подобными словами начальника отдела НКВД, вначале был ошеломлен, но затем, придя в себя, правой, единственной рукой скинул с себя пиджак и, бросив его в сторону Седефова, выделяя каждое слово, сказал:

– Слушай, ты, мерзавец, если тебе доверили тулуп власти, его могут с тебя и снять. Я, а не ты.., за эту власть отдал много своей крови, в боях за нее оставил свою руку, а мог и жизнь, и я не позволю себя оскорблять, даже если я и еврей, а такие как ты, без чести и совести, позволяют себе, без извинения, нас оскорблять. Ты такой же выскочка, как наш парторг, предательством которого ты воспользовался...

Седефов выхватил пистолет, но стоявший рядом с ним Самедов остановил его и что-то говорил, отче-

го Седефов успокоился вообще. Пинхас Авшалумов и Нисим Юсуфов принялись успокаивать Севи.

– Так, товарищи, я думаю, что положение в Красной Слободе крайне тревожное, при нынешнем руководстве колхоза, оно зашло в тупик и надо на собрании колхозников обсудить вопрос о председателе. Завтра к вечеру соберите общее собрание. А о вас...

– Али Мамедович! – неожиданно вмешался Самедов, – разрешите одну-две минуты с вами поговорить наедине?

Назаралиев, крайне недовольный репликой председателя райисполкома, сказал:

– Всех прошу выйти из кабинета, а вы, товарищ Седефов, оставайтесь...

– Али Мамедович, я Вас, прошу, успокойтесь, – заговорил Самедов, – заранее скажу, я не против обсуждения вопроса о председателе на общем собрании колхоза и сам готов вместе с Вами присутствовать на нем. Об одном прошу Вас и товарища Седефова, думаю, что он со мной уже согласился, не обострять вопрос с председателем сельсовета, это чревато...

– Почему? – удивился секретарь райкома.

– Он – большой друг нашего известного генерала Гасанова, работающего ныне в ЦК партии. В период войны с деникинцами и отрядами муссаватистов этот председатель сельсовета вытащил тяжело раненого Гасанова с поля боя, будучи фактически без одной руки...

- И что, он заступится за этого...
- Да, заступится, и очень серьезно, – заверил секретаря райкома Самедов, и я советую замять этот инцидент, будто его и не было...
- Как ты? – глянув исподлобья на Седефова, спросил Назаралиев начальника отдела НКВД.
- Думаю, товарищ Самедов прав, на время обойдем острые углы, – сказал Седефов и добавил, – на собрание я завтра не приду, пошлю своего зама...
- Хорошо, так и решим...

* * *

О предстоящем колхозном собрании, на котором по наущению секретаря парткома Илесефа Иношке, должен был рассматриваться вопрос о председателе колхоза – Пинхасе Авшалумове в Слободе заговорили уже с вечера, накануне. Не было, почти, ни одного дома, где бы об этом не говорили. Севи Шомоилов, председатель сельсовета красный от прилива крови к голове, в тот же вечер собрал членов Совета и изложил им все, из-за чего на бюро райкома разгорелся сыр-бор.

– Мы с председателем колхоза, вопреки мнению парторга, заявили, что у нас в Слободе процесс коллективизации уже завершен, что кулаков у нас нет, – рассказывал Севи, – правильно я говорю?

– Да, недавно в колхоз пришли последние три семьи, – добавил один из членов Сельсовета.

– Вот-вот, – подхватил Севи, – и еще я добавил, что показатели коллективизации у нас наивысшие по все-

му Азербайджану. И что же? Ты бы видел как вскипел этот антисемит-начальник отдела НКВД Седефов, громогласно заявив на весь кабинет, что мол, первый враг советской власти – это я!

– Да ты что? – невольно вырвалось у секретаря сельсовета Девлета Рафоилова.

– Ну я и не выдержал, – признался Севи, – сказал ему все, что о нем думаю...

* * *

Собирались с неохотой и опозданием. В большой приемной кабинета председателя колхоза, где обычно проводились все колхозные собрания, набралось человек двадцать колхозников, рядом тихо беседовали предколхоза Пинхас Авшалумов и предсельсовета Севи Шомоилов. Колхозники заходили по одному, вначале топтались на месте, вслух здоровались и, найдя себе место на расставленных скамейках, молча усаживались. Постепенно людей уже негде было сажать, да и времени прошло от намеченного срока больше 1,5 часов. Но все не начинали. В помещении густо висел дым и все чаще слышались недовольные голоса:

– Сколько же еще ждать? До утра что ли?

Наконец двери председательского кабинета открылись и в них появились озабоченный председатель райисполкома Самедов, важный и весьма энергичный зам. начальника отдела НКВД Исмаилов, лицо которого было чуть искажено после ранения, сдержанный, с твердой походкой секретарь райкома Назаралиев,

угрюмый секретарь парткома Илесеф Иношке и секретарь райкома комсомола Нисим Юсуфов.

Гомон, что пробивался то там, то тут, сразу опал, но в коридоре кто-то не умолкал. На него зашикали:

– Тихо вы там! Начинается уже!

Самедов подошел к столу.

– Так! Есть предложение избрать президиум. Пожалуйста, товарищ Юсуфов.

Нисим прочитал по бумаге. Возражений не последовало, проголосовали. В том, как сдержанно поднимали руки, как настороженно молчали, ожидая дальнейшего, чувствовалось, что обстановка обострилась. Молча же, с настороженностью следили, как усаживались за столом президиума Самедов, Назаралиев, Севи Шомоилов, Илесеф Иношке, Исмаилов, передовик колхоза Евдо Симандуев и Нисим Юсуфов.

– А вы тетя Сенем, почему не идете? – кликнул дорожной женщине один из собравшихся.

Сенем Бирхиё, звеньевая овощеводов, полная, но очень подвижная женщина, прозванная за бойкий язык и такую же работоспособность, «паровозом», простодушным голосом ответила:

– А чего я там не видела?

– Избрали. Значит надо идти.

Сенем отрезала:

– А я не хочу!

Взметнулся и сразу утих смех. Со своего места встал Назаралиев.

— Товарищи колхозники! В то время, как наша страна, руководимая коммунистической партией, занята созидательным трудом, когда за 4 года и 3 месяца досрочно выполнен план второй пятилетки, когда за это же время завершены коллективизация сельского хозяйства и техническая реконструкция всего народного хозяйства, враги нашей страны, как внутренние, так и внешние, не унимаются, то здесь, то там устраиваются провокации, злодейские убийства лучших людей партии, не унимается кулачество, меняя формы и методы своей борьбы против советской власти, старается нанести нам как можно больше вреда. Дошли даже до того, что стали пропагандировать идеи бесполезности колхозов, их недолговечности и, таким образом, увода людей из колхозов. И в отдельных местах им удается обмануть и втянуть в свои коварные сети доверчивых людей. Но независимо от этого 86 из 100 крестьянских хозяйств пришли в колхозы.

Мы боремся с врагами колхозного строя всеми доступными нам средствами и можете быть уверены, что кулачество обречено. Недавно, как вам известно, в колхозе «Светлый путь» и у вас, в Слободе, были арестованы по 2 кулака, в частности, у вас Овроом Изра и Овроом Хаим...

— Неправильно сделали! — неожиданно раздался выкрик из зала.

— Кто сказал? — тут же вскочил с места и с угрозой спросил Исмаилов.

Все молчали.

— А вот ваш парторг, товарищ Илесеф Иношке, который, как говорится, знает все изнутри, конечно лучше нас, считает, что они самые настоящие кулаки, вредители советской власти, что в то время как народ вышел бороться с заморозками, спасти колхозные сады от холода, решили устроить свадьбу. Как же это понимать? — с хитрецей спросил Назаралиев, стараясь вызвать «смельчака» на открытый разговор. И не дождавшись ответа, секретарь райкома продолжил. — Вот и я думаю, что говорить здесь не о чем. Ан нет, в защиту кулаков говорит и ваш председатель колхоза, что, мол, кулаков у вас нет, а люди из колхоза уходят, а в последнее время, сразу четверо, потому что, мол, они лодыри и бездельники и что, мол, их выгнали вы сами. А Бирор Бирхиё, что, тоже выгнали за безделье? Молчание? Согласен, здесь тоже сказать не о чем! — довольный собой и не услышав возражений, Назаралиев продолжил. — Позиция вашего председателя колхоза, мягко говоря, неверна, точнее сказать, опасна, на руку нашим врагам. Поэтому мы на этом собрании ставим вопрос о его освобождении.

И Назаралиев направился на свое место.

Сразу пошел недобрый гомон. Бразды правления собранием взял в свои руки Самедов.

— Кажется, охотников выступить появилось много? — с иронией в голосе спросил предрика. — Так, кто хочет сказать слово?

Гул начал быстро стихать. Почти все глаза уставились на Самедова, однако никто не просил слова.

– Неужели нет желающих? – не без насмешки удивился Самедов. – А сколько шуму было!..

– Пусть начальство говорит! – крикнул кто-то задиристо.

– Начальство уже говорило! Хорошо было бы послушать и народ.

– Так уж вы и слушаете! – сказал кто-то недоверчиво.

Снова послышались недовольные голоса. Неожиданно руку поднял один из лучших садоводов колхоза Рашбилов Бааз:

– Разрешите мне сказать пару слов.

– Пожалуйста, – ответил Самедов.

– Думаю, меня, к счастью, лодырем и бездельником никто не назовет. Я вступил в колхоз одним из первых. Тогда в газетах писали и по радио говорили, что это дело добровольное. Так ведь? – неожиданно обратился он к залу.

– Да, точно..., – загалдели колхозники.

– С того времени вне колхоза у нас осталось шесть или семь хозяйств. Из них 5 хозяйств мы недавно приняли в колхоз, а четверых выгнали: одного, в частности, Миши Кунголуши – за воровство колхозного и частного добра, а троих лежебок, лодырей и бездельников, которых в самый разгар рабочего дня постоянно находили спящими на гьендэгъе. Они из Слободы уехали. Сейчас у нас в Слободе, вне колхоза четверо – дедушка Авшалум, сторож артели, и дедушка Бирор – сторож кладби-

ща, и две семьи стариков: Овроом Изра и Овроом Хаима. Так люди?

– Да, совершенно верно, – подтвердили голоса.

– Теперь по существу, – продолжал Рашбилов Бааз. – Я сам читать не особенно умею, но дочка мне читала, что кулаками считаются те, кто использует чужой труд, кроме труда членов своей семьи и каким-либо образом наносят вред власти, колхозу или обществу. Ни Овроом Хаим, ни Овроом Изра чужой труд не используют, что касается Бирор Бирхиё, то он сын сестры Овроома Изра, его родной племянник. Никакого вреда никому они не наносят. – Заключил садовод и собравшись мыслями, продолжил. – Вот здесь товарищ секретарь райкома сказал, что наивысшие показатели в коллективизации это тогда, когда в колхозы вступили 86 из 100 хозяйств, у нас же свыше 99 процентов. О каком саботаже говорит наш парторг, о каких врагах он без конца твердит? Может быть, он утром говорит о том, что ему снится ночью?

По рядам прошел смешок и кто-то выкрикнул:

– Правильно ...

– Я этим двум семьям ни родственник, ни сосед, никогда не брал у них в долг и ничем не обязан, – продолжал садовод, – но как честный человек заявляю, что допущена ошибка и ее надо исправить! Теперь по поводу нашего председателя колхоза. Пинхас Авшалумов вырос на наших глазах, человек честный, порядочный, внимательный, знающий. Постепенно,

после его избрания, в колхозе улучшается дисциплина, налаживается учет и уже есть результаты. Я предлагаю его не переизбирать, а, наоборот, поддержать, так как от его деятельности людям становится лучше. Из-за желания одного..., – садовод хотел что-то добавить, – мы не желаем менять председателя! – и пошел к своему месту.

Все встали со своих мест и аплодисментами подтвердили свое согласие с желанием мастера-садовода. Назаралиев и Самедов переглянулись. Было видно, что они хотят свернуть собрание. Однако неожиданно к импровизированной трибуне подошла «Паровоз» – звеньевая овощеводческой бригады Сенем. Она подняла руку, и все умолкли.

– Если наш председатель райисполкома разрешит, я тоже скажу свое мнение? – она повернулась к Самедову.

– Пожалуйста, – тут же ответил Самедов.

– Навряд ли в нашем колхозе найдется человек, который больше меня спорит, а иногда и браниться с председателем, – начала Сенем- «паровоз» свое выступление, чем вызвала бурный смех собравшихся. – Поэтому обо мне никто не скажет, что я кого-то и чего-то боюсь. Нет, я хочу сказать, что наш председатель колхоза – замечательный руководитель и мое звено никогда не даст согласие на его переизбрание! – Она остановилась и решительно продолжила. – Я живу, как вам известно, по соседству с нашим парторгом Илесефом Иношке. Семья у него большая

и живет он бедно, не завистник, честен, много читает, детей приучает к этому, но... дурак! – неожиданно выпалила она в зал.

Илесеф вскочил, словно ужаленный. В рядах колхозников прошел смешок.

– Ты что себе позволяешь? – выкрикнул из президиума Евдо Симандуев.

Однако шум и говор сразу же смолк.

– Недавно я стала невольной свидетельницей, когда утром в дом к тебе, Илесеф, нагрянул со своими милиционерами бывший начальник НКВД Мамедов, – продолжала Сенем, будто ничего не произошло. – Они учинили у тебя погром, оскорбили родственников, приехавших к тебе в гости из Дербента, а когда ты потребовал у Мамедова объяснений, тот с презрением повернулся к тебе и громко произнес: «Слушай ты, сопляк еврейский... Иди жалуйся куда хочешь, плевал я на тебя!» Я слышала эти слова, так как стояла совсем рядом. И после всех этих унижений, ты снова ходишь к ним, – она показала рукой на руководителей района, – несешь всякую чушь в адрес ни в чем неповинных людей! Тебе же, твоим детям жить среди этих людей! Неужели непонятно?

Она пошла на место. Илесеф горько опустил голову, а зал затих, словно из него выносили покойника.

Сенем – «паровоз» хотела сесть, но вдруг вспомнив о чем-то, повернулась к Самедову и громко сказала:

– Голосуйте, товарищ Самедов, о председателе, вы же за этим пришли сюда!

Назаралиев нагнулся к Самедову и что-то сказал ему на ухо, тот несогласно качнул головой и ответил: «Нельзя, Али Мамедович, давайте доведем до конца».

– Товарищи! Мы вас выслушали. Есть ли еще желающие сказать что-либо? Нет. Тогда ставлю на голосование:

– Кто за то, чтобы переизбрать председателя колхоза товарища Пинхаса Авшалумова?

Собравшиеся, как один, не шелохнулись.

– Кто за то, чтобы оставить его председателем колхоза?

Вверх поднялся лес рук, и к ним присоединилась рука Илесефа Иношке. Вскоре он поймет, что тем самым он «оскорбил» руководство района и нанес себе непоправимый вред...

Глава 4

Случилось невероятное. Через неделю после почти двухмесячного пребывания в больнице, Нисим Юсуфов, три дня назад, ставший секретарем райкома комсомола, через верного человека узнал, что поиски Шушен, дочери Офтума-шолчи, по указанию заместителя начальника Управления НКВД республики Мамеда Мамедова, наконец, прекращены. Дело об убийстве ее родителей закрыто, поскольку тяжело-раненый разбойник, «участвовавший» в убийстве и грабеже Офтума-шолчи, перед смертью признался, что совершили это преступление никто иные, а именно он и его по-

гибший друг. Надо признаться, что Нисим не сразу поверил этой вести, ибо поиски Шушен не прекращались в течение всего этого периода. Немилосердно убрав милиционера Гайдарова из органов НКВД, Мамедов поручил это дело своим верным осведомителям, живущим в Кала, чтобы они установили за домом Офдума-шолчи круглосуточное наблюдение, строжайше предупредил сторожа кладбища дедушку Бирора докладывать ему о появлении на могилах родителей дочери погибших и узнать где и у кого она прячется. Через свои же источники Нисиму было известно, что Мамедов дважды ездил в Дербент, чтобы с помощью городского отдела НКВД навести справки о Шушен и месте ее пребывания. И что еще длительное время не прекращал свои поиски, видно, не мог этот алчный человек примириться с фактом исчезновения богатства шолчи. Даже уехав в Баку, уже на повышение, он поручил своему преемнику Седефову, неофициально искать и найти эту злосчастную девочку. Однако, когда эту весть подтвердил сам Мамедов, который в тот же день, в день завершения комсомольского пленума, поздравил Нисима с избранием и еще раз продемонстрировал свое к нему дружеское расположение, Нисим успокоился. Ибо эта нашумевшая история в Слободе, наконец, нашла свое «логическое» завершение.

Нисим, который все это время просил дедушку Авшалума о соблюдении Шушен осторожности и конспирации, был крайне обрадован и при очередной встрече с ним посоветовал, чтобы дедушка Ав-

шалум, каким-нибудь образом, распространил в Слободе слух, что, мол, вчера Шушен вернулась домой из Дербента, но по соображениям сохранения ее душевного спокойствия пока живет у него.

За несколько часов до общего собрания колхозников Слободы в райком комсомола пришло сообщение, что Нисиму Юсуфову необходимо принять участие в этом собрании. На этом Суде Линча, тут же прозванном в Слободе «самосудом НКВД». По широте размаха, крючкотворству и изуверству в отношении всех «инакомыслящих» или несогласных с насаждаемой диктатурой от имени, так называемых «рабочих» новый начальник отдела НКВД Седефов значительно превзошел своего предшественника Мамедова. Все камеры предварительного заключения отдела были переполнены: «кулаками», «врагами народа», тайными, неодобитыми «троцкистами». Жернова мельницы Седефова Мирбагыра, от имени революционного Молоха, ежедневно перемалывали десятки людских судеб.

На смену трагическому лету 1936 года, когда от рук злодея и вседозволенности органам «Народного» комиссариата внутренних дел, погибли отец и мать Шушен и чудом остался в живых милиционер Нисим Юсуфов, пришли холодные декабрьские дни. Позволив своему бывшему начальнику «незапачканным» взобраться выше еще на одну ступень служебной лестницы, Нисим, будучи сравнительно молодым человеком, правильно оценил ситуацию и спас тогда от преследований ненасытного Мамедо-

ва, дочь погибших Офтума-шолчи и Мелке, пятнадцатилетнюю Шушен, и в какой-то мере, смог приобрести в его лице «доброжелателя», хотя понимал, что быть рядом с огнем небезопасно – от него же можно и сгореть!

Теперь, когда пребывание Шушен в Слободе легализовалось, Нисим решил помочь девушке устроиться на работу. Дедушка Авшалум рассказывал ему в дни долгого пребывания в больнице, что одной из причин переезда ее родителей в Дербент, естественно, кроме обеспечения безопасности Офтума, было желание устроить дочь в гимназию. Памятую об этом, и о том, что в последнее время придавалось большое значение вопросам просвещения народа, ликвидации безграмотности, и малограмотности, а с этой целью созданию всевозможных форм и методов решения этих задач, Нисим, по дороге в Слободу, направился к своим друзьям в отдел народного образования.

– Привет комсомолу! – громко приветствовал Нисима Вазиф Везиров – один из руководителей отдела, когда он вошел в зал заседаний, где шло бойкое обсуждение проблем «ликбеза». Повсюду: на стульях, на трибуне, на столах лежали всевозможные лозунги, скрижали, призывы: «Долой неграмотность!», «Наше дело – культэстафеты», «Вперед культштурмом», «Ликбез – дело комсомола!»

– Привет, привет, Вазиф! – отозвался Нисим на приветствие друга. – Я смотрю, у вас дела идут полным ходом...

– Иначе нельзя, товарищ секретарь, – полусерьезно, полушутливо ответил Вазиф, – после комсомольского пленума, мы всерьез и по-настоящему решили пересмотреть методы своей работы: первое – всеобуч, открытие массовых школ, второе – подготовка учителей и выпуск учебников на родном и русском языках, третье – ликбез остается главной задачей. Необходимо привлечь как можно больше девушек, женщин – самое слабое звено в нашей работе.

– А как насчет привлечения грамотных девушек к этой работе? – к месту спросил Нисим разговорившегося друга.

– С образованием? – в тон ему спросил Вазиф, зная, что Нисим задал этот вопрос неспроста.

– Нет, не совсем, но окончила семь классов школы...

– Все равно хорошо, возьмем без проблем, людей не хватает... – Вазиф в отчаянии развел руками, – а где она?

– Не плохо было бы привлечь ее для работы в Слободе, – заметил Нисим, – она недавно приехала из Дербента.

– Тем более хорошо, – обрадованно ответил Вазиф, – когда придет к нам?

– Думаю, завтра или послезавтра, – сказал Нисим и собрался уходить. – Я пошлю ее к тебе, жди.

– Отлично. Спасибо, друг мой! – отозвался Вазиф и пожал Нисиму руку.

«Я-то постараюсь, если только сама Шушен не откажется», – подумал Нисим, направляясь в данный мо-

мент к дому дедушки Авшалума. Повидать Шушен, поговорить с ней, наконец, появилась возможность, хотя врач обратил его внимание о необходимости, хотя бы до конца года, не снимать руку с перевязи и беречь себя от резких движений.

До назначенного срока начала колхозного собрания оставалось не больше трех часов, поэтому Нисим поторопился. Путь предстоял неблизкий: спуститься по мосту через Кудиял-чай на главную улицу Слободы, пройти мимо родника Гыз Беневша, чайханы и с полверсты идти к дому старика. Поэтому Нисим, на ходу отвечая на приветствия слободчан, ровным и быстрым шагом шел к известному ему домику, когда его остановил его бывший сослуживец Гайдаров.

– А-а, Юсуфов, рад тебя видеть живым и здоровым! – приветствовал он Нисима, став прямо перед ним. – Ты знаешь, меня этот негодяй Мамедов выгнал с работы...

– Салам, салам Гусейн, – ответил на приветствие Нисим и дал понять тому, что торопится, – я тебе сочувствую...

– А ведь я тогда почти нашел эту девочку, – выпалил Гусейн, глядя на Нисима, – но этот хромоногий Соломон заморочил мне голову и направил по ложному следу...

– Как? – удивился Нисим и остановился.

– А вот так, – удовлетворенно ответил Гайдаров и понял, что заинтересовал Нисима. – В то утро, когда Мамедов поручил мне найти эту девочку, следы привели меня к хибарке старика Авшалума. Я понял, что де-

вочка эта, дочь убитого шолчи, где-то недалеко. Стал искать и натолкнулся рядом на дом этого хитроумного Соломона, сына кулака Овроом Хаима, мы с ним в Армии вместе служили...

– И что? – Нисим сделал вид, что ничего не понял.

– Как что? Я рассказал ему, что ищу девочку с увесистым узелком, где, как полагал Мамедов, огромное богатство, о чем я, естественно, Соломону не сказал... А он, этот подлец, решил мне напакостить и скрыть, что девочка прячется у него, направил меня к соседу, парторгу колхоза Илесефу, к которому в это утро с отцом приехала из Дербента племянница... Короче, я тогда крупно опозорился и Мамедов был взбешен... Но я этому Соломону так этого не прощу, веду за его домом постоянное наблюдение...

– Зачем? – Нисим сделал удивленное лицо.

– Как зачем? – всерьез удивился бывший милиционер. – Найти в его или в другом доме эту девочку и доложить товарищу Мамедову. Дело в том, что еще неделю назад я видел, как этот Соломон о чем-то оживленно говорил со стариком Авшалумом. Я хотел тут же доложить товарищу Седефову, но его на месте не оказалось. Вот сейчас я иду к нему, чтобы рассказать об Авшалуме и Соломоне, о моих подозрениях и добиться обыска этих домов...

«Вот тебе на...» – подумал Нисим о той чудовищной опасности, которой совсем недавно подвергались Шущен и дедушка Авшалум, два самых близких ему человека».

– Ты уже опоздал... – спокойно, словно речь шла о совершенно чужих ему людях, сказал Нисим и хотел было пройти дальше, однако Гусейн еще раз остановил его.

– Что значит опоздал? Говори, раз знаешь...

– Дело в том, что совсем недавно арестованы и расстреляны разбойники, которые в то злополучное утро напали на нас и на этого шолчи. Кроме того, лично товарищ Мамедов сообщил мне, что дал указание в наш отдел НКВД, чтобы дочь убитого шолчи не искать и не подвергать новым испытаниям. Так что, смотри, не вляпайся в новую историю... А теперь прошу меня извинить, я тороплюсь.

Бывший милиционер от неожиданности оторопел. Мало того, он был ошеломлен во второй раз в этой трагической и для него самой истории.

Не успел Нисим войти во дворик, как услышав скрип калитки, из двери хибарки вышел дедушка Авшалум. Увидев Нисима, он безмерно обрадовался, бережно, словно родного сына, обнял его и пригласил в комнатку. У стола с чайником в руках стояла стройная Шушен: все еще бледная, видно, не только от пережитого, но и от того, что мало бывала на свежем воздухе. На Нисима смотрели два удивительно красивых, наполненных слезами глаза, губы дрогнули в улыбке и она, чуть не уронив чайник, поставила его на стол и, приподняв руку к лицу, замерла в радостном восторге.

Первым пришел в себя Нисим:

– Здравствуй, Шушен! Рад тебя видеть...

– Ой, здравствуй, – пришла она в себя и поспешила подать Нисиму табуретку, – садись, пожалуйста. Как твоя рука? – она говорила и спрашивала, как гипнотизированная.

– Рука? Нормально, вот уже двигаю пальцами, – и Нисим продемонстрировал движение пальцев руки, – врач сказал, что скоро, к Новому году, можно будет обходиться без перевязи.

– Ой, я так рада, что ты, наконец, выздоровел... Дедушка рассказал мне, что больше меня искать не будут?.. – будто не сказала, а спросила она.

– Да, Шушен, тебя больше искать не будут. Теперь можно выходить на улицу, гулять, дышать свежим воздухом, – Нисим не стал говорить ей, что еще неделю назад над ней висел меч злодея, доставившего ей так много горя.

– Спасибо тебе...

– Я тут... сегодня в синагоге сказал одному-двоим, – вмешался в разговор старик, – что девочка наша приехала из Дербента и остановилась у меня...

– Очень хорошо, дедушка, – поддержал старика Нисим, – я вот даже думаю, не устроить ли Шушен на работу. Как ты думаешь? – обратился Нисим к Шушен.

– Ой, как хорошо. А можно?

– Конечно, если только тебе не надоело сидеть взаперти, – улыбнулся Нисим и снова посмотрел ей в глаза.

Шушен не отвела взгляда. Она встала, расставила на столе армуды-стаканы, колотый сахар в маленькой тарелочке и налила всем чай.

– А какую работу? – вдруг спросила она, взглянув на Нисима. – Я же ничего не умею, кроме как приготовить покушать, убрать, постирать...

– Ты же окончила семь классов школы, хотела поступать в гимназию, так? – спросил Нисим и, когда Шушен кивнула в знак согласия, добавил, – отдел народного образования создает сейчас курсы всеобуча для безграмотных девушек и женщин, пойдешь туда учить их?

– А я сумею? – спросила Шушен и сама же ответила, – да, грамоте я их, конечно, сумею научить...

– Вот и хорошо, – согласно сказал Нисим и, взглянув на часы, встал, – мне надо идти на колхозное собрание. – И уже у выхода из комнаты остановился и, обращаясь к Шушен, добавил, – завтра часам к 11 утра я зайду и мы вместе пойдем в отдел народного образования, ладно?

– Да, я буду ждать... – ответила Шушен и добавила, – но я хотела спросить еще кое о чем...

– Хорошо, завтра и поговорим. До свидания...

* * *

Илесеф Иношке после нашумевшего колхозного собрания чувствовал себя, говоря образно, не в своей тарелке. Самоуверенный, убежденный в своей правоте всегда и во всем, перед стеной народного недоверия, проявленное к нему устами женщины, доброй труженицы, честной звеньевой колхоза – Сенем Бирхиё, прилюдно обозвавшей его «дураком», он вдруг понял,

нутром почувствовал, что она права. В самом деле, как он мог, как повернулся его язык назвать кулаками двух стариков, двух уважаемых в Слободе настоящих земледельцев, потом и горбом своим и детей своих создавших на каменистой гряде плодовый сад? Как он может после этого смотреть людям в глаза? Как с этим позором жить дальше? Как среди этих же людей будут расти его дети?

Эти мысли мучили парторга колхоза до утра следующего дня, как не дающая покоя зубная боль. Он не раз замечал, что люди, увидев его, отворачивались, будто не заметили и не слышали его приветствия. За один день он осунулся еще больше, бледность покрыло его чело, делая его похожим на всерьез заболевшего человека.

Так, до утра он и не заснул. И уже когда забрезжил рассвет, он встал, слегка оделся, сел за стол и стал писать заявление на имя секретаря райкома партии Назаралиева. Писал мучительно долго: о своих заблуждениях, о своей вере в справедливость того, что делал, об ошибке в отношении двух стариков и некоторых проблемах колхозного строительства, и о кулачестве. Потом подошел к жене, которая заваривала чай, сказал ей, что направляется в райком и вышел из дома. Но уже, когда подходил к конторе колхоза, посыльный, мальчик-чулох, известил его, что начальник отдела НКВД Седэфов срочно вызывает его к себе в кабинет. Илесеф сначала удивился этому вызову, потом в какой-то степени даже обрадовался возможности от-

влечься от мучивших его мыслей и дум, и направился к зданию НКВД.

В кабинете Седефова находился и Назаралиев. На приветствие Илесефа Иношке Седефов, саркастически улыбнувшись, ответил:

– Садитесь, товарищ Илесеф. Что-то вы сегодня бледны чрезмерно, не заболели?

– Нет, спасибо товарищ Седефов, плохо спал... – так же в тон ему ответил партогр колхоза, – думы на счет вчерашнего собрания не дают покоя...

– Да, есть отчего потерять покой, – вступил в разговор Назаралиев, – например, от того, что сами голосовали за оставление председателя колхоза... Как же вас понимать?

Илесеф отшатнулся, как от пощечины, но через секунду-другую, придя в себя, спокойно ответил:

– Я исправил допущенную мной же ошибку, убедился, что в отношении председателя был неправ...

– Значит, тебе позволено сейчас говорить одно, а потом другое? Поднять людей, а потом прятаться за ними? – вспыхнул Седефов. – Знаешь ли, за это по головке не гладят...

– Я готов понести любое наказание, – ответил Илесеф и неожиданно, вытащив из кармана листок бумаги, протянул его Назаралиеву, – вот мое заявление.

За то время, что Назаралиев читал заявление парторга, в кабинете установилась неловкая тишина. Кончив читать, лицо секретаря райкома налилось кровью и он, словно сорвавшись с цепи, заорал:

– Что-о-о? Ты еще смеешь писать, что мы из хороших крестьян делаем кулаков и даем в наш ЦК ошибочные данные, вводим их в заблуждение?..

– Да! – категорически заявил Илесеф, не заметив в этот момент, как Седефов кивнул милиционеру у двери.

– Ты, слюняй! Ты в своем уме? – недоверчиво спросил Назаралиев. – Это действительно ты писал сам?

– Да, это заявление писал я, – еще раз в категорической форме заявил парторг и добавил. – Вы лично, товарищ Назаралиев, вводите партийные органы республики в заблуждение, чините расправу над честными людьми! Да, это так, но в этом повинен и я.. – Илесеф опустил голову и умолк.

– Вот за это ты и потеряешь голову, – вмешался Седефов и приказал появившимся в дверях милиционерам, – арестуйте этого врага нашей партии и народа!..

– Вы не смеете! – воскликнул Илесеф и когда милиционеры схватили его с двух сторон, пытаясь увести, он оттолкнул одного и ринулся на Седефова. – Враги нашей партии и народа это ты, живодер проклятый, ты и он, – Илесеф показал на Назаралиева...

В этот момент Седефов ударил Илесефа рукояткой нагана по голове, отчего тот пошатнулся и уже падающего его подхватили милиционеры и уволокли из кабинета.

И все, больше Илесефа Иношке: ни на следующий день, ни через месяц, ни потом никто не видел, он ис-

чез, превратился в небытие. Как уходили в небытие в эти годы десятки таких «Илесефов».

* * *

Нисим вместе с Шушен о чем-то разговаривая, шли к отделу народного образования, где их ждал Везиров. Девушка была одета в теплое шерстяное платье и легкое пальто, которое отец привез ей из Баку, а шею закрывал от ветра шелковый платок гянджинских мастеров. Выглядела девушка великолепно, если не считать бледности щек, которая все еще не покидала ее красивое лицо. Уже у родника Гыз Беневша, где они мимоходом встречались раньше, Нисим заметил впереди торопливо шагающего Илесефа. Он шел уверенно, быстро, как человек, который знает, куда и зачем идет. Не успели Нисим и Шушен ступить на мост, как из чайханы вышел дедушка Авшалум и окликнул своего любимца:

– Нисим, сынок, остановись, пожалуйста...

Они остановились. Из чайханы вышли еще два-три человека – жители Слободы, которые вразной стали здороваться с Нисимом. Сообразительный Нисим сразу догадался, что старик остановил их с намерением лишней раз убедить слободчан, что Шушен вернулась и что она не с кем-нибудь, а с Нисимом.

Подойдя ближе к Нисиму и Шушен, он тихо спросил:

– Вы позавтракали?

– Да, дедушка, не волнуйтесь, – за обоих ответила Шушен и зарделась, отчего лицо ее стало еще краше.

– Мы ненадолго, дедушка, скоро вернемся, – сказал Нисим и повернулся к Шушен.

– Хорошо, хорошо, мои родные, – ответил старик улыбнувшись, – ступайте, удачи вам...

Нисим обратил внимание, что Илесефа впереди было уже не видать. Позднее, когда станет известно об исчезновении парторга, он вспомнит то утро, его сутулую спину, его торопливую походку навстречу неизвестности.

А сейчас он, вместе с Шушен, радуясь ее близости, шел уже по ул. Бакиханова, мимо отдела НКВД, к зданию райисполкома, где размещался отдел народного образования. Везиров встретил их восторженно:

– Нисим, друг мой, салам, рад тебя видеть! Ты прямо как в пословице «кому хлеба захочется, тот и муки принесет». Садитесь, пожалуйста, – пригласил он и Шушен к столу. – Да, грамотные люди нам нужны, очень нужны... Как вас зовут ханум? – обратился он к девушке.

– Шушен Симандуева, – ответила девушка тихо, но внятно.

– Очень хорошо, – сказал Везиров и, записав что-то на листке, тут же спросил, – учить грамоте девушек и женщин по вечерам, после работы, сумеете?

– Да, сумею, – ответила Шушен и неожиданно спросила, – а где?

– Вот этот вопрос к Нисиму, он вам и ответит.

– Это недалеко от дедушки Авшалума, есть там небольшая комната, рядом с артелью, прямо примыкает к ней, помнишь?

– Да, да, я вспомнила, но там же нет ни столов, ни скамеек, – сказала Шушен и посмотрела на Нисима.

– Мы сегодня все туда завезем, – сказал Вези-ров, – только убираться там некому, – добавил он удрученно...

– Ой, я буду убирать, не волнуйтесь, – сказала де-вушка, улыбнувшись.

– Вот и хорошо, – улыбнулся и Вези-ров, – я знаю, ханум, что вы остались одни и вам на жизнь надо иметь хотя бы немного денег, мы вам установим зарплату...

– Ой, спасибо, – улыбнулась Шушен и пообеща-ла, – я буду стараться...

– Вот и хорошо, – согласно сказал Вези-ров и, по-смотрев на Нисима, добавил, – надо бы в Слободе лю-дей известить и уже завтра начать работу...

– Это я сделаю, – сказал Нисим и поднялся. – Спа-сибо тебе Вазиф, недаром говорят: «Посещение дру-га – праздник всегда».

Все улыбнулись и попрощались.

Шушен шла домой словно на крыльях: она радова-лась тому, что с завтрашнего дня начнет работать, что кончилось ее длительное заточение, что рядом с ней не только дедушка Авшалум, а и друг и ее верный за-щитник Нисим. Ее все чаще посещало понимание, что в отсутствие Нисима ей скучно, она не знает куда себя девать, но достаточно ему появиться, как она чувствует себя надежно, уверенно, будто весь мир принадлежит ей и она счастлива. Она все больше ловила себя на мыс-ли, что Нисим ей дорог, как самый близкий человек.

Когда подошли к двери домика дедушки Авшалума, Шушен вдруг остановилась, дотронулась до локтя Нисима, что был на перевязи и, впервые назвав его по имени, сказала:

– Спасибо тебе, Нисим, ты мой благодетель...

– Ну что ты, Шушен, мне ведь хорошо, когда ... тебе хорошо.., – нашелся он что сказать и смущенно опустил голову.

– Я хочу спросить тебя, – вдруг изменившимся голосом сказала Шушен, – как ты думаешь, если я теперь буду жить в моем доме.., в доме отца?

Нисим замер, такого поворота в разговоре он так скоро не ожидал. В самом деле, можно ли в настоящее время дать ей возможность жить одной в доме, где никого нет, и все напоминает об убиенных, на ее глазах, отце и матери?

– Нет, Шушен, я тебе не советую сейчас даже думать об этом, – ответил Нисим после недолгих раздумий. – Поживи еще у дедушки Авшалума, поработай малость, пообщайся с людьми... Поговори об этом и с дедушкой... Я буду чаще приходить..., ты не возражаешь?

– Ой, ты что? – улыбнулась Шушен счастливо. – Я без тебя просто умру одна.., вырвалось у нее признание.

– Ну, в таком случае, чтобы вечером вернуться сюда, я должен сейчас пойти в сельсовет, потом в контору колхоза. Завтра вечером у тебя в классе должны быть ученики... Затем мне надо пойти на работу... Пока.

Нисим ушел навстречу с Севи Шомоиловым, который ходил по кабинету, как маятник, чем-то встревоженный. И появлению секретаря райкома комсомола был очень рад.

– Ты знаешь, Нисим, – начал он сразу, пожав гостью руку, – только что у меня была жена Илесефа, парторга колхоза, она очень встревожена тем, что он всю ночь не спал, все что-то писал, а утром пошел в райком партии, но его ни там, да и нигде нет... Ты его не видел?

– Видел утром, когда он шел по мосту в сторону Кала, – ответил Нисим.

– Об этом мне рассказали и те, кто был в это время в чайхане, – озабоченно сказал Севи, – как на грех, пропал и курьер, мальчик-чулох, его тоже не могут найти...

– Мальчик-то найдется, а Илесеф может по садам ходит, у него есть такая привычка, вернется к вечеру...

– Что-то мне не нравится эта история, тихо, чтобы его не слышали другие, произнес Севи и протянул Нисиму измятый лист бумаги, – это принесла его жена, прочитай, любопытная бумага...

Нисим стал читать: получалось, что Илесеф написал заявление о своей ошибке в отношении Овроома Изра и Овроома Хаима, так называемых кулаков, о неправильной политике партийной организации района в отношении колхозов и много нелицеприятного для Назаралиева и Седефова. Но, если эта бумага осталась дома, думал Нисим, то Илесеф Назаралиеву заяв-

ление не передал и по всей видимости с ним не встретился. Тогда, где же он? Надо дождаться вечера.

– Может, не станем поднимать панику, – ответил он председателю сельсовета, – дождемся вечера.

– В данной ситуации нам ничего не остается, – ответил Севи, – однако, мы на всякий случай через Пинхаса Авшалумова по садам каждой бригады послали группы людей на поиски Илесефа...

– Правильно сделали, – согласился Нисим, – Я к вам еще и по другому вопросу...

– По какому?

– Из Дербента приехала дочь покойного Офдума-шолчи, Шушен, – сказал Нисим и посмотрел на реакцию председателя сельсовета.

– Да, я знаю, мне сказали, что вас вдвоем сегодня видели около чайханы, – ответил Севи.

– Мы были сегодня в отделе народного образования и договорились, поскольку она имеет семиклассное образование, будет с завтрашнего вечера вести с безграмотными молодыми и постарше женщинами занятия по ликбезу, в комнате рядом с синагогой. Как вы на это смотрите?

– Очень хорошо. Тем более хорошо, что она наша же слободчанка, – отозвался Севи с похвалой, уверен, что наши молодые женщины учиться к ней ходить будут, я сейчас же об этом дам знать нашим людям. Когда занятия будут проводиться?

– С понедельника по четверг с 6 часов вечера в течении двух часов, – ответил Нисим, – если же жен-

щины изъявят желание заниматься больше, можно и три часа...

– И двух часов достаточно, – сказал Севи и добавил, – надо иметь в виду, что люди утомленные, после работы...

– Уважаемый дядя Севи, – я тоже думаю, что двух часов достаточно, – выразил согласие Нисим, – я собирался поговорить по этому поводу с председателем колхоза Пинхасом Авшалумовым, вы не знаете где он?

– Знаю, сейчас его искать не надо, он тоже в составе одной из групп пошел на поиски Илесефа, – ответил Севи и добавил, – я ему о школе ликбеза скажу, думаю, что он поддержит и поможет...

– Когда, по-вашему, он вернется? – спросил Нисим, намереваясь уйти, однако ответ председателя сельсовета его насторожил:

– Дотемна они будут искать, – удрученно ответил Севи, – а там видно будет...

– У вас, дядя Севи, нехорошие предчувствия?

– К сожалению, да, – с горечью признался председатель сельсовета, – не нравится мне эта история с Илесефом и мальчиком-курьером... Дай бог, чтобы все закончилось без происшествий... Я здесь, если что сообщу...

Нисим попрощался и ушел. Однако утро следующего дня оказалось для Слободы не только тревожным, но и трагическим.

На рассвете, когда Кудиял-чай, от холодного ветра с Шах-дага, начал серчать и по привычке, непри-

метно выходить из берегов, под мостом, на стороне Кала, два рыбака обнаружили утопшего мальчика с почему-то вывернутой рукой. Но уже через полчаса установили, что он и есть утерянный вчера мальчик-курьер, чулох-инвалид из Еврейской Слободы. Весть эта пронеслась по всей Слободе и вызвала бурю негодования. Повсюду говорили о трагической судьбе не только утонувшего, но и всей его семьи. В переполохе этого декабрьского утра забыли даже о пропаже парторга колхоза Илесефа, который в минувшую ночь так домой и не вернулся.

✽✽ Когда Садыку было семь лет, а мальчика так и звали, в семье его произошла трагедия, от которой погибли отец и мать. Вставляя в стенной патрон электрическую лампочку, отец упал с табурета и потянул за собой патрон и провод под напряжением, и от электрического тока сперва погиб сам, а потом и жена, подбежавшая на помощь мужу. Увидев неподвижных отца и мать, мальчик выбежал во двор и стал кричать, звать на помощь, и, когда подбежали люди, они не знали, кому больше была нужна помощь: мальчику, руки и шею которого выкручивали судороги или безжизненным телам его отца и матери. Так, в течение уже шести лет Садык остался со скрюченными руками, с нарушением движений ног, шеи и других частей тела, хотя ходить мог без палки, малость вприпрыжку, говорить чуть заикаясь, а умственные способности сохранил даже лучше, чем некоторые «здоровые» люди.

После смерти родителей за мальчиком стала ухаживать бабушка, которая, хотя болела и сама, все же была для Садыка поддержкой. Однако, когда в прошлом году умерла и она, мальчик остался совсем один. Вот тогда на помощь пришел председатель колхоза Пинхас Авшалумов, приняв его посыльным колхоза. С этого времени к нему прилепилась кличка «чулох», что означало инвалид. Мизерное пособие за инвалида с детства и небольшая плата с колхоза давала мальчику возможность жить независимо от других. Даже в таком состоянии он умудрялся готовить себе пищу, заваривать чай, хоть как-то стирать себе белье, что же касается обязанностей курьера, то здесь его пунктуальности и аккуратности мог позавидовать любой.

Мальчик-чулох пользовался в Слободе всеобщей любовью и надо ли говорить, что его трагическая смерть вызвала неприкрытый протест. И во главе протестующих был председатель сельсовета Севи Шомоилов, который интуитивно связывал смерть курьера колхоза с исчезновением парторга, которого не могли найти уже четвертый день.

Вчера Севи Шомоилов, втайне от Слободчан, поехал в Баку, к своему фронтовому другу генералу Гасанову в ЦК компартии республики. Вечером вернулся довольный и уже сегодня утром неожиданно в райком партии и отдел НКВД приехала группа уполномоченных для проверки деятельности этих организаций. Ни следов заявления парторга колхоза «Партсъезд», ни его самого не нашли: ни в подвалах отдела НКВД, ни в камере

предварительного заключения. Илесеф Шомоил исчез, как дым, как унесенная ветром пылинка.

Что же касается стариков: Овроома Изра и Овроома Хаима, то по протоколам допросов они сознались, что боролись против колхоза и колхозного строя, признали себя кулаками и врагами новой власти и были осуждены и сосланы в тюрьму какого-то северного города. Ничего не дали и опросы сотрудников отдела НКВД по поводу Илесеф Шомоида, они в один голос заявили проверяющим, что этого человека не видели, что он сюда не приходил ни четыре дня назад, ни потом когда-либо. Надо полагать, что сотрудники на своей шкуре испытывавшие звериное нутро Седефова, боялись его, ибо для мыши и кошка – лев.

Проверяющие уехали несолоно хлебавши, ибо ни проверяемые, ни проверяющие результатов не хотели. Недаром сказано: прогнившему дому фундамент не поможет. Однако не таким был Седефов, чтобы оставить этот донос, а он в ином не сомневался, без последствий. Он был убежден, что сделал это кто-то из Еврейской Слободы или родственники осужденных им «кулаков» из Кусаров. С этой целью он поехал в Баку к Мамедову, своему предшественнику, о многих «шалостях» которого хорошо знал и иногда подкидывал тому кое-какие факты, так сказать, для острастки, чтобы держать его в какой-то зависимости. Хитрый Мамедов об этом знал, при встречах старался показать дружелюбие, даже домой приглашал на дружеский обед, но при каждом удобном случае кусал,

порой больно, но, конечно, зубами других. Поэтому о Седефове в Управлении Республики были не высокого мнения, прочно сохранив за ним кличку: «мясник». Справедливости ради следовало сказать, что в те годы лавры этой клички с успехом могли пожинать большинство его «собратьев».

Мамедов сделал вид, что развил кипучую деятельность, чтобы найти источник причин прошедшей проверки, дошел даже до руководителя Управления, однако, ничего вразумительного Седефову сказать не сумел, но высказал предположение, что осведомители могли быть из Кусаров, которые, в свое время, угрожали и ему. Так Седефов был сбит с толку и вернулся домой ни с чем. Но вдруг Седефов вспомнил на рассуждения проверяющих об исчезнувшем парторге колхоза из Еврейской Слободы, Мамедов заметил, что этого выскочку надо было закопать еще раньше.

«Неужели он что-нибудь знает об участии этого парторга? – подумал он теперь. – Кто мог ему об этом сказать? Неужели у него есть здесь свои осведомители? Значит надо быть с ним вдвойне осторожным...».

Не знал Седефов или не придал тогда, на собрании значение словам звеньевой Сенем Бирхиё об оскорблениях, которые нанес Мамедов этому парторгу в свою бытность здесь и потому мог пожелать такой участи последнему.

Как бы то ни было, обстановка в Слободе более или менее стабилизировалась, улеглись страсти, хотя

семья парторга постоянно будоражила те или иные органы, требуя от них поисков своего отца, мужа и кормильца. Можно ли было тоже самое сказать о райкоме партии и отделе НКВД? За отсутствием сведений ответить на этот вопрос не мог никто, кроме, конечно, самих руководителей этих организаций. Самому Назаралиеву было известно, что ему выразили неполное соответствие и потому он ходил ныне тише воды и ниже травы, дабы не сделать себе еще хуже. Однако, чтобы так думать, надо было совершенно не знать этих двух разных по внешним свойствам: по темпераменту, по походке, по уровню развития, но единых по сути, по звериной ненависти к тем, кто становился им на пути, а еще хуже, кто каким-либо образом, наносил им вред. Поэтому со стороны этих людей следовало ожидать еще одной злодейской выходки, очередного преступления против человечности...

* * *

В первую неделю на занятия к Шушен пришли лишь пять молодых женщин и ни одной старше 40 лет, однако, к концу первого месяца молодых было уже 22, к ним присоединились еще три женщины от 40 до 45 лет. На занятия стала ходить даже известная звеньевая колхоза Сенем Бирхиё. Постепенно дышать в небольшой классной комнате становилось труднее, и Шушен, однажды в субботу, сказала об этом Нисиму, когда он пришел вечером к старику домой. Деда еще не было.

– Ты, знаешь, – удивился Нисим, – сегодня ко мне в райком комсомола приходила Сенем Бирхиё, вот боевая женщина, огонь...

– По какому поводу? – удивилась Шушен, – наверное, на меня жаловалась...

– Что ты говоришь? Как раз, наоборот: тебя хвалила, а меня ругала, что класс, где ты проводишь занятия, не вмещает всех желающих, что в нем душно, нужна, мол, комната в два раза больше...

– А где ее взять? – спросила Шушен озадачено.

– Вот мы с ней и пошли к председателю колхоза Пинхасу Авшалумову, она как на него поперет, что, мол, сам призываешь женщин учиться, а нужного помещения не выделяешь...

– Правильно сказала, – согласилась Шушен.

– Ты бы видела как отбивался Пинхас, а потом улыбнулся и сказал, что Миши Кунголуши уже несколько месяцев как уехал, а мать помещение это продает. Вот, говорит, колхоз готов купить его под школу...

– Ой, как здорово, – воскликнула Шушен, – прямо рядом с моим домом, – и на Нисима глянула пара изумительных глаз, в которых светились радость и счастье...

Нисим впервые не сдержался. Он встал, подошел ближе к Шушен, взял ее руки в свои, отчего ему передалось ее волнение, не отрывая от нее взгляда, нежно притянул к себе и поцеловал. Она охнула, еще теснее прижалась к нему и, обняв его за шею, всем своим существом предалась этому поцелую, словно ждала этой минуты тысячу лет...

Сколько минут они простояли так, целуя друг друга в глаза, губы, шею, потом опять в губы, трудно было бы ответить, но отрываться друг от друга они не хотели. Первой пришла в себя Шушен, она нехотя оторвалась от любимого, закрыла лицо ладонями, словно приводя свои волосы в порядок, села на табурет и неожиданно спросила:

– Ты, наверное, кушать хочешь?

Нисим, любуясь, посмотрел на нее и оба радостно и счастливо засмеялись.

– Кушать из твоих рук, родная, я, конечно же, хочу, – он сел и усадил рядом с собой Шушен, – но вначале вот о чем...

Нисим взял со стола лист бумаги и стал говорить и записывать:

– Председатель говорит, что для того чтобы этот домик отремонтировать под школу нужна бригада и месяц срока. Кроме того, через десять дней тебе исполнится 16 лет..., день твоего рождения.

– Ой, откуда ты знаешь? – на ее красивых щеках заиграли ямочки.

– Я смотрел твою метрику, – ответил Нисим и обнял ее за плечи. – Ты уже второй раз говоришь о том, что хочешь вернуться в дом отца, так?

– Да, так было бы нам лучше...

– В таком случае, я хочу спросить тебя, ты хочешь выйти за меня замуж? Я люблю тебя, Шушен.

Шушен посмотрела на Нисима влажными от радости и счастья глазами и ответила:

– Да, родной, я тоже очень тебя люблю...

И они снова поцеловались. Их оторвал друг от друга скрип калитки и в этот момент в комнату вошел дедушка Авшалум и прямо с порога весело спросил:

– Доченька, Шушен, дедушку кормить будешь?

– Да, дедушка, садитесь за стол, сейчас все будем кушать, – Шушен быстро накрыла скатерть, положила на стол свежую, купленную ею сегодня на базаре зелень, соленья и кинулась к печке, где подогревался казан с долмой. Ели, в основном, молча, лишь дедушка Авшалум иногда шутил, отчего влюбленные весело смеялись. Наконец, когда закончили есть, Нисим и Шушен убрали со стола и подали чай, дедушка Авшалум, заговорщицкий взглянув на молодых, спросил:

– Судя по тому, как вы сияете, словно луженые свадебные подносы, скажите, что вы задумали?

Шушен посмотрела на Нисима и глазами попросила любимого ответить старику.

– Дедушка, я знаю, что вы догадываетесь о том, что мы с Шушен любим друг друга? – спросил Нисим старика и пристально взглянул на него.

– Наконец-то, свершилось, – радостно, малость прослезившись, произнес старик, – теперь я могу сказать, что счастлив, дети мои...

– Через десять дней Шушен исполняется 16 лет, и по нашим законам девушкам разрешается выходить замуж. И мы, после ее дня рождения, с вашего благословения, дедушка, сыграем свадьбу...

– Замечательно, я уже благословляю вас, мои родные, будьте счастливы, – старик обнял их и поцеловал.

– И еще дедушка, – добавила Шушен, – мы хотим нашу общую свадьбу устроить в доме моего отца, как вы думаете?

– Это очень разумно, очень.., – многозначительно согласился старик, – этой свадьбой снять с дома траур и да будет в вашем доме, дети мои, в будущем много, много радости...

– Теперь, когда мы обо всем договорились, – Нисим встал, – я пойду, обрадую своих...

– Иди, иди, сынок, – сказал дедушка Авшалум, – Шушен, дочка, проведи своего жениха...

Нисим обнял Шушен, поцеловал в ее нежные губы и тихо сказал:

– Я тебя так люблю, родная!

– Я тоже... – ответила она любимому.

Идти Нисиму до своего дома было недалеко и он шел, словно окрыленный, улыбаясь тому, что наконец, исполнилась его мечта и милая, нежная, красавица Шушен скоро станет его женой...

Однако... человек предполагает, а Бог – располагает...

* * *

В тот самый момент, когда Нисим прощался с Шушен, рядом, в укрытии стоял Гусейн Гайдаров и он все видел. Теперь уже он был убежден, что девушка эта никто иная, как дочь убитого Офдума-шолчи. «Воз-

можно, – думал он, – ни в каком Дербенте она не была, а все это время пряталась в доме старика Авшалума, сторожа бондарной артели – здания бывшей синагоги. А раз так, – продолжал он развивать свою мысль, – узелок при ней спрятан стариком надежно. Если я об этом доложу Мамедову, он не только устроит там обыск, но в знак благодарности, после того как найдет узелок, восстановит меня на работу. Поэтому, – подытожил он свои размышления, – мне надо, не показывая себя, чтобы не вызвать подозрения, срочно завтра поехать в Баку и доложить все это Мамедову».

Увидев, что Нисим вошел уже в свой двор, Гусейн Гайдаров, отставной милиционер мамедовской «гвардии», маленький человек с птичьей головой, вышел из укрытия, давно нестиранным помятым платком вытер со лба пот, хотя на улице было прохладно, и направился домой с твердым намерением завтра рано утром поехать в Баку. Но прежде чем пойти домой он свернул к шурину-мужу сестры, водителю заготовительной конторы, который, как ему было известно, завтра рано утром на грузовой машине должен вести в Баку груз.

– О, Гусейн, салам! – приветствовал его зять. – Заходи, чего стоишь у порога?

– Салам, Ахмед! Нет, заходить не буду, некогда, – ответил Гусейн и спросил, – ты завтра в Баку едешь?

– Да, а что?

– Один или с товароведом? – спросил Гусейн, надеясь, что на этот раз Ахмед едет один.

– Да, с ним, – ответил Гусейн и не выдержав спросил, – да, говори ты, что надо?

Гусейн замялся, помолчал немного, но все же признался:

– Мне завтра надо в Баку, по срочному делу, хотел с тобой поехать...

– Без проблем, сейчас я схожу к нашему товароведу и скажу ему, что сдам товар без него, он даже обрадуется, – ответил Гусейн, улыбнувшись. – Так что в 5 утра будь у меня...

– Буду, – обрадовался Гусейн и добавил, – спасибо, ты меня выручил...

Они попрощались, чтобы через несколько часов, рано утром уехать в Баку, где, как думал Гусейн, его, наконец, ждет удача. Недаром говорят, что маленькие люди видят большие сны.

* * *

«Дорогой брат! Когда ты читаешь это письмо, знай, что меня уже нет в живых и убил меня ни кто-нибудь, а наш с тобой «дружок» с улицы в Кюрдамире, ныне начальник отдела НКВД г. Кубы, Мамед сын муллы Эмирмаруфа, теперь по фамилии Мамедов, его отец ныне главный бухгалтер колхоза в Худате. Накануне нашей встречи с ним, мой человек узнал, что Мамед час назад был здесь, в чайхане Угрухана, но с кем он там встретился, узнать не удалось. Не тот ли это Угрухан-горилла, с которым ты сидел в Агдаме?»

Все. Прощай, Ахмед! Твой брат Джамал.

Да благословит тебя Аллах!»

Прочитав письмо брата, Ахмед в ярости скомкал его в кулаке и с силой ударил им о косяк двери своей комнаты.

– Эх, Джамал, брат мой... – из глаз Ахмеда потекли дорогие слезы! – Как же я тебя не сберег...

Ахмед был старше Джамала на полтора года. Росли они без отца, в бедной крестьянской семье. Отца их, мастера виноградаря первого колхоза в районе Кюрдамира, однажды, во время выполнения зеленой обломки молодых кустов, укусила змея и его живым до медпункта не довели. А когда семья лишилась кормильца, мать, ранее не работавшая, вынуждена была пойти работать уборщицей в контору этого же колхоза. Мальчишки были предоставлены сами себе.

Рослые, крепкие и драчливые 12-летний Ахмед и 10-летний Джамал стали для мальчишек улицы серьезной проблемой, не раз и не два приходили те домой с разбитым носом или синяком под глазом от увесистых кулаков задиристых братьев. Возмущенные родители готовы были растерзать братьев и тех уже не раз приводили в кюрдамирский отдел НКВД. Милиционеры предупреждали их мать – больную и уставшую от непосильных трудов женщину, что мальчикам нужно должное внимание. Однако о каком внимании могла идти речь, если в скором времени бедная женщина впала в еще большую депрессию и в тяжелом состоянии доставлена в больницу.

Если в первое время сердобольные соседи ухаживали за братьями: стирали их белье, приносили поесть, то через два месяца, после смерти матери, они были представлены сами себе.

Теперь Ахмед стал «добытчиком». Вместе и порознь они устраивались на работу: таскали чужие поклажи с базара, приносили домохозяйкам ведрами с родника воду, пасли хозяйский скот, а когда заработка не было вообще и еду не на что было купить, Ахмед крал иногда хлеб, а потом все что попадало ему в руки. Ни о какой учебе речь идти не могла, поскольку они перестали посещать школу.

К двадцати годам Ахмед имел уже две судимости, по году сидел в тюрьме, но брата оберегал, очень просил его не бросать школу, обещал быть ему и отцом и матерью. Однако выполнить свои обещания ему не удалось, ибо в те периоды, когда он оказывался в тюрьме, Джамал оставался один на один со своей жизнью, постепенно натерел в игре в карты, приобрел навыки шулера и по мере того, как росло его «мастерство», стал выигрывать крупные суммы. И жизнь Джамала пошла по пути, на котором не хотел видеть его брат – Ахмед. На эти деньги Джамал жил, носил брату в тюрьму передачи, а иногда откладывал небольшие суммы на «черный день». Однако к 28 годам ему везло все меньше и меньше и, порой он оказывался, что называется, на мели. Вот в таком положении и оказался он в г. Кубе, куда забросила его очередная картежная игра.

Надо отдать должное интуиции Джамала, идя на встречу с Мамедом, ухищренным негодяем, убийцей в маске слуги Закона и за то время, что было в его распоряжении до этой злополучной встречи, он написал брату, которому оставалось пробыть в тюрьме еще 3–4 месяца, письмо, содержание которого уже изложено, и попросил женщину, у которой остановился на постой, бросить его в почтовый ящик, если он не вернется. При этом он все же надеялся, что до кровопролития дело не дойдет, что Мамед, этот «паймальчик» с одной с ним улицы, не станет его убивать. Однако Мамед поступил так, как поступил.

Собрав свои пожитки, Ахмед собрался в г. Кубу, чтобы встретиться с убийцей своего брата, Мамедом. А с другого конца из Кубы в Баку навстречу с тем же Мамедом на груженом грузовике ехал бывший милиционер Гусейн Гайдаров, чтобы предав одного, вернее совершив несправедливость над одним, добиться, как он считал, справедливости для себя...

Глава 5

По еврейской Библии Бог, в свое время, соединил Закон и справедливость в единое целое, а большевистская власть их разъединила, ибо, когда они ходят в обнимку, ей трудно их видеть и руководить.

А в это яркое весеннее утро 1937 года, когда Гайдаров ехал к Фемиде, та не только уже ничего не видела, но лишилась и дара слышать.

В трехстах метрах от здания Управления НКВД республики, Гайдаров попросил зятя остановить машину, поблагодарил и пожелал ему счастливого пути. Далее ему предстояло совершить свое путешествие, как он предполагал, на другом виде транспорта. Было 10 часов утра, Баку уже кишел, сновал, шумел и ко всему этому присоединился еще плеск не менее шумного Каспия.

Дежурный милиционер в здании НКВД остановил Гайдарова и, потребовав документы, спросил:

– К кому и по какому поводу идете?

– К товарищу Мамедову Мамеду Эмирмаруфовичу, по личному вопросу, – ответил Гайдаров и добавил, – я из г. Куба, работал с ним, доложите ему пожалуйста...

– Вам назначили встречу?

– Нет, – виновато ответил Гайдаров и снова добавил, – доложите ему, пожалуйста, он меня знает...

Действительно, через несколько минут Гайдарова вызвали в кабинет зам. начальника Управления товарища Мамедова.

– Ну, что ты теперь сюда приперся? – спросил Мамедов, не отвечая на приветствие посетителя. – Мы, кажется, с тобой обо всем переговорили?

– Да, товарищ Мамедов, – ответил Гайдаров торопливо, – я как раз по этому поводу и приехал...

– По какому?

– Я нашел, где пряталась эта девчонка, она вовсе никуда и не уезжала, все это время пряталась у старика Авшалума и узелок ее там.., – соврал Гусейн, в на-

дежде, что на этот раз он своей удачи не упустит. Он торопливо рассказал Мамедову о том, как видел целующихся Нисима и девушку, что она нынче работает по вечерам в школе ликбеза, что, если Мамедов разрешит, он выкрадет ее сегодня же вечером и привезет сюда, в Баку, и об этом не узнает ни одна душа...

– Ты в этом уверен? – строго спросил его Мамед. – Не получится как в прошлый раз?

– Нет, товарищ Мамедов, я своими глазами видел ее.., – клятвенно заверил он начальника.

– Хорошо, – согласно сказал Мамедов, – когда привезешь?

– К 3–4 часам ночи, может быть и раньше, – ответил Гайдаров, обрадованный согласием начальника.

– Хорошо, привези, – строго сказал начальник и дал понять, что аудиенция окончена.

– Только, товарищ Мамедов.., – замялся Гайдаров.

– Что еще? – спросил Мамедов и посмотрел на Гайдара.

– Мне бы, товарищ Мамедов, машину, чтобы быстрее и надежнее было...

Мамедов ненадолго задумался.

– Хорошо, я дам тебе легковую машину, но смотри мне, голову снесу, если подведешь...

– Да вы что, товарищ Мамедов?! – взмолился Гайдаров, – Умру, но сделаю...

– Узелок искать не надо, девушку привези, но смотри, с огнем играешь... Через полчаса машина будет у входа в управление №.., – и он назвал номер машины, – когда

вернетесь, шофер знает как меня найти,— он остановился и резко сказал,— а теперь все, уходи, мне надо идти...

Однако Гайдаров снова не сдвинулся с места.

— Что еще? — возмутился Мамедов, — Не тяни, говори.

— На счет моей работы, товарищ Мамедов, — произнес он с мольбой.

— Если все сделаешь, восстановлю, как обещал.

Гайдаров ушел, окрыленный мечтой о своем светлом будущем. Но водитель Мамедова появился у здания Управления не через полчаса и даже не через час, а гораздо позже. Он тоже, как и его начальник, относился к людям наплевательски, неуважительно, будто мир принадлежал его начальнику и ему. Он заставил Гайдарова прождать у места встречи 2,5 часа и лишь, приняв душ, отдохнув, поев, подъехал туда, где, как истукан, стоял и ждал Гайдаров.

В Кубу они приехали под вечер, к шести часам, не перекинувшись друг с другом ни словом. Лишь где-то в середине пути, Гусейн попросил остановить машину у харчевни, не пригласив водителя, перекусил в нем и выпил чаю. Затем всю оставшуюся дорогу обдумывал план кражи Шушен и доставки ее к Мамедову, хотя, некоторые детали этой операции продумал еще вчера.

Занятия в школе Шушен начинала в шесть. Бывало из-за опоздания некоторых учениц, начинала на несколько минут позднее, но всегда заканчивала ровно в восемь, когда становилось темно и уже все уходило. В это время она убирала класс, выносила во двор ведро с мусором. Вернувшись в класс с пустым ведром,

умывалась из умывальника, набрасывала на голову легкий платок, прихватывала букварь с тетрадью, выключив свет, закрывала комнату на ключ и направлялась домой. В такой час здесь становилось безлюдно. Вот как раз на это время и намечалось украсть девушку: схватить, кляпом закрыть ей рот, завязать руки и ноги и потащить туда, где стояла машина.

Но случилось непредвиденное: в то самое время, когда Шушен возвращалась в класс с пустым ведром, во дворик, открыв калитку, вошел дедушка Авшалум.

– Шушен, доченька, я иду домой, подождать тебя? – спросил старик.

Спрятавшиеся неподалеку, Гайдаров и водитель замерли. Они уже решили молниеносно напасть на старика, убить его и захватить Шушен, если он задержится. Однако в ту же секунду услышали голос девушки:

– Нет, дедушка, ждать не надо, идите, я сейчас закончу и догоню вас...

– Ну, ладно, – ответил старик и ушел, – ты резвая, догонишь...

Шушен не успела даже пикнуть. Всунув ей в рот кляп, чтобы она не издала никаких звуков, Гусейн и здоровенный водитель, завязали ей глаза, руки и ноги, кулем отнесли в машину и, не дав ей опомниться, завели мотор и двинулись в путь.

Дедушка Авшалум дошел до дома, поставил чайник на плиту, он даже вскипел, засвистел, известив, что можно заваривать чай, а Шушен все не было. Старик собрался было вернуться обратно, сделал

несколько шагов, но вдруг из темноты показалась фигура Нисима.

– Нисим, сынок, ты Шушен не видел? – с тревогой спросил он.

– Ее в школе нет, я думал она домой пошла, – удивленно ответил Нисим и тоже встревожился.

– Когда я шел домой, полчаса назад, она убирала после занятий класс и сказала, чтобы я пошел вперед, мол, сама меня догонит, – говорил старик, понуриив голову, – куда она могла пойти.?

– Может на несколько минут зашла в свой дом, – предложил Нисим, – подожди дедушка, – я пойду ей навстречу.

– И я с тобой, – тут же вызвался старик и они вдвоем поспешили Шушен навстречу.

Но ни дома, ни вблизи от него, ни на территории школы Шушен не было. Это вызвало у них крайнюю тревогу и Нисим, не долго думая, поспешил в отдел НКВД. И хотя Седефова не было, его заместитель на поиски девушки тут же направил наряд милиции, позвонили даже на автовокзал. И хотя, до утра поисковая машина работала, девушку не нашли. «Неужели, – думал Нисим, – Мамедов меня обманул, усыпил мою бдительность, чтобы украсть девушку! Нет, дедушка говорит, что узелок ее надежно запрятан, а зачем Мамедову девушка без заветного узелка?» Эти мысли не давали ему покоя и рано утром он пошел к Седефову.

– Мирбагыр Ахмедович, – обратился Нисим, приветствуя начальника отдела НКВД, – могу я к вам обратиться? Только, прошу Вас, ответьте мне честно...

– Что случилось, Нисим? Поверь, я тебя очень уважаю.., – ответил Седефов приветливо, – честное слово, если это возможно, я скажу правду...

– Пропала Шушен, дочь убитого недавно Офдума-шолчи, она сейчас преподает в школе ликбеза.., – сказал Нисим и прямо посмотрел в глаза начальника НКВД. Седефов удивился и это удивление на его лице было настолько естественное, не наигранное, что Нисим понял, что Седефов в самом деле об этом ничего не знает.

– Поверь мне, Нисим, дорогой, я об этом ничего не знаю, но обещаю тебе сделать все, чтобы найти девушку живой и невредимой...

– А посмотреть камеры, может без вас привели?.. – проговорил Нисим в надежде найти Шушен в многочисленных камерах отдела НКВД.

– Пожалуйста, друг мой, – согласился Седефов и добавил, – ты здесь работал, все знаешь.., пойдём...

Они вдвоем обошли все камеры, но Шушен нигде не было.

– Подожди, это не та ли девушка, поиски которой приказали недавно прекратить, – вдруг вспомнил Седефов, – так кто мог ее украсть? Я сейчас позвоню в Управление, выясню кое-что...

Седефов подошел к телефону и набрал Мамедова, в Баку. Хотя был ранний час, Мамедов был на работе.

– Мамед Эмирмаруфович, доброе утро, Седефов беспокоит, у нас ЧП... Какое? Да вот, девушка пропала, учительница ликбеза... Как зовут?

– Шушен Симандуева, – тихо подсказал Нисим.

– Симандуева Шушен, из Слободы, – ответил Седефов, – мы вас просим объявить розыск по республике..., пожалуйста..., до свидания, товарищ Мамедов.

Седефов положил телефонную трубку и удовлетворенно заметил:

– Теперь можете быть уверены, девушку непременно найдут...

В этот самый момент в дверь кабинета Мамедова постучали, вошел его водитель и хотел доложить, но начальник остановил его:

– Знаю..., где вас так долго черти носят?

– Все было вначале хорошо, – ответил водитель, – но потом девчонка стала задыхаться...

– И что? – вырвалось у начальника.

– Пришлось вытащить кляп, развязать ноги, – признался водитель, – а эта стерва стала кричать, хорошо дорога была безлюдной..., этот Гусейн, хотя и маленький, но раза два так ей врезал, что она потеряла сознание, часа полтора потом приводили в чувство...

– Где она сейчас? – спросил Мамедов, – надеюсь жива?

– Да, в нашем потайном месте..., и Гусейн там...

– Ее уже ищут, – сказал начальник и приказал, – поехали, надо вначале с ней поговорить...

До потайного домика в районе Ени-Сураханы доехали сравнительно быстро. Мамед зашел к привязанной девушке, приказал развязать ее, сняли с глаз повязку и Мамед, посмотрев на нее, сказал:

– Если не будешь кричать, вытащим кляп!

Шушен согласно кивнула. Девушку избавили и от кляпа. Оба ее похитителя пошли к выходу, а Гусейн положил на стол начальнику изъятые у Шушен букварь и тетрадь.

– Что это? – спросил его Мамедов

– Ее школьные принадлежности.

– Ладно, иди, я разберусь, – ответил Мамедов. Вышел и Гусейн.

– Скажи мне, почему твой отец в тот день убил нашего милиционера? – спросил Мамед.

Шушен вначале опешила, а потом, вспомнив все обстоятельства того трагического дня, с ненавистью взглянула на, так называемого, стража порядка и громко ответила:

– Это какой же милиционер? Разбойник, убийца и насильник Ашот?

– Так, почему твой отец его убил?

– Не мой отец начал в него стрелять, а этот ублюдок убил вначале мою мать, – при этих словах тело девушки сотрясло рыдание и она заплакала, затем, плача она продолжила, – потом он убил моего отца..., я все видела...

– А кто убил самого Ашота? – снова повторил, словно вбивал гвозди в доску Мамед. – Может быть небезизвестный тебе, Нисим?

Шушен ненадолго задумалась.

– В Нисима тоже стрелял он, – ответила она все еще продолжая плакать, – он всех убивал, как сумасшедший...

– В таком случае, кто стрелял в Ашота? – еще раз повторил Мамед свой вопрос.

«Ах, вот в чем дело?» – сообразила Шушен. – Ты роешь под Нисима, тебе наплевать на Ашота...».

– Не знаю, – ответила Шушен, вытирая слезы, – мне не до него было тогда...

– Ах, вот как? – взбесился Мамед и, подойдя к девушке вплотную, с размаху, неожиданно вlepил ей пощечину, отчего девушка упала с табурета и ухватилась за щеку.

Мамед безжалостно усадил ее на место.

– Хорошо, оставим этот вопрос на следующий раз. – Пригрозил он девушке и продолжил, – где узелок, в котором спрятаны деньги, драгоценности и документы твоих родителей, на месте их не нашли? – Если скажешь, останешься жить...

«Если скажу, – еще раз сообразила Шушен, – вначале заберешь узелок, потом убьешь меня, Нисима и дедушку Авшалума. Не дождешься...».

– Не знаю.., – продолжая плакать, ответила она со страхом, ожидая нового удара.

И тут же последовала новая пощечина, отчего девушка отлетела с табурета, больно ударившись о край стола. С носа пошла кровь...

– До вечера останешься здесь, в подвале, с крысами, каждая из которых в твою дурную голову, – пригрозил ее истязатель, – будешь голодная до моего возвращения. Если и тогда не вспомнишь ответы на мои вопросы, пеняй на себя...

И в то, что он может убить, она в эти минуты не сомневалась. Мамед позвал Гусейна Гайдарова и приказал:

– Запри ее в подвал, дай ей что-нибудь, пусть вытрет нос, кушать не давай! – закончил он и вместе с водителем пошли к двери. – Жди, после работы буду!

* * *

В это же утро Ахмед приехал в Кубу, розыскал чайхану Угрухана и, расспросив чайханщика, прошел в дальнюю кабину, где высокий, чуть ли не аршин в плечах, молодой человек пил чай. «Похож, – подумал Ахмед, – такой же огромный, как отец»

– Если мне память не изменяет, тебя зовут Рустамхан? – присев, спросил Ахмед.

Молодой человек, разглядывая незваного гостя, медленно положил недопитый армуды стакан на стол.

– Чем могу быть полезен? – не отрицая своего имени, ответил хозяин.

– Меня зовут Ахмед, из Кюрдамира, – произнес гость, пристально взглянув на хозяина, – это имя тебе знакомо, мой друг?

Молодой человек поднялся, протянул Ахмеду руку и обнял его.

– Рад тебя видеть, Ахмед, да, отец, да благословит его Аллах, говорил о тебе, о том, как ты ему помог в тюрьме Агдама. Какими судьбами? Чем помочь?

– Разговор долгий, ты лучше почитай это письмо, – и Ахмед протянул его Рустамхану.

И по мере того, как тот читал письмо Джамала, дважды кулаком бил себя по голове, потом сел за стол, положил перед собой листок и, не скрывая слез, посмотрел на гостя. Ахмед понял, что письмо по-настоящему растрогало парня.

– Отец говорил, что Мамед, начальник отдела НКВД, который, по-существу, является хозяином этой чайханы, за свою помощь, просил завалить какого-то Джамала, но кто мог знать...

– Выходит, этот Мамед руками моего друга убил моего брата?! – подытожил Ахмед.

– Да, выходит так.., – печально согласился Рустамхан, – правда, идя на эту встречу с Джамалом, он говорил, что вначале узнает кто этот Джамал, а потом примет решение, но... там началась такая перестрелка, что убили не только Джамала и его товарища, но и отца...

– Я даже знаю кто убил твоего отца, – ответил Ахмед и, протянул ему копию приказа по Управлению НКВД, который он незаметно снял сегодня с доски внутри отдела, когда приходил узнать о Мамедове, – на, читай...

– Вот это да..а, – протянул Рустамхан удивленно, – выходит этот скотина одним махом и Джамала убил и от моего отца избавился...

– Ты не знаешь, где похоронили Джамала? – спросил Ахмед, печально опустив голову.

– Об этом знает мой человек из морга, – отвечал Рустамхан, – я тогда занялся похоронами отца...

– А где этот морг? – спросил Ахмед, вставая.

– Поехали, я покажу, – встал со своего места Рустамхан и направился к выходу.

Патологоанатом в морге оказался сравнительно молодым человеком, непривычно трезвым, положив протянутую ему купюру в карман, внимательно выслушал Рустамхана и, поняв, о чем его спрашивают, сказал:

– Его и его товарища похоронили на кладбище, документов тогда при них не нашли, но есть посмертные фотокарточки...

– У кого они? – тут же спросил Ахмед.

– У меня, я это сделал на всякий случай, – ответил патологоанатом и подойдя к своему столу, порылся в нем, и протянул Ахмеду две фотографии.

Рассмотрев их, Ахмед, показав на первую, сказал:

– Это Джамал..., – потом подумав немного, добавил, – я и этого знаю, он из Сумгаита, по-моему, Самедом звали. Так, где их похоронили?

– Сейчас..., – патологоанатом открыл дверь морга и крикнул во двор, – Ариф, иди сюда!

Через минуту подошел мужчина лет сорока-пятидесяти, с пропитым лицом и в грязной одежде.

– Что надо? – спросил он, обращаясь сразу ко всем, пошатываясь.

– Ты помнишь, где похоронили тех двоих, которых доставили тогда милиционеры?

– Кажется, да, – ответил он, пошатываясь, – а что?

– Показать на кладбище сможешь? – спросил Ахмед и дал ему денег.

Тот мутными глазами осмотрел купюру и ответил:

– Смогу...

– Тогда поехали, – Ахмед и Рустамхан взяли его с двух сторон подмышки, подняли и усадили в машину.

Могилы нашли, но кто конкретно из двоих похоронен в какой, «трезвый» Ариф сказать не сумел. Пометили места захоронений и решили время не терять.

– Что ты по этому поводу думаешь? – спросил Рустамхана Ахмед.

– Мы живем Ахмед по понятиям, так что, Мамеда надо валить...

– Я тоже так думаю, – согласился Ахмед и добавил, – надо ехать в Баку.

* * *

Собирались недолго, ибо путник должен быть в пути. В этот же вечер, примерно к концу рабочего дня, машина, в котором находились Ахмед и Рустамхан, въехала в Баку, держа путь в сторону здания на улице Коммунистической – Управления НКВД республики. Оба пассажира этой машины, после тщательного изучения плана расположения указанного здания, пришли к единому мнению: установить наблюдение за центральным входом и выходом Управления и когда Мамедов выйдет, сядет в машину, номер которой они тоже заранее узнали, последовать за ним и там, на месте, действовать по обстоятельствам.

С моря дул легкий ветерок. Буйный цвет наступившей весны наполнил улицы и площади Баку запахом

душистой сирени, а бело-розовые абрикосы и миндаль создавали такую картину солнечной красоты, что очаровывали глаз. И как же не соответствовала эта чарующая красота тем странным явлениям, которые происходили вокруг!

Мамедов выходил из здания, которое со временем люди назовут «зловещим», степенно и чинно, как человек, для которого в жизни нет преград, а предстоящая дорога представлялась ровной, без рытвин и бугорков, усыпанная яркими цветами. Ему казалось, что зло, которое он чинит людям, им же во благо, что небесная и земная благодать созданы для него и таких как он, что он прав не только в словах, но и в делах, что все богатства земли созданы для него и таких как он. Мамед сел в машину, твердо убедившись в том, что избитая и истерзанная девушка, которая сейчас изнывает от голода и жажды в подвале его маленького особняка, в надежде сохранить себе жизнь, обязательно скажет, где хранит свой «узелок», выдаст тайны дорогих ей людей, и обречет на смерть не только себя, но и их.

Точно так чувствует себя и оторванный от дерева листок, пока летит под сильной струей ветра, омываемый дождем и блестя чистотой, чтобы, обреченный, упасть и сгнить в грязной уличной луже.

Между тем, Шушен, оказавшись в подвале особняка, где, кстати, не было ни одной крысы, а лишь пара мышей, с острыми мордочками и длинными хвостиками, шныряли от полного зерном мешка к своему

потайному гнезду, откуда слышался писк мышонков, стала сама искать потайной выход. Но никаких других выходов, кроме той, через которую ее затолкали сюда, она не нашла. Однако ее поиски все же дали кое-какой результат – она нашла небольшой молоток, которым при умелом пользовании можно было, если не убить, то хотя бы оглушить и на некоторое время вывести из строя человека. А таким человеком для нее в данное время был только Гусейн Гайдаров – источник всех ее жестоких мучений, злодей, который довел ее до смертного часа. После недолгих раздумий она приняла решение или умереть, или найти выход, чтобы этот самый сморчок Гайдаров открыл ей дверь подвала и дал возможность неожиданно ударить его молотком по голове. Она привязала молоток к бедру правой ноги подвернувшейся тряпкой, ударила кулаком два-три раза в дверь и, схватив живот руками, стала кричать:

– Откройте, у меня болит живот..., ой, я сейчас умру!

Услышав крик девушки и ее зов о помощи, Гайдаров подошел к двери подвала и громко спросил:

– Что случилось?

– Ой, у меня болит живот, мне надо... в туалет, иначе я сейчас умру...

– Делай прямо там, – сказал бывший милиционер и расхохотался.

– Что..о?!.. – возмутилась девушка, – бессовестный, негодяй, ой, я уже не могу, неужели ты боишься меня, а еще мужчина называется...

– Сейчас, подожди, открою, – подействовали на Гайдарова слова девушки, – только смотри мне, без шуточек, иначе прибью на месте, – и открыв дверь, отошел от нее на метр.

Шушен, схватившись за живот, вышла из подвала и вскрикнула:

– Ой, где туалет? Я сейчас умру, – причитала она, оглядываясь по сторонам.

– Вот туалет, заходи, – Гусейн ударил ее по затылку, отчего Шушен чуть не упала, и показал ей на дверь туалета.

Девушка с трудом забралась в туалет, закрыла за собой дверь и, приложившись к стене, осмотрелась: в центре забетонированного пола зияла прямоугольная дыра, по двум краям которой на раствор были положены по два кирпича, с расчетом на большую стопу. Взглянув в дыру, Шушен сразу сообразила, что яма под полом вместительная. Водопроводный кран был открыт, и вода стекала через дыру в яму, смывая с ее краев всевозможные нечистоты. Таким образом, пол туалета всегда оставался чистым. Она выключила кран, отчего туалет окутала тишина. Снова, причитая и охая, развязала и высвободила молоток, взяла его в правую руку и, ойкая, крикнула:

– Эй, милиционер, как здесь открывается кран, а то вода не идет...

– Как не идет? – тут же отозвался Гусейн и, открыв дверь туалета, заглянул внутрь.

В этот момент Шушен со всего размаха ударила Гусейна молотком по голове, отчего тот, не издав ни звука, если не считать хруста разбитого черепа, свалился замертво на пол туалета.

Увидев окровавленный труп, Шушен чуть сама не потеряла сознание, но, собрав все свое мужество, почти в полуобморочном состоянии прислонилась к стене и так простояла пару минут. Потом, осознав, что оставить труп на виду равносильно подписать себе смертный приговор, она схватила его за обе ноги, приподняла, что было сил, хорошо, что тело было не особенно тяжелое, и двинула его головой вниз к дыре туалета и, когда увидела, что труп сползает вниз, отпустила совсем. Снова открыла кран и туда же, куда стекала вода, бросила и молоток.

Руки ее дрожали, мертвенная бледность покрыла ее чело, она была на грани обморока. Лишь только осознание справедливости наказания этой нечисти, дало ей силы снять и спрятать в штаны рваные чулки, отчего сразу обнажились синяки и ссадины на ногах, быстро одеться, и, покинуть этот страшный дом пыток, который через несколько часов мог стать ее последним убежищем.

Было три часа дня, на улице почти не было прохожих, лишь в пятистах метрах от нее остановилось такси, и пока она устремилась к нему, такси покинул пассажир.

– Такси, – негромко крикнула она, подняв руку, – и подбежала к нему, – довезете?

– Куда? – спросил таксист и взглянул на нее оценивающе.

Вид у нее, хотя она и постаралась кое-как привести себя в порядок, был ужасный: под одним глазом красовался маленький синяк, ворот платья расстегнут, ибо на нем не осталось ни одной пуговицы, лицо бледное, руки, выдавая ее волнение, дрожали.

– До Кубы и знаете сейчас у меня нет денег, я вам заплачу на месте, довезете? – она посмотрела на мужчину с такой мольбой, что тот не сумел отказать.

И когда таксист открыл дверцу и предложил ей сесть, она тут же добавила:

– Вы не волнуйтесь, я вам обязательно заплачу!

– Хорошо, садись, не будем терять время, – сказал таксист понимающе, – вы же, наверное, торопитесь?

– Да, спасибо, сколько времени займет наша дорога? – спросила она торопливо.

– Примерно два часа, – ответил таксист и добавил, – если бог поможет, к 5 часам будем на месте...

Таксист не подвел, он подвез Шушен к домику дедушки Авшалума в 5 часов 10 минут. Старик, увидев девушку, ее состояние, чуть не потерял сознание. Но когда Шушен, приложив палец к губам, обратилась к нему, старик сразу все понял:

– Дедушка, заплати, пожалуйста, таксисту, он хороший человек...

– Хорошо, доченька, – всполошился старик и побежал рассчитываться с таксистом.

Таксист, сообразив, что он попал к своим соплеменникам, вышел из машины к старику навстречу и на родном языке сказал:

– Не торопитесь, дедушка, я подожду...

– О..о, – удивился старик, – значит ты наш родной человек?

– Да, а я, честно говоря, не знал, кого везу...

– Сколько тебе, сынок?

Таксист назвал сумму и добавил:

– Я ее из Баку везу...

– Спасибо тебе, сынок, – и неожиданно спросил, – ты не отсюда ли родом?

– Нет, я с Варташена...

– Счастливого тебе пути! – пожелал ему старик с благодарностью.

– Спасибо, дедушка...

Шушен, тем временем, быстро умылась, навела марафет на лице и переделась. На ходу поела кусок хлеба с сыром, запила чаем, и, прихватив букварь и тетрадку, направилась на встречу со своими ученицами, которые и не догадывались, что их учительница за прошедшие сутки чуть не лишилась жизни.

– Дедушка, милый, я приду со школы и все расскажу, не волнуйтесь, – на ходу сказала Шушен, закрывая за собой калитку.

Старик так и застыл на месте, словно эта была не дорогая его сердцу Шушен, бесследно исчезнувшая вчера почти в это же время, а какое-то видение, живой воплоти образ. Он закрыл дверь своей хибарки и напра-

вился вслед за ней, чтобы стать на ее охрану до конца занятий. По дороге он зашел в дом родителей Нисима, подозвал его младшего братишку и попросил срочно найти брата и сказать ему, что Шушен вернулась.

Через несколько минут прибежал Нисим. Оказывается, обеспокоенный долгим отсутствием Шушен, он шел к дедушке Авшалуму и на мосту встретился с братом.

– Нисим, сынок, у нас радость – Шушен вернулась, – обрадовал его старик.

– Как она себя чувствует?

– Она пошла на занятия, я ее здесь буду ждать, – ответил старик и добавил, – обо всем поговорим дома.

– Хорошо, я вернусь на работу, там надо кое-что доделать, а потом прямо к вам, – обрадованно обнял старика Нисим и пошел снова к мосту, чтобы пойти на другой берег Кудиял-чая.

И уже на улице Бакиханова встретился с Седефовым.

– О, Мирбагыр Ахмедович, – обрадовано приветствовал его Нисим, – Шушен вернулась домой, оказывается она поехала в Дербент, к родственникам.

– Когда вернулась? – спросил Седефов.

– Час-полтора назад, – ответил Нисим и добавил, – спасибо вам!

– Вот видишь, а ты беспокоился, – и пошел дальше.

* * *

Машина Мамеда подъехала к небольшому особняку в окрестностях Ени-Сураханы и остановилась. Стем-

нело. В ста метрах от них, за давно стоявшей машиной, притормозили и Ахмед с Рустамханом. Шофер Мамедова, Самед, вышел из машины, осмотрелся по сторонам и открыл дверцу шефу. Мамедов, в красивой его форме, вышел из машины и, миновав калитку, которая была полуоткрыта, что не сразу насторожило его, ступил на невысокую лесенку в дом. И здесь дверь оказалась не запертой. «Этот идиот мало того, что оставил открытой калитку, – недобро подумал хозяин о Гусейне, – он еще и дом не закрывает».

Опередив шефа, в открытую дверь дома зашел водитель. Осмотрев все кругом, он позвал «сморчка», так он презрительно назвал Гусейна про себя:

– Эй, Гусейн, где ты там?

Дом отозвался мертвой тишиной.

– Странно, где он там ходит? – сказал Самед больше для шефа, нежели для того, чтобы его услышали.

Бурная фантазия Мамеда наводили его на мысль, что «сморчок», воспользовавшись моментом решив надругаться над девушкой, затащил ее в спальню. Он пошел по направлению к спальне, но их и там не оказалось.

Мамедов сидел за тем самым столом, где лежали букварь и тетрадь украденной девушки. Выслушав Самеда, что ни девушки, ни Гусейна нигде в доме нет, Мамедов неожиданно заметил:

– Здесь лежала книга этой стервы, надо думать, она сбежала...

– Как? – удивился водитель. – Она же была связана...

– Выйди во двор и поищи в сарае... – приказал Мамедов, – а сам пошел осматривать туалет.

Тем временем Ахмед и Рустамхан незаметно пробрались во двор и собрались уже тихо, без шума войти в дом, как из дверей вышел водитель и, широко шагая, вразвалку пошел к сараю. За ним последовали Рустамхан и Ахмед. Не успел водитель осмотреть сарай, как сзади его схватили и, намеревались было, скрутить руки, как этот здоровенный детина выкрутился и сильным ударом кулака свалил Ахмеда на пол, однако, в этот момент Рустамхан вонзил ему нож под левую лопатку. Охнув, он остановился, с губы его потекла кровь, и он всем своим огромным телом упал на пол сарая. Ахмед потер место ушиба на лице, пожал другу руку и они направились к дверям дома.

Осматривая туалет, Мамед обратил внимание на не смытые следы крови, заглянул в яму и ахнул: из нечистот торчали ноги. Он выпрямился, полез в карман, в волнении вытащил носовой платок и вытер пот. Потом повернулся назад и крикнул:

– Самед! Иди сюда!

Из-за открытой уже двери молниеносно с двух сторон выскочили с пистолетами в руках Ахмед и Рустамхан. Мамед полез было к кабуре за пистолетом, как услышал устрашающий приказ Ахмеда:

– Не рыпайся, подонок, пристрелю как последнюю собаку! Садись!

Мамед благоразумно сел.

– Рустамхан, завяжи этого скота, обыщи его самого и весь дом, забери у него оружие, – сказал Ахмед другу, держа Мамеда на мушке, – чтобы у него не было никаких надежд...

Рустамхан только этого и ждал. Все было сделано быстро и так надежно, что Мамед скривился от боли. Из его карманов были изъяты документы, а из кабуры – пистолет.

– Значит, ты стал Мамедовым, почему? – был первый вопрос Ахмеда.

А Рустамхан в это время обыскивал шкафы.

– Вы об этом пожалеете! – вскричал Мамедов, в надежде, что его услышит Самед, его верный водитель и телохранитель.

– Если даже ты будешь орать, – заметил Ахмед спокойно, – тебя никто не услышит. А твой водитель вел себя не гостеприимно, пришлось его отправить к любимому дедушке...

Мамедов понял, что с этими людьми, в одном из которых он узнал Ахмеда, брата Джамала, шутки шутить нельзя.

– Так что вы от меня хотите? – непринужденно спросил он, хотя завязанные за спиной руки ныли от боли.

– Все же, как ты стал Мамедовым? – повторил свой вопрос Ахмед.

– Я об этом доложил своему руководству, когда, поступал на работу, – ответил Мамед спокойно, – и тебе могу повторить, что нас в свое время бросил

отец и мы взяли фамилию матери. Собственно говоря, какое твое дело до моей фамилии? – он сделал вид, что это его обижает.

– Да, нам, если ты хочешь знать, наплевать на твою фамилию, ты хоть Эшшегов назови себя.., – спокойно ответил Ахмед и посмотрел на своего друга, который за спиной Мамеда что-то изъясил из шкафа и стал читать, нам, все же, интересно, почему твой отец, сняв одежду и папаху муллы, прячет свое происхождение.., ну, да ладно, об этом мы его спросим при встрече... в Худате...

– Какое твое дело до моего отца? Что я тебе плохого сделал? – спросил Мамед, посчитав, что лучшая оборона – это наступление.

– Вот это самое главное, – Ахмед с ненавистью посмотрел на этого мерзавца, все еще корчившего из себя начальника, – ответь мне, ты – людоед, за что ты убил моего брата?

– Кто? Я? Ты что-то путаешь, Ахмед! – переспросил Мамед театрально. Я твоего брата не видел столько же сколько и тебя, со дня нашего отъезда из Кюрдмира.

– А моего отца, Угрухана, за что убил? – спросил Мамеда Рустамхан, схватив его за волосы. – Не бойся, говори правду! Семьдесят процентов доходов чайханы он отдавал тебе подонок? – Сказав это, Рустамхан передал Ахмеду изъятые документы и кивком дал понять, что, мол, читай.

– Я его не убивал, клянусь Аллахом! – поклялся Мамед и добавил. – В тот день я был на работе допозд-

на, вдруг из сквера рядом с нами слышу выстрелы, выбежали и видим как на твоего отца напали двое, твой отец, он был и моим другом, хотя был смертельно ранен, все же убил обоих напавших на него бандитов. Кто были эти люди я не видел, но мне доложили, когда увезли всех в морг, что ни у кого документов не нашли.

– А их и не могли найти, – криво усмехнулся Ахмед, – потому что ты тут же изъял их у них.

– Никаких документов я не изымал, – стал отрицать Мамед и осекся, увидев паспорта Джамала и того парня из Сумгаита.

– А..а, узнал? – спросил Ахмед Мамеда, – Что теперь скажешь, сука? Говорить нечего? Конечно, что тут скажешь в свое оправдание?! Но мы знаем о твоём злодеянии и без них, – сказав это, Ахмед вытащил из кармана приказ по Управлению, где было сказано о его личном участии в ликвидации особо опасного преступника Угрухана и досрочном повышении в звании. – Вот, читай еще раз о твоём очередном предательстве, собачий сын!

Однако изощренный ум этого злодея нашел выход и из этого затруднения.

– Но это было не так, я просто воспользовался этим случаем, чтобы подняться по службе, – тут же заявил он, – увидев убитых, я забрал их документы и доложил руководству, что, якобы, я сам их убил...

– Вот, вот, – стал издеваться над Мамедом Ахмед, – ты только что говорил, что Угрухан был твоим лучшим другом, не так ли?

Мамед понял, что окончательно запутался, что теперь его жизнь висит на волоске. Однако решил сделать еще одну попытку спастись.

– Но почему я должен отвечать за чужие преступления? – возмутился он деланно. – Я сам никого не убивал: ни Угрухана, ни Джамала с другом. О них я узнал по их документам, только после того, как преступление свершилось...

– Снова, тварь, ты обманываешь, – невозмутимо ответил Ахмед, – я тебе покажу один документ, даже не покажу, потому что ты этого не достоин, а просто прочитаю, слушай внимательно.., – Ахмед вытащил из кармана письмо Джамала и начал читать: «Дорогой брат! Когда ты читаешь это письмо, знай, что меня уже нет в живых и убил меня ни кто-нибудь, а наш с тобой «друзжок» с улицы в Кюрдамире, ныне начальник отдела НКВД г. Кубы, Мамед сын муллы Эмирмаруфа...».

Мамед изменился в лице. Ахмед же, положив письмо брата в карман, подошел ближе к нему, развернулся и со всей силы ударил кулаком по его холеной физиономии. Тоже самое, только с другой стороны, сделал Рустамхан, отчего Мамед упал вместе со стулом и из его носа пошла кровь.

Его снова посадили на стул.

– Ты, наверное, хочешь жить? – спросил его Ахмед с сарказмом. – Так?

– Да, – ответил Мамед, сплевывая выбитый зуб.

– Тагда покажи, где у тебя здесь спрятано награбленное богатство? Если скажешь, изменим меру

твоего наказания, – пообещал Рустамхан, который до этого не вмешивался в импровизированный допрос Ахмеда.

– Да, я вам все отдам, – вдруг пришел в себя Мамед, – вы меня отпустите? Обещаю вам, что я никогда впредь не сделаю людям зло!

– О, это уже многообещающе, – заметил Рустамхан, – ну, показывай, где?..

Мамед взглядом показал на, висевшую на стене, картину старого Баку и сказал:

– Вот за этой картиной сейф, это все что у меня есть...

Рустамхан подошел к висевшей на стене картине, снял ее и действительно за ней был виден вмонтированный в стену сейф.

– Где ключи от него? – строго спросил Ахмед.

– Ключи на работе, я с собой их ношу только по необходимости, – ответил Мамед, – если хотите, взломайте.

Под рукой никаких инструментов не было, нужны были хотя бы монтировка и молоток. Рустамхан вышел на улицу и, крадучись, подошел к своей машине. Через пару минут он вернулся с инструментами. Даже такой здоровяк как он, вскрыл сейф с трудом. В нем оказались: сложенные в мешочек 10 пачек денег крупных купюр, антикварные ожерелья, алмазные серьги, кольца, и кулоны, всевозможные золотые монеты и даже снятые с кого-то золотые зубы...

– Это все? – строго спросил Ахмед, надеясь, что напуганный Мамед укажет и на другие тайники.

– Да, здесь у меня больше ничего нет, – спокойно ответил Мамед и неожиданно предложил, – хотите, поедем ко мне на квартиру...

– Я тебя, хитрец, здесь спрашиваю, – снова с угрозой спросил Ахмед.

– Нет, здесь больше ничего нет, хоть убейте, – ответил Мамед и умолк, поняв, что сморозил глупость.

– Мы это и сделаем, – с сарказмом ответил Рустамхан, затем взял со стола изъятые из сейфа драгоценности, засунул их снова в мешочек и, прихватив свои инструменты, пошел снова к машине.

– Ахмед, – вдруг обратился к нему Мамед, – мы с тобой знаем друг друга не первый год, поверь, я не убивал Джамала, дам тебе огромное богатство, отпусти меня...

– Каким образом, – схитрил Ахмед, сделав вид, что подался на соблазн Мамеда.

– Свалим этого дурачка и разойдемся, предварительно я дам тебе в десять раз больше, чем было здесь...

В этот момент вошел Рустамхан.

– Ты знаешь Рустамхан, – обратился к нему Ахмед, – этот подонок обещал мне за твою голову огромное богатство...

– Вот как?!

– Да, свалим, говорит, этого парня и разойдемся...

– Ты так высоко ценишь мою голову? – с ехидцей спросил Рустамхан, обращаясь к Мамеду – Видно, также ты обманул и моего отца, собака?

– Да нет, я этого не говорил...– залепетал Мамед и понял, что его сейчас убьют.

Но он не знал, какую кару избрали для него эти мстители. Узнай он об этом, пожалел бы, что вообще родился на свет. Не говоря ни слова, Рустамхан подошел к Мамеду сзади, взял его за кончик уха и одним движением острого ножа, срезал его. Отчего Мамеда пронзила такая боль, что он зверино заорал и потерял сознание.

Придя в себя, он услышал голос Ахмеда с другой стороны:

– Что, больно? Вот также больно было и нашим родным, когда ты их убивал... Ты что, сука, не знаешь, что зло возвращается. Я благодарю Аллаха, что за зло, которое ты совершил в жизни, он воздал тебе, именно тебе, злодей...

– Больше мы ждать не можем, иначе придумали бы тебе еще что-нибудь,– сказал Рустамхан с угрозой и вонзил Мамеду прямо под левую лопатку острый охотничий нож.

Затем в дом занесли тело водителя, нашли и принесли бутылку с бензином, облили с таким расчетом, чтобы дом вспылал не весь сразу, а частями, подожгли, закрыли двери и ушли в одних носках, чтобы не оставить следов. Когда огонь выглянул уже из окон и поднялся к крыше, Ахмед и Рустамхан были уже на краю города и там попрощались: Ахмед сел на попутную машину и уехал в Кюрдамир, а Рустамхан – в Кубу, чтобы, как и договорились, через три месяца

встретиться на кладбище, где захоронят Джамала и его друга уже по-человечески.

Пожар в ночное время – зрелище страшное. К тому времени, пока соседи позвонили и приехали пожарники, дом и все пристройки во дворе сгорели почти полностью. Лишь к утру, из-под обломков свалившейся железной крыши, вытащили два начисто обгоревших, даже не тела, а скелета, в туалете чудом сохранившееся в нечистотах тело невысокого человека, в кармане которого нашли паспорт на имя Гусейна Гайдарова. Сразу установили, что дом этот два месяца назад купил некий Мамедов Мамед Эмирмаруфович.

Но уже в середине дня по всему Баку разнеслась весть, что в загородном доме заместителя начальника Управления НКВД республики случился пожар, в огне которого сгорел не только сам хозяин, но и его водитель. Началось следствие, у которого возникло очень много вопросов и прежде всего к отделу НКВД г. Кубы: каким образом труп бывшего милиционера этого отдела Гусейна Гайдарова оказался в помойной яме туалета в доме Мамедова, бывшего начальника этого же отдела? Кто и за что так злодейски вначале поиздевался над телом покойного начальника, а потом сжег его, а вместе с ним и водителя?

В середине следующего дня в отдел НКВД г. Кубы пришла телефонограмма, что прошлой ночью в своем частном доме убит и сожжен зам. начальника Управ-

ления НКВД Мамедов. В связи с этим Седефов срочно приглашается в Баку.

Через 2 часа Седефов был в управлении. Беседовал с ним начальник следственного отдела Управления Ахмедов. Он подробно рассказал о случившемся и между делом спросил Седефова, мол, что за человек Гусейн Гайдаров.

– Его за плохую работу уволил сам Мамедов, в свою бытность начальником, – ответил Седефов и добавил, – и, вообще, о нем в отделе никто хорошо не отзывался, унижительно называли «сморчком», а на его высокомерие высказывались, мол, маленькие люди видят большие сны.

– Что он мог делать в доме Мамедова? – спросил следователь.

– Честно говоря, не знаю, – но чтобы, хоть как-то, унижить Мамедова, заметил, – может, приехал к нему еще раз попросить восстановить на работу, он же женился накануне...

– А что, Мамедов, кроме некоторых дел, занимался и кадровыми вопросами? – спросил Ахмедов, улыбувшись.

– Кто его знает.., – уклончиво ответил Седефов, еще раз убедившись, что здесь, в этом здании тоже, уважения, не говоря о дружбе, друг к другу не было.

– Все же, я попрошу тебя, – сказал Ахмедов, – поговорите с близкими этого Гайдарова, может, они знают почему он поехал к Мамедову, что их связывало?

– Хорошо, – я это обязательно сделаю, – пообещал Седефов и добавил, – но все же, кто это мог сделать?

– Мы тоже силится узнать это, – совершенно серьезно ответил следователь, – хоть покойный был человеком скрытным, все же мы опросили всех соседей, которые, словно сговорившись, в один голос утверждают, что приезжал он сюда редко, большей частью наведывался водитель, что долго не засиживался, что с соседями не общался, вообще держался свысока, что никаких незнакомых людей здесь ни в тот вечер, ни ночью не видели, вообще непонятная история... – заключил Ахмедов в конце.

– Но если Мамедов впустил этих людей, которые убили и его и водителя, этого здорового парня, значит, он их знал и не ожидал, что они пришли совершить это злодеяние? – вопросительно говорил Седефов.

– Это, во-первых, – снова стал размышлять следователь, – во-вторых, что сделал такое этот, как ты говоришь, «сморчок», что его ударили молотком по голове, пробив череп, а потом головой вниз опустили в туалетную яму? Ты знаешь, его нашли головой в дерьме, а ноги наверху...

– Черти что, – чертыхнулся Седефов, – ничего не понимаю..., а когда был убит Мамедов, это установили?

– Экспертиза дала заключение с точностью до одного часа, что смерть Мамедова наступила с 8 до 9 часов вечера, – ответил следователь, – а почему ты спросил...

– Нет... – замылся Седефов, – я просто, чтобы точнее знать подробности этого дела...

Мысль о том, что в убийстве Мамедова могла быть замешана пропавшая девушка – Шушен Симандуева, о которой говорил Нисим, возникла у Седефова совершенно произвольно, как у опытных ищеек возникают ассоциации. Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что девушка вернулась в Слободу в пять часов вечера, а убийство совершено с 8 до 9 часов вечера. Она не могла быть участницей этой драмы еще и потому, что подобное убийство она совершить не могла, как женщина. И еще, она не могла этого сделать потому, что она вообще не знала Мамедова. Вот почему, обдумав все это, Седефов не сказал следователю о своих подозрениях.

Между тем, в те часы, когда убивали Мамедова, Шушен, дедушка Авшалум и Нисим вернулись домой. За эти сутки девушка осунулась, по ее милому лицу пробежала тень смертельной опасности, она даже чуть повзрослела и, хотя счастливо улыбалась, видя рядом с собой самых дорогих себе людей, все же руки ее дрожали. Без лишних слов собрали на стол поесть, кое-как поели, ожидая, когда все же Шушен расскажет о том, как она оказалась в Баку.

– Ты помнишь, дедушка, я убирала после занятий класс, ты зашел во дворик и предложил пойти домой? – начала Шушен свой рассказ. – Ты ушел, и вдруг из темноты выскочили двое мужиков, закрыли мне кляпом рот, завязали руки, ноги и по-

несли в стоявшую рядом машину. Они везли меня в Баку...

Нисим взялся за голову и чуть не заплакал.

– Они привезли меня, знаешь к кому? – спросила она Нисима.

– К Мамедову, моему бывшему начальнику... – уныло ответил Нисим.

– Да, как ты догадался? – Шушен с удивлением посмотрела на любимого.

– Чужало мое сердце, что этот жадный мерзавец не оставит тебя в покое...

– А знаете, кто был организатором моей кражи? – спросила Шушен родных. – Его звали Гусейн Гайдаров...

– Как? – удивился дедушка. – Этот маленький милиционер? Его же уволили...

– Да, с ним был еще один бугай, он оказался водителем этого Мамедова, который дал машину, а в помощь Гусейну этого водителя. Они били меня всю дорогу, когда я просила их меня развязать, не давали пить, есть. Привезли и бросили в подвал дома этого Мамедова, на окраине Баку.

Нисим, скрежеща зубами, ходил по комнате и если бы ему в эти минуты повстречался Мамедов, этот хитрый лис, он бы его убил.

– Потом этот Мамедов стал меня допрашивать, мол, почему мой отец убил милиционера Ашота, когда я ответила ему, что не мой отец убил этого мерзавца, а наоборот, Ашот убил сперва мою мать, по-

том и отца, Мамедов все равно продолжает, мол, кто все же убил этого Ашота и так с хитрицою спрашивает, может быть Нисим. Я ему ответила, что и в Нисима стрелял этот убийца Ашот, тогда он сразу спросил, мол, кто же убил тогда Ашота. Я заподозрила что-то неладное в его вопросах. Он будто ждал от меня признания в том, что я видела, как ты стрелял в Ашота. И каждый раз, когда я говорила, что не знаю, он бил меня кулаком по лицу...

«Значит, почувствовав власть, – подумал Нисим, – этот скотина решил рассчитаться со мной, что ж, посмотрим...».

Не знал, не ведал Нисим, что в это самое время Бог творил ещё один справедливый суд – тело этого негодяя, в мундире правосудия, горело в пламени собственного дома.

– Потом этот Мамедов уехал вместе с шофером, но предупредил меня, что если я не одумаюсь, не скажу ему всю правду про узелок, про тебя, то он убьет меня и все равно сделает по-своему. Сторожить меня оставил этого Гусейна, – продолжила Шушен, вытирая слезы, – я поняла, что ему убить меня ничего не стоит и решила, пока он отсутствовал, попробовать бежать... Стала искать в подвале какое-нибудь оружие и нашла молоток, завязало его чулком на бедро и стала кричать, что у меня болит живот, что хочу в туалет и что вы думаете, он выпустил меня из подвала и, ударив по голове, затолкал в туалет. Я развязала молоток, выключила воду в туалете и стала кричать, что, мол,

здесь нет воды. А этот дурачок удивился этому, про-
сунул голову в туалет, и я... молотком проломила ему
череп. Что было дальше, я не помню, если не считать,
что я взяла его мертвого за ноги, потянула его голову
к дырке туалета и опустила его туда, в яму. Потом, как
безумная, оделась, умылась и бежала. Привез меня
таксист..., дедушка знает.

– И знаешь Нисим, он оказался нашим соплемен-
ником, хорошим человеком... Слава богу, что все так
закончилось, ты поступила правильно, дочка, не пере-
живай...

– Тебе надо отдохнуть, родная, – сказал Нисим и до-
бавил, – береги себя, впереди нас ждут серьезные ис-
пытания, – и собрался уходить.

– Я тебя провожу, – вскочила с места Шушен и вы-
шла вместе с Нисимом.

Уже за дверью, в темноте Нисим притянул девуш-
ку к себе, взял ее голову в свои ладони и обнял крепко-
крепко:

– Господи, как я тебя люблю, родная, я бы умер,
если бы с тобой что-нибудь случилось...

– Любимый мой, меня спасла там твоя любовь, –
ответила Шушен, обнимая Нисима.

– До нашей свадьбы осталось 10 дней, будь осто-
рожна, родная. Да, чуть не забыл, я был у Седефова
и сказал ему что ты была в Дербенте и в пять часов
вернулась. Если что, имей в виду...

В это время вошел дедушка Авшалум:

– Да сохранит вас Бог!

Глава 6

Зло, сделанное кем-то, зачастую переживает его самого... На следующий день, возвратившись из Баку, Седефов вызвал к себе инспектора по кадрам и спросил:

– У этого, нашего бывшего милиционера, Гайдарова, родственники есть?

– А что с ним, товарищ начальник, – спросил инспектор участливо.

– Вчера его убили в Баку.., – ответил Седефов и добавил, – так есть или нет?

– Есть жена, сестра и зять, он работает водителем заготовительной конторы, – ответил инспектор.

– Вызови его ко мне и чем быстрее, тем лучше, но о покойном ни слова.

– Есть, товарищ начальник, – и вышел из кабинета Седефова.

И за то время, пока секундная стрелка часов совершила пять оборотов, Ахмед – зять покойного Гайдарова стучался в дверь кабинета Седефова.

– Ты знаешь, зачем я тебя вызвал? – спросил его начальник.

– Знаю, – весело ответил Ахмед, – когда верблюда приглашают на свадьбу, он знает: «Или за дровами пошлют или за водой...».

– Когда ты видел в последний раз своего шурина? – оставив в стороне его шутку, снова спросил его начальник, не поддавшись на его веселую ноту.

– А что, не дай Аллах, с ним случилось? – всполошился зять, но заметив строгий взгляд Седефова, продолжил, – так, сегодня среда, я его рано утром в понедельник отвез в Баку, подвез к зданию НКВД и уехал.

– Его убили.., – констатировал Седефов, словно вколотил в стену гвоздь.

– Как убили? – оторопел Ахмед.

– Убили его в доме бывшего начальника НКВД нашего города Мамедова, там же убили самого хозяина и его водителя... Что скажешь по этому поводу? – вопрос прозвучал не так, как спрашивают мнение по несчастному случаю, а как спрашивают чуть ли не соучастника преступления.

– Что я могу сказать, – Ахмед развел руками, – я в тот день ехал с грузом в Хурдалан, он попросил подвезти его к зданию, где... работал этот Мамедов, говорил, что теперь он его точно восстановит на работу...

– Почему он так говорил? – спросил Седефов.

– Не знаю, но говорил очень убежденно, – заверил начальника Ахмед.

– Упоминал ли он еще кого-нибудь? – снова спросил Седефов.

Ахмед задумался.

– Нет, кажется, – сказал зять Гусейна и добавил, – я не припомню...

Оба задумались.

– Да, вот еще, – вдруг всполошился Ахмед, – он дважды говорил о старике, стороже бондарной артели в Слободе, который, якобы, его обманул...

– А имя его не называл? – спросил Седефов и стал что-то на листке записывать.

– Нет, не называл...

– А в чем обманул, тоже не говорил? – настаивал Седефов.

– Нет, не припомню...

– Думай, вспоминай и если что вспомнишь, немедленно мне доложи, – потребовал Седефов и тут же добавил. – Ты вот что, кроме тебя, его и твоей жены у Гайдарова родственников нет, надо поехать в морг Ени-Сураханы, привезти и похоронить его по-человечески...

– Да, уважаемый, так и сделаем, – ответил Ахмед и покинул кабинет Седефова.

Увидев, что приглашенный покинул кабинет, Седефов вызвал дежурного милиционера.

– Товарищ Саламов, возьмите нашу пролетку и езжайте в Слободу, там, в бондарной артели, работает старик-сторож, привезите его ко мне!

– Есть, товарищ начальник! – отчеканил милиционер и пошел исполнять приказ.

Когда дедушку Авшалума ввели в кабинет Седефова, тот строго взглянул на начальника и возмущенно спросил:

– На каком основании вы меня арестовали?

– Мы вас не арестовали, уважаемый Авшалум Михайлов, а пригласили на беседу, – ответил Седефов, кивком головы приказав Саламову удалиться.

– Беседа с шахом начинается с милостей, а кончается плахой, – заметил старик, смело взглянув на Седефова.

– Не забываетесь, Михайлов, – строго предупредил старика Седефов. – Скажите лучше, что вас связывало с милиционером Гусейном Гайдаровым?

Вопрос не застал старика врасплох, ибо еще два часа назад Нисим рассказал ему и Шушен о том, что в окрестности Баку, в Ени-Сураханы, в пожарище дома зам. начальника НКВД республики нашли три трупа: самого хозяина – Мамедова, его шофера и бывшего милиционера Гусейна Гайдарова. Что теперь и Шушен, и самому старику надо быть начеку, ведь следы этой нашумевшей истории непременно приведут в Кубу, а может быть и в Слободу. Судя по вопросу Седефова, подумал дедушка Авшалум, этот процесс начался?

– Это какой Гайдаров? – вопросом на вопрос спросил старик. – Не тот ли это маленький милиционер?

– Он самый...

– Какие у меня могут быть отношения с милиционером, – отвечал старик, словно спрашивал самого себя, – помню случай, когда он спросил меня на улице о том, мол, где живет инвалид Соломон сын Овроома Хаима, – схитрил старик, – я ему показал ворота, а он поперся к его соседу – к парторгу Илесеф Иношке, которого уже несколько месяцев не могут найти, исчез, как иголка в стоге сена. Да, начальник, у нас люди исчезают, как будто их и не было.

– Отвечай конкретно на вопрос! – рассердился Седефов.

– Вот я и говорю. Пришел он после этого ко мне, сердитый такой и говорит, что я, мол, тебе старик это-

го никогда не прощу. А я причем? Правда, я узнал, что его за что-то сняли с работы. В самом деле, начальник, причем здесь я?

– А во второй раз, за что ты его обманул?

– Обманул? – снова переспросил дедушка Авшалум. – Никогда в жизни никого не обманывал, обойдите Слободу, расспросите людей и никто никогда не уличит меня в обмане. Не обижайте меня старика, и не вешайте на меня это позорное слово.

– Ну, хорошо, где и когда вы встретились во второй раз? – спросил Седефов, поняв, что искать ответ на этот вопрос тоже самое, что попусту тратить время. «Может быть, эти две встречи и имел в виду Гайдаров перед смертью», – подумал Седефов.

– Я вообще, после этой встречи его не видел. Кстати, где он сейчас, он же может и сам подтвердить мои слова... – заметил дедушка Авшалум, ухмыльнувшись про себя.

– Ладно, идите и не болтайте лишнего – дурное слово обратно к хозяину вернется, – предупредил Седефов старика.

– Да, вы правы, начальник, – ответил старик, уходя, – сладким словом и змею из норы выманишь...

«Вот ты какой, – зло подумал о дедушке Авшалуме Седефов, – как раз мой укус для тебя и будет последним...».

Не думал старик, что своими последними словами вызвал в душе начальника отдела НКВД города такую ненависть, что подписал себе приговор, ведь эти

злопамятные и себялюбивые люди терпеть не могут оставлять последнее слово за другими.

Надо дать должное и дедушке Авшалуму, он тогда же понял, что, язык, иногда, ранит больше, чем меч, что ему следовало бы промолчать. Что уж тут делать, решил старик, случилось то, что случилось. Вечером, за семейным чаепитием, старик подробно рассказал о допросе, учиненном ему Седефовым, о казусе, который произошел в конце допроса. Из всего этого Нисим сделал вывод, что над ними нависла серьезная угроза и что им всем надо вести себя так, чтобы, как говорится, комар носа не подточил.

Поскольку молодые решили свадьбу провести совместную, а не так, как принято: невесты в первый день, а жениха во второй, и ее организацию взял на себя Нисим, Шушен по договоренности с дедушкой Авшалумом, вынесла из своей комнатки заранее приготовленные, свернутые в бумагу деньги и вручила их Нисиму.

– Что это? – спросил Нисим.

– Это доля невесты, – ответил за Шушен старик.

– Мы решили взять взаймы, а потом, после свадьбы вернуть, – сказал Нисим, – вы же знаете, дедушка, все так делают...

– А зачем? – отдавая деньги Нисиму, сказала Шушен. – У меня же они есть, ты же знаешь, в узелке были деньги... – вспомнив с благодарностью родителей, Шушен печально опустила голову...

– Бери, бери, сынок, так надо, – заверил его старик, – будем думать, что родители, пусть земля им бу-

дет пухом, хотя бы таким образом принимали участие на свадьбе своей дочери...

У Шушен прослезились глаза, она опустила голову.

– Ладно, пусть будет так, – согласился Нисим, взяв деньги, – но давайте втроем составим список всех кого надо пригласить, всего, что надо сделать...

– И надо посмотреть, что у нас есть дома, – предложила Шушен, – я помню, мама говорила, что она что-то для свадьбы готовила, сходим сегодня туда? – обратилась она к бабушке и Нисиму.

– Да, сходим, – согласился Нисим, – и надо определить место свадьбы.

– Хорошо, – сказал старик, – а сейчас давайте составим списки...

Сидели почти час, Нисим достал из кармана списки своих друзей и родственников, которые согласовал накануне со своими родителями. Подсчитав всех, бабушка Авшалум констатировал, что всего гостей на свадьбе будет около 300 человек. И когда подсчет этот был завершен, приступили к подсчету тарелок, стаканов, казанов для плова и прочих необходимых вещей, список которых превысил цифру 40. Когда и этот вопрос был решен, схватились вдруг за голову, что времени для подготовки свадьбы осталось совсем немного и Нисиму поручили подключить к этому своих братьев и родителей.

Когда все втроем вышли и пошли по направлению к дому Шушен, было уже одиннадцать.

– Шушен, доченька, ты знаешь в доме какое-нибудь потайное место? – спросил бабушка Авша-

лум девушку, – а то я здесь все осмотрел, но ничего такого не нашел.

– Знаю, дедушка, мама показывала мне, когда мы собирались тогда в Дербент, – ответила Шушен и, войдя вслед за стариком в дом, включила свет...

В квартире, где долгое время не открывали окна, пахло сыростью. Хотя дедушка Авшалум, после учиненного милиционерами обыска, и постарался навести кое-какой порядок, а потом после траура по погибшим, женщины тоже помыли и прибрали кругом, все же длительное отсутствие людей в доме чувствовалось.

Старик произнес – благодарственную молитву за избавление от опасности: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, царь вселенной, творящий добро даже грешным, – за то, что ты отнесся ко мне благосклонно». И от себя старик на родном языке добавил: «Пусть отныне в этом доме всегда будет радость. Пусть все невзгоды и опасности уйдут из него. Аминь!»

Зайдя вслед за благословением, в спальную комнату родителей, Шушен подошла к стенному шкафу и, открыв двухстворчатую дверцу, показала в правую сторону:

– Нисим, посмотри сюда, пожалуйста, здесь должна быть незаметная защелка маленькой дверцы...

Нисим присмотрелся и нашел защелку – дверца открылась, и за ней оказался, так называемый, сундук невесты – узорчатый сундук, работы дагестанских лудильных дел мастеров, где родители хранили

приданое подрастающим дочерям. В нем оказались: «дюгюр» – крепдешиновый платок невесты с бахромой, несколько ночных сорочек, пара красивых тапочек для дома, много разных полотенец, отрез черной шерстяной ткани для костюма жениху, и рядом, весь в изумрудных камнях золотой браслет, филигранной работы кубачинских златокузнецов. А на самом дне лежал небольшой сверток. Шушен принялась разворачивать его и увидела... Это было шелковое свадебное платье ее мамы. Как оно там оказалось? Шушен прослезилась:

– Оно будет немного большеватое, но ничего, я перешью его и буду самой красивой невестой...

Старика все это очень обрадовало, он даже чуть прослезился от нахлынувших чувств и, обращаясь к Нисиму, произнес:

– Нисим, сынок, ты должен успеть сшить себе костюм из этого отреза, возьми его с собой, видно, таково было их желание...

– Да, да, Нисим, – радостно сказала Шушен, взяв любимого за локоть, – ты в этом костюме будешь самым красивым..., – она засмушалась и красивые щечки ее порозовели.

Нисим послушно взял отрез материи и положил на стол, чтобы потом прихватить с собой. Затем поиски привели их к новым открытиям: в погребе, во дворе, оказалось огромное количество новых тарелок: закусочных и для плова, ложек, вилок и граненых стаканов для вина и водки. «Надо полагать, – подумал

старик, – Офдум и Мелке готовились к свадьбе дочери, да благословит Господь их праведные души!».

Уже было далеко за полночь, когда они вернулись к дедушке Авшалуму. Старик пожал Нисиму руку, пожелал ему доброй ночи и, как это делал каждую ночь, пошел к себе в артель на дежурство.

– Нисим, милый, – сказала Шушен, – я хочу тебя попросить...

– Да, родная, слушаю, – ответил Нисим, взяв ее за руки.

– Давай после свадьбы останемся в нашем доме, – попросила она Нисима.

– Я об этом говорил с родителями, – ответил Нисим, будто ждал этого, – мои родители не возражают..., только мама моя на недели две останется с нами, это ничего?

– Ой, как хорошо, – обрадовалась Шушен, – я как раз об этом хотела тебя попросить...

Нисим обнял счастливую Шушен и поцеловал ее.

– Ну, теперь я пойду, до свидания родная, закрой дверь на засов...

– Спокойной ночи, любимый, – ответила Шушен и, махнув ему рукой, вернулась в домик.

На следующий день, когда жителям Слободы стало известно о предстоящей свадьбе Шушен и Нисима, что вызвало у всех искреннюю радость, пришло трагическое известие, что в конце улицы Кюдюри, у подножия возвышенности Вурду, в образовавшейся от ливневых дождей яме, мальчишки Слободы нашли почти

разложившийся труп Илесефа Иношке с простреленной головой. «Нашли, наконец, – говорили привыкшие к подобным событиям слободчане, чтобы, по обычаям предков, придать труп покойного земле. И плакали люди на похоронах, ибо каждый плачет по своему покойнику, ибо горе это мертвого уже пощадило, а живому все еще больно...

Непостижимый мой народ! В течение многих столетий горе и радость у него почти всегда идут рядом, словно в обнимку, чтобы после радостной улыбки губы исказились в печали, чтобы слезы счастья сменились скупыми слезинками мужчин и воем истязающих себя в печали сестер и матерей. Да, непостижимый мой народ! Пройти через века чужбины, но всегда слышать песню Родины. Убежденный и непреклонный в вере, умеющий порой постоять за себя, и куда бы ни забросила судьба, быть всегда верным соседу, почти забыть свой, но научиться его языку, защищать его, когда придет опасность, но никогда, ни в какие времена не забывать о «земле отцов». Непостижимый мой народ! Оказавшись в темени веков, не потерять стремления к свету, дать миру великих хохомов (мудрецов) во всех областях человеческих познаний, но при этом держаться за Тору, словно так ему написано и предписано сверхъестественной волей.

Занятия в школе ликбеза продолжались, количество учениц в классе Шушен дошло уже до тридцати. За три дня до свадьбы группа молодых учениц обратилась к своей любимой учительнице:

– Шушен, милая, можно мы тоже придем к тебе на свадьбу, помогать будем?

– Конечно, приходите, – улыбнулась девушка, – и не только помогать..., я вас всех приглашаю...

Как выяснилось впоследствии, если с улицы территория перед домом Офдума-шолчи казалась узкой и ограниченной, то за домом, она оказалась вполне пригодной для того, чтобы не только разместить необходимое количество столов, но и выделить площадку для танцев. Словно захмелевшие от радости, расцвели во дворе абрикосы, отчего казалось, что ощущение счастья, царившее в доме, передалось и деревьям. Особую атмосферу веселья создавали и ученицы Шушен – молодые женщины, тоже недавно испытывавшие счастье замужества и радость материнства. С шутками да прибаутками они расставляли столы, накрывали белоснежными скатертями и украшали их всевозможными яствами и напитками.

Хорошие свадьбы устраивают горские евреи: богатые яствами и веселые по содержанию. Пьют и едят вдоволь, танцуют медленные, а порой и зажигательные «лезгинки», на манер горцев, с которыми живут бок о бок многие столетия.

К вечеру стали собираться гости, а потом к дому невесты двинулась свадебная процессия с музыкантами, играющими национальные песни, с детьми, несущими свадебные факелы (боргулу), от сглаза, с танцующими родственниками жениха: мужчинами, с шампурами шашлыка и четвертями сухого вина

в каждой руке, женщинами, с разукрашенными подносами на головах, на которых несут невесте подарки, и все они – танцующие, издающие крики радости – улюлюкивания двигались к дому невесты. А в самом центре этой процессии, в красивом темном костюме и в белой рубашке, идет жених со своими друзьями, чтобы объединившись, с ожидающими их невестой и ее подругами, пройти к свадебному столу для жениха и невесты. Замыкающим этой толпы родственников был, дедушка Авшалум, впервые за многие годы, нарядно одетый и вполголоса произносил: «Будьте счастливы, дети мои! Да, благословит вас Бог!». Сегодня он мог смело сказать, что эта радость и его, ибо в судьбе этих двух молодых людей, Нисима и Шушен, он сыграл поистине отеческую роль.

Танцуют гости, танцуют жених и невеста, раздаются тосты, льется вино... Ибо нет свадьбы без музыки. Свадьба – великая радость жизни, когда закладывается основы продолжения ее самой, когда жизнь играет свой радостный марш. Ибо стекутся ручьи – река потечет...

И все это происходило в Еврейской Слободе.

* * *

На заседании бюро Кубинского райкома партии шел большой разговор, в орбиту которого был вовлечен не только большой мусульманский мир республики, но и маленькая Еврейская Слобода у берегов Кудиялчая. Партийная организация Азербайджана по ма-

новению волшебной палочки «усатого фокусника» из Москвы начала новый виток борьбы с «опиумом народа». Письмо ЦК требовало прибрать к ногтю не только носителей всех религий, но отобрать у них все здания, даже Храмы, лучше сказать, рубить под корень религию как таковую.

Нельзя сказать, что в мусульманской республике носители ислама страдали меньше, что их жалели, ибо были среди них немало родственников даже высоких руководителей, от которых те отреклись. Нет, этого сказать было нельзя, хотя острие удара по ним было несколько щадящим. А вот иудаизм и раввины – его носители – стали под прицельным огнем партийных и органов НКВД. Начиная с 1934 года, в Еврейской Слободе было уже закрыто 8 синагог из 12: на мэхэ-лей «куьдурь» синагога гилянцев превращена в склад сельпо; другая стала швейно-ковровым цехом; третья – ликвидирована под бондарную артель; четвертая и пятая – под школы ликбеза, а синагога раввина Хиз-гиё – под аптеку.

Раньше, задолго до революции 1917 года, называя религию одним из видов духовного «гнета», «опиумом для народа» и родом «духовной» сивухи, «картавый дедушка», всячески предупреждал своих товарищей по партии, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно, что много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу – оскорбление религиозного чувства», что эту борьбу надо осуществлять путем пропаганды, путем просвещения, что

«источник религиозных предрассудков – это нищета народа, и, что именно против этой нищеты «должны мы бороться». После захвата власти в политике ленинской гвардии произошли радикальные перемены: все религиозные объединения лишились прав на все свои образовательные учреждения и на их имущество, все предприятия религиозных организаций национализированы. Все церкви, мечети и синагоги не получили права юридического лица. Дальше – больше, все они лишились права владеть собственностью, и все их имущество объявлялось «народным достоянием». Через 12 лет после революции Президиум ВЦИК вынес решение, по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление култов» в стенах молитвенных домов».

А в декабре 1936 года, накануне описываемых событий, была принята «Сталинская Конституция», по которой не допускалась религиозная пропаганда, фактически утверждалась неравноправие верующих и неверующих. В отношении же членов партии, гвардия «усатого фокусника» возвращалась к указаниям «первого вождя», который писал: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах», или «Под Питером взять ряд монастырей...», или «Немедленно пошлите от имени Цека шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные «данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их».

После заседания бюро в кабинете Назаралиева остались лишь двое: он и Седефов. Оба понимали, что то, о чем они не могли говорить прилюдно, даже при членах и кандидатах в члены бюро, они должны договорить друг с другом, ибо речь шла о Еврейской Слободе: о ликвидации оставшихся четырех синагог и необходимости учинения расправы над раввинами. Они понимали, что это можно было сделать лишь под каким-нибудь обоснованным предлогом. И оба были удовлетворены, когда начальник отдела НКВД Седефов нашел этот предлог. Злодейский предлог...

* * *

Все говорят: пусть ослепнет злодей, а всегда ли знают, кому ослепнуть? Не простил Седефов дедушке Авшалуму даже косвенного оскорбления и в задуманной им жестокой операции отвел старику роковую роль. В середине июля 1937 года, в полночь с пятницы на субботу (шев шобот), в бондарной артели Еврейской Слободы случился пожар, в огне которого сгорела не только сама артель, но и сторож – дедушка Авшалум, которого нашли погибшим то ли от удушья, то ли от ожогов. Приехавшие пожарники совместно с милиционерами пришли к единодушному мнению, что причиной возгорания является поджог...

Началось следствие. В течение двух недель вызывали соседей-свидетелей, того кто прибежал в сельсовет и оттуда звонил пожарникам, тех кто первыми начали тушить огонь своими силами, но подлинного виновника

пожара в бондарной артели – бывшем здании синагоги – не нашли. Большинство сходилось к мысли, что причиной всему – короткое замыкание. Однако следователи пришли к другому мнению, что подожгли артель бывшие раввины, которые были в свое время возмущены действиями властей, отобравшими у них не только это помещение, но и другие, что они якобы еще тогда заявляли, что непременно подожгут эти здания. Нашелся даже, так называемый, свидетель, которого никто не видел. Несмотря на свидетельства людей – жителей Слободы, что никакой вины раввинов в этом несчастном случае нет, отдел НКВД состряпал дело, получившее впоследствии название «Дело против Бога».

Были конфискованы здания остальных четырех синагог и они были закрыты. Начались аресты раввинов. Таким образом, за все эти годы было арестовано 11 из них, шестеро из которых решением тройки были расстреляны, а пятеро – сосланы в Сибирь, откуда они не вернулись. Последним, двенадцатым, в августе 1937 был арестован Раби Хаим, отец троих детей, который до этого, за религиозную пропаганду, был выслан из Кубы на 5 лет.

Он был яркой и одаренной личностью с широкой эрудицией и всесторонним образованием, знал русскую и еврейскую литературу того времени, имел тесную связь со многими известными раввинами России и Иерусалима, хорошо владел ивритом, русским и азербайджанским языками. Именно поэтому его и выбрали органы НКВД, чтобы приписать раввинам

организацию поджога. Перед следователем оказался мужчина лет пятидесяти, с сужающимся к подбородку лицом, в «чуха» – длинном легком черном кафтане почти до самых пят, в черной папахе, черными усами и небольшой бородкой с широкой проседью в конце. Следователя поразили широкий лоб мыслителя и выразительный взгляд человека незаурядного.

Умудренный жизненным опытом следователь, чекист из Москвы, заранее знал, независимо от умения подследственного защищаться, что его участь уже предрешена. Знал и раввин, что никакие его доводы не будут приняты, и, что приговор ему как и его коллегам до этого, определен еще при аресте. Однако ответы его настолько заинтересовали хитрого следователя своей глубиной и основательностью, что он продолжал и продолжал задавать ему вопросы, прикидываясь таким простоватым дурачком, делая вид, при этом, самого доброжелательного человека.

– Скажите, раввин, почему вы организовали этот поджог? – вежливо спросил его следователь, словно был уверен, что это так и есть.

– Если вы задаете мне этот вопрос, то прошу вас, ответьте прежде: «Может ли любящий сын убить родную мать?».

– Ха, – улыбнулся следователь, – таких случаев история знает немало..., но почему вы об этом спросили?

– Если такие случаи имели место, то это делал не сын, а безумный в его образе, – убежденно ответил

раввин, – а спросил потому, что для настоящего сына мать – высшая святость и он не может это совершить. Тоже самое для раввина и любого верующего – Бог и Тора. Поэтому поджечь синагогу или организовать это злодеяние в доме Бога, где хранятся святые книги, раввин не может. И те, кто придумали это кощунство, просчитались, это обвинение в наш адрес выглядит, по меньшей мере, смехотворно. И тому, кто совершил это злодеяние, вместе с организатором этого преступления, Бог, да будет Его имя произнесено во благо, непременно воздаст ...

– Ну, тогда назовите имя того кто это сделал, снимите с себя обвинение, – схитрил следователь.

– Вы призываете меня совершить величайший грех, нарушить божественный Завет – оговорить ни в чем неповинного человека? Нет, молодой человек, я этого не сделаю, – ответил раввин и добавил, – вам наверняка известно, что я поддерживаю связь не только с представителями иудейской религии. В числе людей, которых я уважаю, есть люди и других конфессий: служители церквей и мечетей. В последние годы многие из них совершенно нипочем зря оказались в лагерях и тюрьмах...

– Как так? – сделал следователь удивленное лицо.

– Да, ладно, – ответил раввин, – не делайте удивленный вид, вам это не подходит, вы лучше пишите то, о чем я вам говорю... Так вот, в этих лагерях немало оказалось людей слабых духом, предавших своих товарищей, иногда даже близких себе людей. Наго-

воры, предательства стали там позорными фактами. Но среди тех, кто вольно или невольно становился на этот путь греха, нет, и не может быть настоящего служителя Бога, а Бог у нас всех один!

– В протоколах семилетней давности, когда вас выслали из Кубы за религиозную пропаганду, ничего об этом нет, да и дома у вас кроме религиозных книг ничего не нашли? – спросил следователь. – Где же ваша переписка?

– А ее нет, не было и пропаганды, – ответил раввин, – не утруждайте себя... искать, молодой человек, моя «контрабанда», как любят у вас выражаться, в моей голове и поверьте, ничего в ней против власти и государства нет...

– Нам известно, что это только слова и декларирование, – прервал его следователь, – на самом деле, ответьте, за что вы ненавидите советскую власть?

– Откуда вы это взяли? У вас что, есть доказательства? – и когда раввин увидел, что следователь молчит, продолжил. – В борьбе за советскую власть лучшие представители моего маленького народа сложили головы, многие из них вернулись с полей сражений за эту власть инвалидами, без рук, без ног, искалеченные. Почему? Да, потому что эта власть обещала моему народу, постоянно униженному, задавленному, гонимому, убиваемому из-за угла, испытывавшему погромы и грабежи, равноправие, защиту от злодеев, работу и процветание в будущем. И мой народ принял эту власть всем сердцем, всей душой

и встал на его защиту. А вы говорите: ненавижу! Нет, молодой человек, люди Красной Слободы не могут ненавидеть советскую власть, ибо в ней видят свою надежду.

– Правильно, советская власть хочет сделать жизнь людей в стране лучшей и процветающей, – согласился следователь.

– Но советская власть, – подхватил раввин и продолжил, – это не один человек, а много людей, а людям, как известно, свойственно ошибаться. Я, например, как человек, могу с чем-нибудь не согласиться. Скажем, я не согласен с тем, что два старика Овроом Изра и Овроом Хаим в Слободе были кулаками, якобы были врагами советской власти. У нас стало модно в стране всякое инакомыслие считать враждебным, то есть всякое инакомыслие запрещено. Но ведь я говорю об этой ошибке не потому, что я против советской власти, а, наоборот, чтобы помочь ей исправить допущенную ошибку.

– А вы сами не можете ошибаться или вы считаете себя непогрешимым? – спросил следователь, удивляясь убежденности раввина.

– Почему же? И я могу ошибаться, как всякий живой человек, но не в этом конкретном случае, ибо эти два старика у нас в Слободе у всех на виду. Мы верим, что произошла ошибка, роковая ошибка., – заключил раввин, опустив голову.

– В последнее время чувствуется рост влияния всех религиозных направлений. Что такое сделали вы

и ваши друзья из церквей и мечетей, что вера в Бога приобретает все больше и больше сторонников?

– Это нелегкий вопрос, если даже вы, следовательно, на это обратили внимание.., – задумался раввин, – вы на самом деле хотите на этот вопрос получить правдивый ответ?

– Конечно, раз спрашиваю, – удовлетворительно ответил следователь, – только с условием, что скажите мне все честно и правдиво, это вам зачтется...

– Имейте в виду, что иногда, правда бывает горькой, – заметил раввин.

– Ничего, я готов ее выслушать...

– Что ж, хорошо, – ответил раввин и продолжил, – дело в том, молодой человек, что каждому человеку в жизни нужна вера... Да, да, не удивляйтесь, человек должен обязательно во что-то верить... В первые годы советской власти люди верили ей, ибо власть пообещала крестьянам землю – дала ее; пообещала свободу и равенство – люди получили и это; пообещала работу и хорошую жизнь – по сравнению с тем, что было раньше – люди устремились и к этому. Но шли годы, все менялось в обратную сторону...

– Как? – возмутился следователь и добавил. – Теперь я понимаю почему вас называют врагом Советской власти...

– Вот видите, – спокойно заметил раввин, – а ведь я предупреждал... Беда ваша, молодой человек, да и власти тоже, что вы не терпите инакомыслия...

– Да, да, – успокоился следователь и вежливо добавил – продолжайте, пожалуйста...

– Так вот: шли годы и у крестьян, прикипевшим всем сердцем к кусочку земли, которую им дали, власть стала эту землю отбирать, причем, повсеместно, и отдавать колхозам, а тех, кто не захотел идти в колхоз..., – раввин посмотрел на следователя своим умным, пронизательным взглядом и безнадежно добавил, – вы лучше меня знаете, что с ними сделали и делают по сей день. Таким же образом, было нарушено и второе обещание – отобрана свобода, стали сажать в тюрьмы и лагеря всех инакомыслящих, всех тех, кто не были врагами советской власти, а указывали на ее ошибки, чтобы их исправить. Потом на людей свалились голод, эпидемии и разруха. И они потеряли веру к этой власти, а когда не остается надежды, спасает вера..., вот и вернулись люди к вере, которая им никогда не изменяла... Кстати, хорошей жизни они так и не дождались...

В этот момент где-то в соседнем кабинете раздался душераздирающий крик, напоминавший всем о том, где они находятся. Раввин невольно прервал свои «признания» и еще раз убедившись в правильности выбранной тактики, продолжил:

– Поняв обман власти, народ от нее отвернулся. И снова, в который раз, за время своего господства, вместо того, чтобы вдуматься в сложившуюся ситуацию, разобраться в своих ошибках, выслушать лучших представителей своего народа, использовать их

дельные предложения, власть обозлилась, как капризное дитя, и всю свою злость вылила на народ: стали загонять людей в тюрьмы, лагеря, а то и просто расстреливать. Ибо «допустив ошибку», исправляй ее.

Раввин, обратив внимание, что следователь добросовестно записывает его ответы, был весьма доволен, поскольку понимал, что только это и останется людям после его исчезновения из стен НКВД, как это произошло с его коллегами и друзьями.

– Что ж вы остановились? – неожиданно прервал следователь ход его раздумий. – Все очень интересно... Насколько я вас понял, советская власть только и знает, что делает ошибки и расстреливает инакомыслящих, так?

– Вы знаете, мне сейчас на ум пришла где-то услышанная фраза, – взволновался раби Хаим, продолжая думать о тщетных попытках следвателя заставить его задуматься над тем, что говорит, – это мысль о том, что земля, созданная Богом, в свою очередь породила человека и стала его могилой, т.е. то, что породила, то и схоронила. Поистине велика божественная мудрость! Что касается ваших выводов, вы совершенно правы. Что вас еще интересует?

– Скажите, раввин, в чем смысл вашей веры? – неожиданно спросил следователь.

– Что вы, молодой человек? – удивился раби Хаим, – задавая этот вопрос, вы подсказываете мне, что вы также как и я, не знаете за что меня арестовали? Кстати, таких как я, у вас немало... Но я вернусь,

к вашему вопросу. Так вот: даруя человеку веру, Бог дает ему и смысл жизни. На первый взгляд кажется, что вера – это признание существования Бога. У нас, евреев, вера определяется не исповеданием, а поведением, ибо вера наша основана на 10 заповедях. А точнее всего иудаистский символ веры отражает библейский стих «Шма Исраэль, Адонай Элокейну, Адонай эхад» – «Слушай, Израиль, Господь-Бог наш, Господь один». Две тысячи лет обреченные на смерть евреи, примерно как и я, идут на эшафот со словами «Шма», а остальные читают эту молитву четырежды в день...

При этих словах следователь заерзал на месте. Даже ему, повидавшему немало смертей и выносившему сотни смертных приговоров, стало малость не по себе.

– Не волнуйтесь, следователь, ибо каждому воздастся по его заслугам, – поняв состояние следователя, сказал раби Хаим. – По еврейской традиции, Божественное воздаяние – это не кара, а воспитание и исправление, в этом суть Божественной справедливости...

«Пой, пой, – подумал про себя следователь, но вынужден был признать проницательность раввина».

– Так вот: памятуя, что вы – человек любознательный, я вам расскажу одну давнюю, почти двухтысячелетнюю, историю о замученном римлянами раби Акиве. Перед самой казнью, после очередных пыток, наступил час утренней молитвы «Шма». Он

произнес ее и улыбнулся. Рассказывают, что римский солдат, который только что мучил его, удивленный сказал: «Старик, ты что, колдун, ты только что скрежетал зубами от страданий, а сейчас улыбаешься, тебе что, не больно?». «Нет, – ответил раби Акива, – я всю жизнь, произнося слова «ты будешь любить Господа своего Бога всем сердцем своим, всею душой своей, всеми силами своими», печалился, думая, когда же я смогу выполнить эту заповедь, ибо любить Его всей душой моей не приходилось. Теперь я отдаю свою жизнь в час молитвы «Шма», и моя решимость тверда, и как тут не улыбаться?». Пока он говорил, его душа отлетела».

«Мне рассказывает, а сам готовится к смерти, – подумал следователь, – нет, любезный, я твои мученические ожидания еще продолжу», а вслух спросил:

– Так, какую все-таки цель вы перед собой ставите?

– Конечно, не свержение советской власти, – тут же подхватил вопрос раби Хаим. – Все кто мало-мальски знает историю еврейского народа, ему ведомо, что со времен образования диаспор в разных частях земли, после двух пленений, евреи везде и всегда были под гнетом, убийства и погромы без всяких причин стали обычным явлением, даже в период относительного затишья евреи не чувствовали себя защищенными, ибо власти считали это закономерным явлением, закрывали на все это глаза. А здесь, советская власть объявила, что все люди, независимо от языка, вероисповеданий, цвета кожи, равны и никто не имеет право

преследовать их за это. И стала на деле осуществлять это в жизнь. Повторю, евреи, поняли, что эта власть наша и встали на ее защиту, когда ее хотели задушить. Даже сегодня, когда эта власть убивает многих ни в чем неповинных людей, я не призыву мой народ против власти, если только эта власть за свои злодеяния не погубит себя сама, ибо зло имеет свойство возвращаться к самому злодею. А жаль, если замечательные идеи и лозунги этой власти, из-за разных недоумков и возомнивших себя титанами, тиранов, не утопят их в крови совершенных ими деяний. Нет, не там ищите, молодой человек.

– И это все? – сделал вид удивленного человека следователь.

– Нет, я как раз хотел продолжить. Я из рода левитов, из семьи потомственных раввинов, нас называют коэнами. В нашу обязанность входит – служение в Храме, духовное наставление народа и благословение, что мы и делаем из поколения в поколение. Мы прошли через все испытания, которые есть в человеческом обществе, мы почти постоянно живем в нищете, но дух наш тверд и непоколебим. Многие из нас на этом долгом пути мытарств и терзаний падают замертво, но стяг из рук поднимают сыновья и внуки. И да поможет Бог, чтобы он никогда не упал! Мы делаем все, чтобы наш народ не потерял Тору и Бога, Господа нашего! Почти бесплатно обучаем детей азам иудаизма, поддерживаем веру народа в критические периоды его истории. Мы – надежда народа и никог-

да не призываем к насилию, ибо на скрижалях нашей веры начертаны 10 заповедей Бога своему народу.

Раби Хаим прервал свой ответ и, посмотрев на писавшего следователя, спросил:

– Надеюсь, я ответил на ваши вопросы?

– О, да и довольно красноречиво, – сказал следователь и добавил, – давайте мы на сегодня сделаем перерыв, завтра с утра на свежую голову и продолжим...

Он вызвал конвоира и приказал отвести арестованного в камеру.

«Да..а, хитер, – думал между тем следователь о раввине, – из его слов следует, что враг советской власти не он – глава иудейского духовенства, а мы сами, что они не только не замышляют заговор протии власти, а, наоборот, ее защищают. Ну-ну, малость подумай еще. Нет, бить я тебя не буду, жалко портить такой портрет, я тебя сразу шлепну и решу все твои жизненные проблемы. Ха..ха..».

* * *

Пожар, который накануне унес жизнь дедушки Авшалума, произошел при совершенно загадочных обстоятельствах.

Нисим проснулся от истошного крика соседа по дому о пожаре и звал на помощь. Наскоро, накинув на себя верхнюю одежду, и, успокоив Шушен, которая тоже вскочила от крика, Нисим выбежал на улицу и обнаружил, что горит не сам сосед, а помещение бондарной артели, откуда огонь мог переместиться

к соседу в любой момент. «Господи, – вдруг вспомнил Нисим, – там же дедушка Авшалум», – и бросился к открытым настежь воротам бондарной артели. В сторожке старика не оказалось. Нисим побежал к дверям самой артели и, рванув на себя массивную дверь, замер – прямо у порога на боку, поджав под себя правую руку, лежал дедушка Авшалум, с разбитой головой, откуда еще полчаса назад сочилась кровь. Нисим потрогал шейную артерию и, убедившись, что старик мертв, взял его на руки и вышел из дверей, ибо огонь уже подбирался к ним.

Между тем к месту пожара подъехали не только пожарники, но и пролетка с работниками отдела НКВД. Милицейский фельдшер подошел к Нисиму и, указав на старика, спросил:

– Кто это?

– Сторож артели, – ответил Нисим.

– Задохнулся, наверное, гарь и дым кругом, – сказал он, словно произнес заученную фразу.

«Скорее от того, что удушили», – подумал Нисим, но фельдшеру ничего не сказал. Вместо этого он отнес старика к себе во двор, положил на стол и, сев на скамейку, задумался.

– Как он? – спросил подбежавший на зов соседа председатель сельсовета Севи Шомоилов.

– Мертв, – ответил Нисим и глаза его наполнились слезами.

– А что он в руке держит? – сказал Севи, показывая на сжатый кулак старика.

Нисим, словно очнувшись, схватил руку старика и, с трудом разжав кулак, увидел в нем пуговицу, которая напомнила Нисиму пуговицу с милицейской рубашки.

– Я давно этого боялся, – невольно вырвалось у Нисима и он, посмотрев по сторонам, успокоился, что кроме Севи, никого рядом нет.

– Что ты имеешь в виду? – спросил председатель сельсовета, понимая, что Нисим сказал эти слова не просто так.

Утренний рассвет напомнил им, что наступил новый день. У горевшего помещения артели все еще копошились люди, однако, по тому, как самодовольно ходили пожарники, можно было понять, что опасность распространения огня миновала. Из дома вышла Шушен и, увидев на столе мертвого старика, ахнула и кинулась со слезами к телу. Однако Нисим, обняв ее, не дал ей возможности приблизиться к дедушке Авшалуму, который за месяцы пребывания у него стал для Шушен самым дорогим человеком.

– Нисим, как это случилось? – плача спросила Шушен, прижавшись к мужу.

– Наберись терпения, родная, и заходи в дом, я тебе потом обо всем расскажу, – говорил Нисим, провожая жену в дом, – нам предстоят сегодня большие хлопоты.

Потом Нисим подошел к трупу старика Севи и, показав на синяки на шее старика, сказал:

– Видите, дядя Севи, эти синяки? Они говорят о том, что старика душили...

– Да, вижу.., сначала ударили чем-то тяжелым по голове, а потом, видно он сопротивлялся, его и придушили...

– Я обратил внимание на следы во дворе, – заметил Нисим, – надо полагать, что убили его в сторожке, а потом уже притащили в помещение артели и решили поджечь вместе со стариком, все было спланировано...

– Ты думаешь это дело рук «конторы»? – спросил председатель сельсовета.

– Боюсь, за этим последуют недобрые события, – задумчиво ответил Нисим, – надо наши наблюдения оставить при себе, старика похоронить, и начать свое расследование, пуговица эта... – Нисим зажал в руке находку, – поможет нам раскрыть это преступление. Поможешь?

Севи единственной рукой обнял своего молодого друга и тихо на ухо сказал:

– Будь уверен, друг мой, мы за дедушку Авшалума накажем убийцу! А сейчас я сбегаю и возьму разрешение на похороны, – и Севи удалился.

Незаметно рядом с Нисимом собирались слободчане.

– Нисим, дорогой, – обратился к нему председатель колхоза, Пинхас Авшалумов, – мы тут посоветовались, давай старика отнесем в его домик, оттуда и понесем его хоронить?

– Я с вами согласен, дядя Пинхас, – утвердительно ответил Нисим, – но тут одно такое дело...

– Какое?

– У дедушки Авшалума есть сын, он мне как-то говорил об этом, надо бы ему сообщить, – ответил Нисим.

– Конечно, надо, – согласился глава колхоза, – а куда, адрес у тебя есть?

– Поищем у него дома.., сейчас я позову Шушен и вместе пойдем, а вы пока несите старика, мы вас догоним, – сказал Нисим скороговоркой и пошел за женой.

Положив старика на колхозную пролетку, группа слободчан направилась к его дому. Следом пришли и Нисим с Шушен. Однако, кроме небольшой суммы денег и паспорта дедушки Авшалума, в доме ничего не нашли. Неожиданно Шушен вспомнила, что у старика в сарае есть тайник, где он несколько месяцев прятал ее узелок. Она полезла в этот заброшенный сарай, нашла тайник и в нем обнаружила фотографии старика с сыном, с внуком, с его семьей. Квитанции денежных переводов, которые делал дедушка Авшалум почти ежемесячно своему любимому внуку. Выяснилось, что сын живет в Дербенте. Шушен тут же, через председателя колхоза, позвонила другу отца в Дербент и попросила его сообщить сыну дедушки Авшалума о том, что через 6 часов, т.е. в 3 часа дня будут хоронить его отца. Когда все эти вопросы были решены, примчался Севи, председатель сельсовета и сообщил, что разрешение на похороны старика получено.

Похороны дедушки Авшалума решили совершить по Галахе, тем более, что покойный был глубоко веру-

ющим человеком. К тому же, к назначенному времени приехал провести отца в последний путь и его сын со своей семьей.

Жители Слободы считают своим долгом принять участие в траурной процессии, тем более, если человек, как дедушка Авшалум, был всеми уважаем. Поэтому на похоронах приняло участие почти все взрослое население Слободы.

Сын, внук и сноха дедушки Авшалума, одетые в черную траурную одежду, приняли на 7 дней траур (овил).

Все семь дней, до своего ареста, раби Хаим, единственный из двенадцати раввинов Слободы оставленный пока на свободе, выполнил все предписания Галахи. Все семь дней, три раза в день читал молитвы шахарит, минха и аревит, а в заключение призывал всех присутствующих произносить молитву «кадиш» И снова по Галахе – основному пути сохранения еврейского образа жизни, раби Хаим на седьмой день после смерти дедушки Авшалума, прочитал «кадиш» и снял траур (овил) с близких. Все семь дней Шушен и Нисим оставались в доме любимого ими дедушки Авшалума, как его родные дети, выполнили свой сыновний и дочерний долг. Поскольку они видели, что его родной сын не имел средств на проведение всех необходимых мероприятий по похоронам, они единодушно взяли на себя расходы не только семи дней, но и установки старику памятника.

На восьмой день сын старика с семьей должны были уехать в Дербент, так как ему – машинисту поездов уже дважды передали о необходимости выхода на работу. Поблагодарив своих названных брата и сестру за все сделанное, он дал слово, что будет поддерживать с ними в дальнейшем самые близкие отношения, они уехали в Дербент, пообещав обязательно приехать на сорок дней (чуэле) и установление памятника.

* * *

Когда, на следующий день, раби Хаима ввели в кабинет следователя, было видно, что подследственный выглядел бодрым и настроенным на продолжительный разговор. «Ишь ты, – подумал следователь, – ему кажется, что я с ним веду мирную беседу.., невдомек ему, что в его жизни эта последняя «беседа».

«Знаю, сукин сын, что мне осталось немного, но подавленности и уныния моего не увидишь.., – решил про себя и раби Хаим, заметив ухмылку на лице следователя.

– Прежде всего, хочу чтобы вы знали, раввин, – начал следователь атаку, – что ваши коллеги признали, правда не все сразу, что поджог в бондарной артели, в отместку власти, они организовали сами, уговорив присоединиться к этому преступлению и погибшего при этом сторожа артели. Что скажете на это?

– Что скажу я на это? – ответил раби Хаим вопросом на вопрос. – Это тоже самое, что наша река Кудиял-чай стекает не с гор, а в обратную сторону.

Что касается несчастного сторожа, испытавшего в жизни и это злодейское убийство, Бог, поверьте следователь, воздаст каждому по заслугам, Он все видит...

– Значит вы, как религиозный лидер, себя виноватым не считаете? – спросил следователь.

– Конечно, нет. Это очевидно. Скажу больше, – оживился раби Хаим, – я даже знаю виноватого...

– Как? – удивился следователь. – Так чего же вы молчите, говорите кто он?

– Виноваты органы НКВД, которые сами убивают ни в чем неповинных людей, а потом ищут козла отпущения... – спокойно сказал раби Хаим как человек, для которого в этом вопросе не было никаких проблем.

Следователь сперва опешил, потом вскочил со своего места и, подойдя к сидящему раввину, со всего размаху ударил его по лицу, отчего раввин упал со стула головой вниз.

Вызванный конвоир усадил раввина на стул.

– Перестаньте оскорблять советскую власть, раввин, иначе я за себя не ручаюсь! – пригрозил раби Хаиму следователь.

– Больше того, что вы или кто-то другой убьете меня, вы сделать ничего не сможете, – вытирая, ладонью, кровь с носа, сказал раби Хаим, – а к этому я готов...

– Значит, вы все же понимаете, что ваш поджог повлечет за собой и вашу смерть? – торжествовал следователь.

– Нет, – спокойно ответил раби Хаим, – я знаю, куда я попал. – Вы, как и сегодняшняя власть, действуете с позиции силы, потому что вернуть людям веру в эту власть вы уже не можете, потому что объяснить им словом вы уже не можете, люди словам вашим не верят, обман кругом. Вот вы и беснуетесь, обвиняете всех и вся, потому что в ваших руках сила, но вы Бессильны!.. Точь в точь как 100 лет назад писал кстати, один русский поэт, его имя вылетело из головы, «что виноват я в том, что так тебе хочется» и ничего больше.

– Неужели вы, кажется, образованный человек, не понимаете, что Бога нет? Вы обвиняете нас в обмане, а сами дурите народ выдуманым Богом? – вскипел следователь, убежденный в своей правоте.

– У вас Бога нет, я в этом убедился, – ответил раби Хаим, – у вас и ничего святого тоже нет..., придет время, когда все вы об этом пожалеете...

– У вас, кажется, три сына? – спросил следователь, раздумывая о чем-то – Кого вы хотите из них вырастить?

– Если вас это интересует, то прежде всего, глубоко верующих в Бога, Тору и 10 заповедей, записанных в ней, – убежденно ответил раби Хаим, – кто-то из них обязательно продолжит трудную дорогу отца...

– Хорошо и это я понял, – продолжил следователь, – скажите, в чем, на ваш взгляд мы, т.е. советская власть, допускаем ошибки и какие принципы власти вас не удовлетворяют?

— Хотя от вас ничего не зависит, и вы ничего изменить не можете, ибо бездумно выполняете все предписания сверху, — ответил раби Хаим, — я все же удовлетворяю вашу любознательность... Власть, построенная на диктатуре, т. е. на зле, долговечной быть не может. Зло, молодой человек, имеет свойство возвращаться и оно не щадит того, кто его породил. Я вас обрадую, если скажу, что идеи советской власти мне и миллионам людей, по сердцу. Они прекрасны. Поэтому в первые годы народ шел за ними. А потом вы сами их и нарушили... Народ это увидел и перестал вам верить... У вас нет будущего...

— Ну и я вас обрадую, — поднялся следовательно и жестко добавил, — сегодня вас расстреляют...

Глава 7

Когда раби Хаима вели на расстрел, наступило время вечерней молитвы. «Шма Исраэль, Адонай Элокейну, Адонай эхад» — «Слушай, Израиль, Господь — Бог наш, Господь один», — произнес раввин молитву и улыбнулся, как вот уже более 2 тысяч лет делают это еврейские мученики перед смертью. Видавший виды конвоир, взглянув на счастливое лицо смертника, был удивлен и подумал, что раввин свихнулся. Но ему было неизвестно, что именно в эти минуты, перед тем как получить пулю в затылок, вера раввина возросла во много раз в то, что «он любил Бога всем сердцем своим и всеми силами своими». И идти

на смерть с этой верой и с молитвой «Шма» на устах ему было чрезвычайно легко.

Так, в очередной раз Молох репрессий принес еще одного гражданина в жертву своему божеству – красноречивому каннибалу. И этот процесс будет продолжаться не одно десятилетие, пока хлебные поля не лишатся настоящих землепашцев, сады и виноградники останутся без подлинных садоводов и виноградарей, наука – без научных гигантов, когда мыслящих будут продолжать отдавать на растерзание людей, лишенных дара мышления. Страна будет лишаться всех, кто хотя бы в чем-нибудь не согласен с мнением «усатых» и не усатых вождей. И свое несогласие они будут выражать совсем не потому, что они – враги советской власти, ярлык, который им приклеят впоследствии, а потому, что они хотели помочь ей не допустить очередной ошибки, лучше сказать – очередной глупости. Ибо глупцы замечают в других лишь непохожесть на себя, не обращая внимание на их достоинство. Они подобны мухам, которые норвят сесть на те места тела, которые и без того кровоточат.

Уметь слушать другого – величайшая мудрость, лишенный этого дара обречен на провал.

* * *

Похоронив дедушку Авшалума, Нисим вместе с Севи Шомоиловым – председателем Сельсовета, не похоронил желания непременно найти убийцу дедушки

и того, кто задумал это безжалостное преступление, чтобы на его основе ложно обвинить раввинов сохранившихся синагог в том, чего они не совершали, и арестовать ни в чем неповинных людей. И таким образом лишить жителей Слободы возможности посещать места совершения своих молитв.

Следует заметить, что для горских евреев вообще, а Слободы в частности, Бог и Тора – настолько Святые понятия, что они не мыслят себя без Бога и Торы, ибо пронесли их в своем сердце и мыслях через десятки веков жестоких испытаний, в пути и местах поселений, радуясь спасению и оплакивая потери, частично теряя при этом свой родной древнееврейский язык, но приобретая разговорные языки тех народов и народностей, куда, по их глубокому убеждению и вере, Бог и Тора, спасая, забрасывали их для дальнейшей жизни. «Худо гьеммише э жугьуревози» – «Бог всегда с евреем!» – в это они верили и верят по сей день, сохраняя при любых обстоятельствах священный язык Торы. «Нигде не осталось следа от загадочных врагов евреев, от всех этих филистимлян, амалекитян, моавитян и других полумифических народов, а он, гибкий и бессмертный, ... живет, точно выполняет чье-то сверхъестественное предопределение».

Сказано это в связи с отношением горских евреев к коммунистам и их идеологии. Они приняли и боролись вместе с коммунистами за то, что они пообещали всем народам страны равные права и свободы. Гор-

ским евреям, прошедшим через погромы и уничтожение, это было по душе.

Тем более, это касалось двух коммунистов: прошедшего огонь и воду, председателя Сельсовета Севи Шомоилова и молодого секретаря райкома комсомола Нисима Юсуфова, выросшего в большой крестьянской семье, возненавидевшего деяния властидержащих в городе своего проживания.

В основу своего расследования Нисим положил зажатую в руках убитого дедушки пуговицу, которая была знакома ему по недавней службе в органах НКВД. «Надо полагать, – подумал Нисим, – что перед смертью дедушка Авшалум, схватив убийцу-милиционера за пуговицу рубашки, оторвал ее, хотя был тяжело ранен от удара по голове, а потом задушен. Таким образом, можно было не сомневаться, что убил старика милиционер». Ему был известен и последний разговор дедушки Авшалума с начальником отдела НКВД Седефовым, весьма злопамятным человеком, который, по предположению Нисима, и был организатором этого хитрого и целенаправленного преступления.

Нисим вспомнил, что в начале сентября каждого года работникам отдела меняют изношенную одежду и надеялся, что убийца воспользуется этим и сдаст эту злополучную рубашку в склад, тем более, что старик вместе с пуговицей оторвал и кусочек материи.

Поскольку месяц август шел к завершению, Нисим решил воспользоваться своими связями и немедленно

направился к кладовщику отдела НКВД, своему другу Нариману, который жил недалеко от здания отдела. Хотя время шло к ночи и они не встречались уже более полугода, бывший сослуживец встретил Нисима весьма радушно и пригласил попить чай.

– Нисим, дорогой, салам, какими судьбами? – говорил хозяин, радушно приглашая его в дом. – Ты теперь большой начальник...

– Да, ладно тебе, Нариман, – пожимая руку другу, улыбаясь отвечал Нисим, – работы стало больше – это да, а «начальником» я, наверное, никогда не стану...

– Судя по тому, что «спустился» до меня, верю... – улыбнулся Нариман и вместе засмеялись.

– Не буду томить тебя ожиданием, – сказал Нисим и добавил, – как у нас говорят: «Чем трижды сказать «мус.., мус.., мус..», лучше один раз сказать «Мустафа», – вместе закончили они знакомую поговорку и еще раз улыбнулись.

– Ну, говори, слушаю... – Нариман понял, что друг пришел по важному делу.

– Через несколько дней в отделе будут сдавать тебе на обмен изношенную одежду и получать новую, так? – спросил Нисим.

– Да, – согласился Нариман, – ну и что?

– Тебе не приносили в эти дни рубашку без одной пуговицы? – прямо спросил Нисим и взглянул на друга.

– Удивительно, но представь себе, что именно сегодня, в самом конце рабочего дня, милиционер

Саламов, принес рубашку без пуговицы, – ответил Нариман и задумался, – Ну и что? Почему тебя это заинтересовало?

– Сейчас я даже тебе, своему другу, об этом сказать не могу и очень прошу тебя о нашем разговоре никому не говорить, могу я на это надеяться? – спросил его Нисим.

– Даже не спрашивай, это я тебе обещаю железно, тем более, что я этого Саламова – выскочку и лизоблюда терпеть не могу, – искренне признался Нариман. – Я его отослал обратно, поскольку он принес эту рубашку раньше срока...

– И что? – заинтересованно спросил Нисим.

– Он тут же побежал к начальнику и они там о чем-то почти полчаса говорили, видно начальник потребовал у него заявление, на которое наложил резолюцию, чтобы я принял эту рубашку.

– А где это заявление?

– На работе, у меня на столе, – признался Нариман, – но, поскольку был уже конец рабочего дня, я пообещал выдать ему новую рубашку завтра...

– Мы можем сейчас сходить к тебе, в кладовку, и посмотреть эту рубашку? – попросил Нисим друга.

– Сейчас..., – задумчиво протянул Нариман, – если начальник уже ушел, можно и сходить, я сейчас оденусь, – и стал быстро одеваться.

Конечно, кладовщик отдела Нариман не мог знать о чем говорил Саламов с начальником в течении полчаса. Но Нисим догадывался.

А дело было так:

– Товарищ начальник, – обратился тогда Саламов к Седефову, – кладовщик отказывается принять мою рубашку в обмен...

– Почему? – удивился начальник.

– На ней пятно крови и на груди нет пуговицы, – признался Саламов и добавил, – после той ночи в бондарном...

– Ты что, совсем спятил? – вскричал Седефов на подчиненного. – А если эта пуговица попала кому-нибудь в руки?

– Я в ту ночь обыскал кругом: и вокруг старика, и в цехе, но нигде не нашел., может в мусоре пожара и исчезла., – этот старик оказался двужильным, от такого удара камнем по голове можно было свалить богатыря, а он стал сопротивляться, пришлось его задушить...

– Смотри мне, – предупредил Седефов подчиненного об ответственности, – если твои следы выйдут наружу, я тебя защищать не стану... А коли станешь болтать., себе же хуже сделаешь., – но увидев, что Саламов совсем сник, добавил, – ладно, пиши заявление, что рубашка от стирки изнасилась и просишь его заменить на новую...

Так и сделали.

Дежурный по отделу даже не спросил Наримана и его сопровождающего о причине их посещения (к слову сказать, Нисима он не знал, поскольку пришел в отдел после его ухода). Уже в кладовке, взглянув на рубаш-

ку Саламова и на отсутствующую пуговицу на груди и пятнышко, похожее на засохшую кровь, Нисим понял и убедился, что убил старика именно Саламов. Он поднял голову и увидел вопросительный взгляд друга.

– Ты мог бы мне ее отдать в обмен на другую? – спросил его Нисим, с надеждой, что Нариман, при возможности, никогда ему не откажет.

Нариман задумался.

– Прямо сейчас или можно после 1 сентября, через три-четыре дня? – спросил он вслед за этим и добавил, – я догадываюсь, что тебе это нужно для дела, поэтому хочу помочь основательно: под видом того, что это нужно для стенгазеты, я сфотографирую каждого сдающего одежду, а Саламова настолько близко от рубашки, чтобы были видны не только сам хозяин, но и каждое пятнышко на его сдаваемом обмундировании. Кроме того, я сфотографирую для тебя и его заявление с резолюцией начальника. Устраивает?

– Это было бы здорово, я был бы перед тобой в неоплатном долгу, – сердечно признался ему Нисим. – Хорошо, я подожду..., но есть еще одна просьба: надо каким-нибудь образом снять отпечатки пальцев его руки, скажем, на стакане и завтра передать мне...

Нариман задумался, но через несколько секунд улыбнулся и ответил:

– Я действительно сниму их на стакане. Идет?

– Конечно, это замечательно...

– Вот и ладно, – обрадованно ответил Нариман – и добавил, тогда я тебе отдам не только фотогра-

фии, но и саму рубашку, в утиль же сдам что-нибудь другое... А за стаканом зайди завтра часам к одиннадцати.

– Спасибо! – сказал Нисим и, крепко пожав другу руку, добавил, – я буду ждать...

Оставив Наримана у его дома, Нисим направился к эксперту-криминалисту Анатолию Сафронову, который родился и вырос в русском поселке Приморская, близ устья Самура – бурной Азербайджано-Дагестанской реки. Здесь совместно с местными азербайджанскими мальчишками учился в одной школе, хорошо знал местный язык и обычаи, как и все другие дети. В отдел НКВД они пришли с Нисимом одновременно и за это время крепко подружились. Поскольку он был не женат и жил в маленькой комнатке при лаборатории, Анатолий засиживался на работе допоздна, отличаясь дотошностью и высоким качеством проводимых исследований.

Уже издали Нисим заметил свет в окне лаборатории и обрадовался, значит сегодня можно сделать еще один шаг в расследовании дела дедушки Авшалума. На стук в дверь, он услышал знакомый голос Анатолия:

– Кто там?

– Я – ваш почитатель и друг, о великий волшебник! – ответил Нисим, как это делал прежде.

– Нисим, друг мой!? – воскликнул Анатолий и открыл дверь. – Заходи, рад тебя видеть.

И когда Нисим оказался в его дружеских объятиях, заметил:

– Судя по позднему визиту, ты пришел не чай пить?

– Чай, действительно, пить не будем, Толя. Я пришел к тебе за помощью, – ответил Нисим.

– Что случилось, друг мой?

– Дело в том, что недавно убили дорогого и любимого мною дедушку Авшалума, сторожа бондарной артели, – сказал Нисим. – Слышал о пожаре в Слободе?

– Это в той самой бондарной артели? – понимающе спросил криминалист.

– Да, – ответил Нисим и добавил, – я знаю некоторые детали из жизни дедушки и оказался рядом с его телом сразу при пожаре. Дело в том, что я вынес из цеха его тело, куда его, уже убитого, затащили, чтобы сжечь, я понял, что это преднамеренное убийство совершено с целью свалить вину на ни в чем неповинных людей. Провокация с далеко идущими целями. Поэтому хочу попросить тебя, причем в строгой секретности, разобраться в некоторых деталях...

– В каких?

– Нет, Толя, вначале дай мне слово, что все это останется в тайне, я бы не хотел, чтобы ты пострадал из-за меня, – попросил его Нисим.

– Ты же знаешь, что тебе я ни в чем не откажу, – обнял Анатолий своего друга за плечи и добавил, – говори, твердо тебе обещаю.

– Спасибо, – ответил Нисим и добавил, – я нашел тогда и аккуратно спрятал в надежном месте канистру с остатком бензина, которая была доставлена в здание артели для совершения злодейского поджога. С нее

надо снять отпечатки пальцев предполагаемого преступника, чтобы затем идентифицировать их.

– Ты знаешь предполагаемого преступника? – тут же спросил эксперт, убежденный, что Нисим пришел не с пустыми руками.

– Да, Толя. Это небезизвестный нам с тобой милиционер Саламов, – ответил Нисим и удрученно опустил голову.

– Саламов? Этот самодур? – удивленно воскликнул эксперт. – Он же стелется под Седефова... – Анатолий вдруг замолчал и задумчиво продолжил, – значит Саламов не без его ведома...

– В самую точку, друг мой, – заключил Нисим, – а человек этот – великий злодей, во имя достижения своих гнусных целей перешагнет через любой труп...

– Черте что!.. – выругался криминалист. – Я шел на эту службу, Нисим, чтобы очистить нашу страну от всякой нечисти, а тут.., мы сами творим над своим народом такие злодеяния, что врагам нашим и не снилось...

Анатолий замолчал и, понутив голову, задумался.

– Ладно, где эта канистра? – словно проснувшись от сна, произнес он вслед за этим.

– Для этого тебе надо сейчас пойти со мной, – Нисим вопросительно взглянул на друга.

– Куда?

– Одевайся и пошли, я скажу куда, – ответил Нисим и пошутил, – только не забудь свой волшебный чемоданчик...

– Не забуду...

Оделись и вышли из лаборатории сразу же. К домику дедушки Авшалума пришли тоже скоро, хотя темная ночь конца августа надвинулась столь молниеносно, словно на поселок накинули огромный черный платок.

Однако по дороге, между Анатолием и Нисимом произошел следующий разговор:

– Ты, Нисим, как-то ближе к властям нашим, – неожиданно сказал Анатолий в раздумье, – в поселке Приморская на севере Азербайджана, где я родился и вырос, почти половина жителей – русские, есть церквушка и батюшка при ней. Так вот, вчера пришло мне письмо, в котором мать, между делом сообщает, что батюшку этого арестовали. За что ты думаешь? За антисоветскую пропаганду! Население поселка в шоке, так как батюшка этот, кроме отправления религиозных процедур ничего не умеет и не знает... Скажи, друг мой, что происходит? Мы с тобой, хотя и молодые коммунисты, но помним, что Ленин многократно предупреждал, что борьбу с религией надо вести не путем арестов и террора, а кропотливой разъяснительной работой, что надо щадить чувства верующего...

Нисим остановился, как вкопанный, словно не Анатолий задавал ему этот вопрос, а он сам спрашивал себя в очередной раз. Эти мысли не давали ему покоя все дни после похорон дедушки Авшалума и недавнего ареста последнего раввина Слободы, раби Хаима. Не ответить или не сказать честно и правдиво своему другу, кото-

рый ради него сейчас рисковал своей карьерой, а может быть даже жизнью, считал он, не имеет право – это будет подло с его стороны. И Нисим решился.

– От знающих и верных людей, Толя, мне известно, что террор против религии и ее носителей начал сам Ленин, хотя до этого, до революции, он говорил о бережном отношении к верующим. С него начался грабеж церквей, монастырей и храмов. Здесь, у нас, в республиках, его верные ученики продолжают войну с мечетями и синагогами. Только в прошлом году в Слободе закрыли 8 синагог, теперь же после очередной провокации закроются и остальные 4. А раввинов арестовывают и они исчезают, словно их и не было...

– Что ты говоришь? – удивился Анатолий.

– И если бы только это, – продолжал Нисим, – под видом классовой борьбы и борьбы с кулачеством в стране началась настоящая травля инакомыслящих. Все кто мало-мальски не согласен с проводимой «линией» объявляются врагами народа. У нас в Слободе советскую власть приняли всем сердцем, на ее защиту в первые годы встали все, потому что верили ей. Почему, как ты думаешь? Потому что нам – евреям, задавленным, забитым, гонимым и гибнущим от погромов черносотенцев, от грабителей, разбойников и насильников, эта власть обещала равноправие и защиту, и дала ее. Только не надолго. Что происходит сейчас? – Нисим остановился и невольно задумался, неужели все это говорит он, обычно молчаливый и немногословный молодой человек, но его словно прорвало.

– Недавно из Кусаров из колхоза «Светлый путь» пришли два молодых человека, – продолжал он, – хорошие рабочие парни. Пришли объяснить, что их отцы не кулаки, не враги советской власти, что в их семьях все работают на своем участке: от отца до малолетних внуков, что кроме их самих у них никто со стороны не работает, что в колхоз отцы их не пошли не потому, что они враги советской власти, а потому что в колхозе платят мало и их большая семья будет голодать. Что они просят освободить их арестованных отцов, обвиненных в кулачестве. И что ты думаешь сделал Седефов? Он поручил этих парней своим «саламовым» и те, избив их до полусмерти, выбросили в район пустыря. Теперь, я уверен, эти двое ребят стали врагами советской власти. Эти Седефовы и Назаралиевы друзей превращают во врагов.

– Вот, вот, – заговорил Анатолий, – как раз об этом и пишет моя мать, что в поселке появилось очень много недовольных властью, люди теряют к ней веру. Прямо заморозки в летнюю пору...

Как раз в этот момент друзья подошли к хибарке дедушки Авшалума.

– Сейчас, друг мой, мы, к сожалению, на некоторое время прервем нашу беседу. Скажу тебе честно, Толя, ты интересный собеседник и мы еще к этому разговору вернемся, но совсем недавно один высокопоставленный, весьма эрудированный друг рассказал мне, что сначала этого десятилетия такие вот

«назаралиевы» проводят чистку и в самой милиции. НКВД стал опорой сегодняшнего репрессивного режима и, освободившись от старых чекистов, пополняет ряды «седефовыми» и «мамедовими».

– Боюсь не к добру все это.., – печально заключил Сафронов.

– Ты прав.., – ответил Нисим, направляясь внутрь сарая, где спрятал канистру с остатком бензина, который был использован милиционером Саламовым для поджога бондарной артели.

Вслед за ним в сарай последовал и криминалист, но войдя в сплошную темень, остановился и позвал друга:

– Ну что, нашел?

– Да, я его предусмотрительно спрятал в старый железный шкафчик, чтобы на него не села пыль, – ответил Нисим, – сейчас зажгу дедушкин фонарь и достану... Ты сюда не лезь, здесь полно хлама, не дай бог, упадешь и ушибешься...

Сафронов благоразумно остановился и тут же был вознагражден светом фонаря, которым пользовались железнодорожники депо в начале века.

Нисим держал канистру, подложив ладонь под ее дно, как некую драгоценность.

– Здесь снимешь отпечатки или пойдем в комнату, – спросил он друга, – тебе видно хорошо?

– Да, свет нормальный, здесь и сниму, – ответил Анатолий, – давай ставь на этот маленький столик и свети фонарем...

Нисим тут же выполнил просьбу друга.

– Судя по этому фонарю, твой дед был непростой человек? – сказал Анатолий, приступив к своей работе.

– Вообще-то он о себе почти ничего не рассказывал, молчаливый был человек, – ответил Нисим, – но после его похорон из Дербентского железнодорожного депо приезжали три человека, пожилые, поседевшие от жизни мудрецы, говорили о деде, мимоходом вспоминали его добрым словом, выразили соболезнование...

– А чего он в Дербенте делал? – невольно вырвалось у Анатолия.

– Оказывается, он еще до революции работал в депо, лично знал товарища Маркуса – руководителя Дербентских большевиков, выполнял кое-какие его поручения, – ответил Нисим, – а потом, через несколько лет какой-то новоиспеченный деятель, имени его они не назвали, усомнился в деде и высказал это прилюдно. Дед, мол, встал со своего места, плюнул тому в лицо и уехал обратно в свое родное село, на юг Азербайджана.., – Нисим ненадолго умолк и добавил, – гордый он был человек и бесстрашный...

– Пусть земля ему будет пухом, – сказал Анатолий, сочувствуя другу.

– Но меня поразило не это, – в раздумье сказал Нисим, – а то, что, будучи участником революционных событий, можно смело сказать, не раз рисковавший жизнью за победу этой власти, дедушка разочаровался в действиях некоторых ее «деятелей»...

– Неужели? – удивился Анатолий.

– Во всяком случае, – добавил Нисим, – он постоянно осуждал действия «Седифовых» и «Назаралиевых»...

– Видно старик многое переосмыслил в своей жизни, – задумчиво сказал Анатолий, сворачивая свои дела. – Я закончил, друг мой, ответ дам тебе завтра, идет?

– Конечно, тем более я завтра, часам к 11, принесу тебе стакан с отпечатками пальцев Саламова, – улыбнулся Нисим и потянулся к карману брюк, – скажи мне Толя, мог бы ты еще проверить вот это? – и Нисим показал другу маленький пакетик, маленький сверток.

– Что это? – спросил Анатолий.

– Затылок деда был в крови, видно его перед тем, как задушить, ударили чем-то тяжелым, – Нисим от воспоминаний закрыл глаза, – я взял для анализа, на всякий случай, и кусочек рубашки, на котором была засохшая кровь деда...

– Молодец, правильно сделал, – заключил Анатолий и взял пакетик.

Нисим обрадовался, что проделанная им работа поможет раскрытию преступления и, не скрывая этого, предложил:

– Пошли я тебя провожу...

– Не барышня, сам дойду, – пошутил Анатолий.

– А может зайдём ко мне, попьём чай, с женой познакомлю, – предложил Нисим.

– Предложение, конечно, заманчивое, – сказал Анатолий и с сожалением добавил, – но пойти сейчас не могу, надо кое-что доделать, а вот приглашение принимаю, но в другой раз...

– Непременно, в самое ближайшее время, – искренне согласился Нисим.

И они расстались.

* * *

Мирбагыру Седефову снился тревожный и дикий, по своей сущности, сон:

На пустыре Вурду шакалы протяжно выли, словно созывали общий сбор. Они были очень голодны. После повального голода почти исчезли мелкие зверьки и птицы, куда-то попрятались ящерицы, змеи, лягушки, сады и бахчи были выжжены. Шакалы рыскали везде в поисках падали для пропитания. Но, вдруг, один из них заметил ящерицу. Шерсть его взъерошилась от приближавшегося удовольствия. Но не тут-то было. Ящерица, в общем-то мирное пресмыкающееся, «ощетинилась» и бросилась на шакала, правда потеряв при этом свой длинный хвост. Небывалое хамство! Шакалы пришли в бешенство. Как это так?! Кто посмел?! Нам отказать? Обеспокоенные этими обстоятельствами, шакалы решили отправить к СТАРОСТЕ одного из своих верных сторонников – умного и хитрого весьма ловкого и своенравного шакала.

– Кто там? – спросил верный слуга и помощник старосты.

– ПОСЛАННИК шакалов, – ответил тот и голос его был точь-в-точь похож на голос парторга Илесефа.

Через некоторое время его впустили. Он поздоровался и стал у порога.

– Зачем пришел? – с презрением спросил СТАРОСТА голосом самого Седефова.

Оскорбился, было, посланник таким приемом, но продолжил:

– Вы, товарищ Староста, понимаете... Подвластные перестали нам верить, стали огрызаться, ерепиться.

– Ну и что? – гневно вскрикач некто из темноты, голосом Назаралиева.

Староста встрепенулся, но никого не увидел, а голос продолжал:

– Когда нам было легко: внутренних врагов – хищников этих – всегда хватало! К встрече с волками нам не привыкать! Давить их надо, борьбу вести, а не бояться! Из-за чего весь сыр-бор-то?!

– Если так, товарищ Староста, если мы всех передавим, какой падалью питаться будем? – слегка съезжившись, спросил посланник, обращаясь к Седефову.

– Что ты болтаешь?! – вскричал Староста на Посланника. – Что ты сопли распустил перед трудностями, слюняй?! В твоих руках власть – вот и дави всяких гнид! Перестали верить – выбей мозги! Огрызаются – вонзи свои клыки и рви на куски, ибо всякое инакомыслие – вражеская пропаганда!.

– Я понимаю, что все это так, но что делать нам? – прикинувшись «дурачком» и боясь ответственности, гнул свое шакалий Посланник.

– Все будет хорошо, будет вам пища, только на подачках и живете!!! Наберитесь терпения, раз своих мозгов нет –, сквозь клыки процедил Староста.

– Да ведь давно ждем, а все никак...

– Что ты сказал?! – рассвирепел Староста.

– Лишь то, товарищ Староста, что восхищен вашим терпением.., – увернулся шакал от прямого ответа.

– То-то же, – продолжая гневаться, сказал Староста и повелительно добавил, – идите и передайте остальным, что надо набираться терпения, скоро все будет в наших лапах. Понял?!

Посланник возвращался к стае на рассвете, когда звезды в небе стали играть в прятки, а холодная луна готовилась к своему исчезновению. Шакал поднял голову к своей любимой планете, ибо она напоминала ему недавние набеги на бахчи со сладкими дынями, и обратилась к ней с протяжным воем, похожим на стоны разъяренного парторга Илесефа.

– За что ты меня убил... уби..и..л... уби..и..л...

Начальник отдела НКВД Седефов проснулся именно от этого стопа. Весь лоб у него был в испарине от пережитого сна. Он потянулся к часам и был крайне удивлен тем, что часы показывали 5 утра. Вот уже более 10 лет он не видел снов, с того самого времени, когда чекисты во время облавы на Бакинском

рынке (в чем признались впоследствии) по «ошибке» убили его отца – известного хлопкороба, который в этот злополучный день вынес на рынок продать выращенные на огороде тыквы. Тогда же братья Седефовы дали клятву друг другу – убить незадачливого чекиста. Однако жизнь распорядилась иначе: чекист погиб при выполнении очередного задания, а Мирбагыр Седефов был направлен на курсы, где готовили для «активной» работы тех самых «чекистов». Выросший в крестьянской семье, с малых лет познавший труд сельского труженика и его хитроумную сущность, Мирбагыр отказался от этой стези. Его потянуло вначале к нефтяникам, где вступил в комсомол и за активное участие в нем был приглашен на учебу, а потом и на работу в органы НКВД. Отличаясь высокомерностью, он не находил в коллективах, где работал, дружеского расположения коллег, но шел к поставленной цели, как танк, вперед любой ценой, относясь к людям безжалостно и безразлично.

Хотя было раннее утро, Седефов позвонил Назаралиеву, которого не уважал, но пресмыкался, как мог:

– Доброе утро, Али Мамедович, не разбудил? – хитро улыбнулся он, заведомо зная, что разбудил секретаря райкома.

– Что-нибудь случилось, Мирбагыр? – всполошился Назаралиев.

«А..а.., – злорадно подумал Седефов, – значит и тебе не сладко, если испугался моего раннего звонка...», а вслух сказал:

– Сон мне приснился, Али Мамедович, шакалы выли.., – признался Мирбагыр, – какой-то дикий, странный сон... и мы с тобой в нем участвуем...

– Шакалы выли?.. – переспросил Назаралиев.

– Да, – ответил Седефов.

– Где это выли шакалы, Али? – переспросила жена Назаралиева, разбуженная звонком телефона.

– Это Мирбагыру приснился сон с воющими шакалами.

– Это не к добру, Али, – немедленно отозвалась его жена, – воющий шакал – предупреждение о грозящей опасности...

– С кем ты там разговариваешь? – не удержался Седефов.

– С женой, – ответил Назаралиев, – она говорит что сон этот не к добру, – и улыбнулся, поняв, что Седефову и так не по себе.

– Я еще не все рассказал. Шакал этот говорил со мной голосом Илесефа..

– Какого Илесефа?!

– Да, этого, из Еврейской Слободы, парторга...

– Выбрось ты все это из головы и ложись спать, – сказал секретарь и добавил, – утро вечера мудренее..

Но когда тот что-то промышчал в ответ, уже более серьезно добавил:

– Ты же... коммунист, в конце концов...

– Интересно, как моя партийная принадлежность может повлиять на мой страх, – размышлял уже сам с собой Седефов.

Но в то утро в сердце каждого из них запали тревога и страх за все содеянное и ожидание неизвестной опасности...

* * *

Нариман, кладовщик городского отдела НКВД, не подвел друга. К приходу Нисима он приготовил все, что обещал и рассказал, как удалось ему это сделать.

Саламов пришел за новой рубашкой часам к 10 утра, в то самое время, когда другой – новый работник получал свое первое обмундирование. Воспользовавшись этим, Нариман попросил новичка переодеться и, сказав, что это нужно для стенгазеты, стал фотографировать сперва новичка, так сказать, в полном параде, а затем и Саламова: вначале у старой рубашки, чтобы были видны и оторванная пуговица, и пятно крови на рукаве, и шрам на шее. Потом, под видом того, что шрам на шее воспалился, он взял бутылочку с йодом и кусочек ваты и стал обрабатывать якобы появившуюся ранку, предварительно пинцетом сняв с нее кусочек кожи с засохшей кровью. Запыхавшись, Нариман сказал, что у него пересохло во рту и попросил Саламова подать ему стакан с водой, заранее подготовленный им, чтобы снять отпечатки его пальцев. Все получилось естественно, так, как требовалось. Ничего не подозревавший Саламов ушел, а Нариман, так и не притронувшись к стакану, стал ждать прихода Нисима.

Таким образом, Нисим получил фотографию, заявление Саламова с резолюцией Седефова, кусочек

кожи с засохшей кровью с его шеи, злополучную рубашку без одной пуговицы и стакан с отпечатками пальцев убийцы. Приняв все это, Нисим сердечно поблагодарил друга и со своей поклажей помчался к Анатолию Сафронову.

Когда вечером Нисим пришел к криминалисту уже во второй раз, за результатами исследований, был вознагражден обилием неоспоримых фактов и доказательств.

Идентифицировав результаты анализов крови Саламова и дедушки Авшалума, стало ясно, что кровь на рукаве рубашки и из пакетика Нисима принадлежат дедушке Авшалуму, а маленькое, незамеченное ранее, пятнышко крови на подоле рубашки принадлежит самому Саламову, поскольку оно один в один оказалось похожим на данные крови с царапины на шее убийцы.

Найденная пуговица в кулаке убитого старика оказалась оторванной от рубашки Саламова.

Следы на канистре с бензином и отпечатки пальцев на стакане от Наримана – оказались идентичными и принадлежали Саламову.

Резолюция Седефова на заявлении Саламова свидетельствовала о том, что начальник знал о причинах и необходимости замены рубашки убийцы, а значит, был организатором этого злодеяния.

К чести Анатолия Сафонова, он, не боясь последствий, снабдил свои исследования соответствующими справками и, таким образом, улики по данному делу были снабжены всеми необходимыми

документами. Однако Нисим понимал, что передать их в таком виде в партийные или карающие органы тоже самое, что подписать себе и всем участникам их подготовки, смертный приговор. Поэтому он решил предварительно переговорить с председателем Сельсовета Севи Шомоиловым и направился, прежде всего, к нему.

– О, Нисим, – обрадовался он приходу молодого друга, – рад тебя видеть, заходи, что это у тебя за чемодан в руках?

– Да вот пришел к вам кое о чем поговорить, – ответил Нисим, – но не стал конкретно говорить, поскольку в кабинете главы сельсовета был еще другой человек.

– Садись, мы сейчас закончим, – сообразил Севи и стал давать присутствующему соответствующие поручения.

И когда тот ушел, Севи встал, вслед за ушедшим закрыл дверь, сел на свое место и вопросительно взглянул на Нисима.

– Я тебя слушаю...

– Завершено расследование по делу об убийстве дедушки Авшалума, – сказал Нисим и стал открывать чемодан, – здесь лежат не только бесценные улики об этом возмутительном убийстве, но и соответствующие справки криминалистической лаборатории. Они полностью подтверждают, если помните, мои первоначальные догадки о том, что убил дедушку милиционер Саламов, а организовал все небезызвестный Седефов.

Севи стал рассматривать вещественные улики, читать справки, а потом единственной рукой, схватив голову, сел.

– Да..а.., это неслыханно! – вырвалось у него.– И все это легло в основу обвинения против раввинов и синагог! Убивают безвинных людей! Нет, этого так оставить нельзя!

Он встал, нервно зашагал по кабинету, обдумывая сложившуюся обстановку, ища из нее выход.

– Надо ехать в Баку, – решил он и обратился к Нисиму, – ты поедешь со мной?

– Да, конечно поеду, – сказал Нисим, – но когда?

– Сегодня уже поздно, – ответил Севи, – завтра позвоню, договорюсь и поедем. Ладно?

Было решено: чемодан надежно спрятать, по поводу поездки не распространяться, но, исподволь, искать другие выходы из создавшейся в Слободе обстановки, ибо жизнь шла своим чередом, выставляя перед Сельсоветом все новые и новые задачи. Например, у дочери Сенем Бирхиё, звеньевой колхоза, родился сын, а обрезание мальчику сделать было некому – все раввины были арестованы и об их судьбе никто ничего не знал. Неоднократные попытки родственников и граждан Слободы узнать что-либо о судьбе арестованных ни к чему не приводили – стояла завеса молчания. Даже Нисиму, через свои связи не удавалось что-либо узнать, а открыто спрашивать было опасно.

Через день Севи Шомоилову удалось созвониться со своим старым другом – генералом Гасановым

и договориться о встрече у него дома в Баку завтра в субботу. И Севи с Нисимом решили ехать в Баку. Севи набрал у себя во дворе две корзины яблок и груш и с этими гостинцами в субботу утром поехали в Баку.

К середине дня, когда Севи и Нисим подошли к дому генерала Гасанова, они обратили внимание, что у входа в дом генерала стоит черная машина – «Воронок», на которой увозили, главным образом, в небытие, людей неугодных советской власти. И как раз в этот момент четверо в черных плащах и шляпах вывели прославленного генерала и направились к машине. Заметив своих гостей генерал, перед тем как его посадили в машину, незаметно, кивнул им, мол, идите домой.

Севи и Нисим были ошеломлены. Они лишний раз убедились в том, что эта власть не жалеет даже таких своих сыновей, если в какой-то период они выразили несогласие с проводимой ею «линией».

Севи и Нисим долго стояли в нерешительности, не отваживаясь в такой трагический час, зайти в дом генерала, где его милая жена, тетушка Саадат может быть плакала по поводу ареста мужа. Однако решительный кивок генерала говорил о том, что они обязательно должны зайти в дом, что их там ждут. Но то, что увидели там, ошеломило их еще больше. Повсюду на полу, на столах и креслах, лежали книги и рукописи, тут же из шкафов была выброшена одежда, а у костюмов и пальто вывернуты карма-

ны, словно что-то искали или делали вид, что ищут. А на письменном столе хозяина были выброшены его боевые ордена и медали, как насмешка над всем смыслом его жизни.

На одном из кресел, съежившись, сидела безвременно поседевшая женщина и плакала. Увидев знакомого, она тихо вскрикнула, встала и кинулась к Севи, как к самому дорогому человеку.

– Дорогой Севи, вашего друга арестовали, – сказала она и стала вытирать слезы.

– Успокойтесь, Саадат баджи, – стал успокаивать ее Севи, – разберутся и освободят, не могут посадить прославленного генерала...

– Ты думаешь...? – как-то отстраненно промолвила она и, взглянув на развороченную комнату, добавила, – посмотри, что они тут натворили, как..., как бандиты какие-то...

– Мы вам поможем, садитесь, пожалуйста, – Севи усадил женщину на место и вместе с Нисимом стали убирать с пола книги, рукопись и складывать их на столе. – Его скоро отпустят, и он сам уложит все в книжный шкаф, не волнуйтесь...

Затем они также вдвоем повесили в гардероб одежду генерала, малость прибрали и сели рядом с женщиной, которая потихоньку успокаивалась и приходила в себя.

– Не знаю что и делать, – снова заговорила она, – сын, Мирза, в Москве на учебе в аспирантуре, скоро должны были сыграть его свадьбу, а теперь...

– Не волнуйтесь, Саадат баджи, я верю, что все образуется, выпустят моего друга, придет мой племянник Мирза и я с большим удовольствием буду танцевать на его свадьбе...

– Дай-то, Аллах, дорогой Севи, а то предчувствия не дают мне покоя, – ответила женщина и вдруг спохватилась, – ой, я совсем забыла, он еще вчера оставил вам письмо...

Она встала, быстро пошла на кухню и там, достав из кастрюли конверт, протянула Севи.

– Он, видно, чувствовал о надвигавшейся беде, спрятал его в кастрюле...

Севи взял конверт, как дорогую сестру, обнял женщину единственной рукой, попрощался с ней. Затем вместе с Нисимом покинули дом настоящего Гражданина страны.

Ближе к автобусной остановке, они сели на скамейку в сквере и стали читать письмо генерала:

«Дорогой Севи!

По телефону сказать не мог, поэтому второпях пишу о давно наболевшем. Нутром чувствую, что надо мной нависли черные тучи беды. Ты знаешь, что за эту власть я немало пролил крови, к сожалению, не только своей. Я верил ей, ибо на его знамени написаны замечательные лозунги: «Поднять уровень жизни всех граждан страны», «Равенство», «Свобода» и прочее. Я верил всему этому, но шли годы, а жизнь не улучшалась, люди, наоборот, гибли от голода, а о свободе и братстве и говорить нечего,

репрессивный режим сметает всех инакомыслящих, весь цвет нации.

Двадцать лет назад мы, трое молодых людей, вели, по приказу руководства, на расстрел одного богатого человека... Я был среди них старшим. Так вот, этот осужденный на смерть человек подозвал меня ближе и усталым голосом сказал:

– Ты знай, сынок. Справедливое общество на крови не построишь...

Теперь, когда я вижу, что ни одно из своих обещаний власть не выполнила, вернее не сумела выполнить, вспомнил вдруг того убитого нами мудреца и потерял веру. Да, мою веру в советскую власть убила сама же власть. Мне горько это сознавать почти на исходе жизни. Теперь возможно убьют и меня, ибо для этой власти нет ничего святого.

Ни в коем случае ни к кому по своему делу не обращайтесь, ибо режим прогнил с ног до головы и справедливость не найдете. А себя подставите и погубите. Даже самые порядочные и честные люди на верхних эшелонах власти, вздыхают по поводу бесчинств органов НКВД и их покровителей в партийном аппарате, но молчат. А те кто не молчит... их ждет меч Молоха репрессий. Поэтому поперек не лезьте, тем более в низах безобразий еще больше. Я это знаю не понаслышке.

Недавно мне стало известно об убийстве в Баку вашего бывшего начальника НКВД города Мамедова. Говорят, что это справедливое возмездие «народных мстителей».

Если тучи пронесутся дальше, в чем я сомневаюсь, буду рад видеть тебя снова...

Будь здоров, друг мой».

Из письма было видно, что генерал все же на что-то надеялся, но на что и на кого, было непонятно. Однако, если судить по «Воронку» и той жестокой церемонии ареста, свидетелем которой были они сами, думал Севи, можно было, к сожалению, не сомневаться, что увели генерала не для того, чтобы потом отпустить. Поэтому возвращались они домой крайне уроченными.

«Раз это произошло, – думал Севи, как человек, более умудренный жизненным опытом, – значит Богу, да благословен Он будет во веки веков, было ведомо, что попади наши документы и улики в руки нынешних властителей, беды было не миновать, погибли бы не только мы, но и наши друзья, которые нам помогли. Господь Бог мой в который раз отводит от нас удар.

И вообще, – продолжал он развивать свою мысль, – в жизни моего народа было немало случаев когда Бог брал под свою защиту, как весь мой народ, так и отдельных его сынов, освобождая их от обязанности добиваться справедливости своими силами. Например, когда египетский фараон, испугавшись десяти казней Бога, отпустил евреев из каторжного плена, а потом пожалел об этом и, собрав огромное войско, настиг их у Чермного моря. Тогда Моисей, по воле Бога, рассекает море своим посохом, и евреи переходят его по сухому дну, но, когда египтяне следуют

за ними, Моисей, опять же по воле Бога, простирает руку над морем, и воды смыкаются над преследователями. Так Бог наказывает врага еврейского народа за несправедливость.

А подвиг Истир (Эстер), жены персидского царя Ахашвероша, которая спасла своих соплеменников, живших в Персии, от наговора влиятельного советника царя, Гьомона (Амана), задумавшего уничтожить евреев. «Есть один народ... и законы у него иные... царю не стоит оставлять их», – наушничал он царю. Когда заговор Гьомона с помощью Истир обнаруживается, царь приказывает повесить Гьомона на столбе, приготовленном им для Мордехая. Так с помощью Бога восстанавливается справедливость.

Что же касается истории об Иосифе (Йосеф) – любимом сыне Яакова – Исраэля, отца всех евреев. То это уже пример для всех нас. Десять его братьев, кроме Биньямина, из чувства мести продали Иосифа в египетское рабство, сказав отцу, что Иосифа растерзали дикие звери. В отрыве от семьи, среди иноверцев Иосиф, благодаря божественным способностям, добивается высокого положения, а затем становится вторым лицом в государстве.

Страшный голод в Кнаане вынуждает братьев Иосифа идти за пропитанием в Египет. Они приходят в царские закрома, где Иосиф узнает братьев. И он решает проверить их в «тесте на раскаяние», т. е. как они будут вести себя, попав в такую же ситуацию, в которой сами раньше совершили проступок. Ио-

сиф прячет свой серебряный кубок среди вещей Биньямина и велит арестовать всех братьев, а затем говорит им что они могут вернуться в страну Израиль с продовольствием, при условии, что «вор» Биньямин останется в Египте, как раб. Братья в страшном смятении, они, не раздумывая, отказываются бросить Биньямина, а Иегуда просит, чтобы в рабство вместо младшего брата взяли его самого. Тут Иосиф не выдерживает и с плачем признается им: «Я Иосиф, брат ваш». Так Бог, устроив братьям экзамен, приводит их к пониманию того, что проступок их не имеет право на повторение».

Севи в задумчивости закрывает глаза и произносит молитву: «Борух ата Адонай у меворах» – «Благословен Господь благословенный во веки веков».

Дома их ждало событие, исход которого один из них предугадал еще несколько дней назад, а второй... мечтал о нем, о таком конце для человека, ставшего для Слободы воплощением зла и коварства. Бог все видит и каждому воздает по его деяниям...

Из колхоза «Светлый путь», который был расположен близ Кусаров, в отдел НКВД г. Кубы поступил сигнал – по телефону звонил председатель колхоза и просил товарища Седефова, который как раз и слушал сообщение, немедленно приехать и разобраться с заведующим животноводческой фермой, который отказывается отдавать скот на прививку от бруцеллеза. Мол, требования председателя колхоза не выполняет и никого на ферму не подпускает.

– Хорошо, – ответил Седефов, – я пошлю людей, они его усмирят...

– Ой, товарищ Седефов, – взмолились на другом конце провода, – пожалуйста, приезжайте вы сами, ваш авторитет его напугает...

– Хорошо, ждите. Через час буду, – ответил Седефов окрыленный похвалой председателя, – приеду прямо на ферму...

– Буду вас ждать, – обрадовались обещанию Седефова и положили трубку.

Польщенный высокой оценкой своей роли, Седефов не поинтересовался, почему по такому поводу просят приехать его самого, почему голос председателя колхоза, с которым он был знаком лично, не был похож на известный ему, почему, в конце концов, председатель звонит ему, а не в ветеринарную службу, работники которой должны были принять соответствующие меры. Авантюрист по натуре он легко поддавался на авантюру другого и за это поплатился.

Когда Седефов на своей пролетке в сопровождении милиционера Саламова, вместо кучера, подъехал к ферме колхоза, его действительно ждали. И ждал не кто иной, а сын того самого «кулака», которого по воле и желанию Седефова недавно осудили и сослали в тюрьму, конфисковав его приусадебный участок.

– Ну, негодяй, узнал меня? – направив на Седефова револьвер, сказал молодой человек. – Я говорил тебе, что мой отец не кулак, а ты что сделал, избил меня с товарищем и выбросил на пустырь... Сиди и не ры-

пайся! – приказал молодой человек, когда Саламов сделал попытку вытащить из кабуры пистолет.

Саламов благоразумно остановил свои действия.

– На тебе много крови, скотина, и Аллах послал меня остановить тебя! – строго сказал молодой человек и выстрелил прямо в лоб Седефова, отчего тот упал, как скошенный. Увидев, как «мститель» убил начальника, Саламов, как ошпаренный молниеносно выхватил револьвер и в воздухе раздались два одновременных выстрела, отчего упал убитый Саламов и тяжело раненый молодой человек, который тоже через минуту скончался.

Весть об этой истории облетела всю республику. В высших эшелонах власти заговорили о неблагоприятном положении в органах НКВД г. Кубы – сперва убийство и сожжение его бывшего начальника, а теперь – настоящего. Было решено даже создать партийную комиссию по проверке деятельности партийной и правоохранительных органов города, однако, спустя некоторое время, желание это спустили на тормозах и все пошло по старому руслу. Видно изменить сложившийся порядок можно было лишь более мощными силами, которых в стране еще не было.

* * *

За три дня до названных выше событий в райком партии, на прием к Назаралиеву пришла лучшая звеньевая колхоза «Партсъезд» Сенем Бирхиё. Она подошла к референту секретаря и сказала:

– Я пришла к секретарю райкома, товарищу Назаралиеву, скажите ему что звеньевая колхоза «Партсъезд», «паровоз», мол, просит ее принять, он знает...

– Вы записывались на прием? – спросил тот.

– Нет, – послышалось в ответ.

– По какому вопросу? – снова спросил референт.

– По личному, – ответила Сенем и, вскипев, командовала, – и не тяни с дурацкими вопросами, доложи тебе говорят!

В этот момент из кабинета вышел сам Назаралиев.

– В чем дело? – слегка повернувшись к Сенем, спросил секретарь.

– Я к вам, товарищ Назаралиев, по поводу раввинов Слободы, всех их незаслуженно арестовали, а обрезание новорожденным мальчикам делать некому, отпусти хотя бы одного.

– Они осуждены судом и мы не имеем право их освобождать, – ответил Назаралиев и хотел было идти дальше, но «паровоз» стала ему поперек и твердо спросила:

– Что же нам делать?

– Обойдетесь без обрезания...

– Что..о?.. – вскипела Сенем. – Ты-то сам обрезанный, твои сыновья обрезаны, а евреям не надо! На-ко, выкуси! – она показала секретарю райкома кукиши – кричала она на обидчика...

– Выкиньте ее из помещения! – строго приказал Назаралиев и вспомнил предупреждение Седефова о том, что ей пора отрезать язык...

Однако, описанные выше события, не дали Назаралиеву осуществить очередное злодеяние. Бог взял под защиту свою мужественную дочь...

Эпилог

Змея шкуру меняет, а натуру – нет. Свое отвратительное ремесло – жалить все живое она продолжает вершить постоянно, ибо такова ее сущность. По преданию, за нарушение запрета Бог наказал Змею, определив ей ползать с тех пор на чреве своем и питаться прахом. Злодей должен помнить, что зло возвращается обязательно. Правда, бывают случаи, когда злодей живет долго и в достатке, в свое удовольствие, словно жизнь его была полна добродетелями. А зло, содеянное им, к сожалению, возвращается не к нему самому, а к его детям, внукам и далее. Сам же, этот негодяй, живет до глубокой старости...

Судя по холеному, довольному лицу секретаря райкома партии Назаралиева, по его твердой, царской осанке, непреклонному виду и вседозволенности, жилось ему хорошо. Он не замечал никого, считал себя самостоятельной и единственной причиной всего хорошего, что есть в нем и вокруг него. Гордыня – большой грех и причина других грехов – взяла верх над другими качествами его характера. И именно это демонстрировал он в последние октябрьские дни 1938 года, когда в Кубе, после нескольких лет неурожаев и неудач, по инициативе партийных ор-

ганов, состоялась выставка достижений сельского хозяйства колхозов района. Самый большой павильон заняла продукция колхоза «Партсъезд», в которой демонстрировались различные сорта фруктов: яблок, груш, слив, вишен и черешни, ярко-красных гранат и айвы, желто-красных абрикосов и персиков, инжира и тутовника. А рядом с полными ящиками овощей: помидоров и огурцов, баклажанов и перца, лука, чеснока, моркови и свеклы, дыни, арбузов и тыквы, стояла бодрая, несмотря на свой возраст, звеньевая Сенем – «паровоз», рассказывая собравшимся об успехах своего звена и всего колхоза.

На другом конце этого же павильона в окружении посетителей стоял председатель колхоза Пинхас Авшалумов, который, улыбаясь, говорил о том, что по завершению выставки, вся продукция с выставочных полок будет распродана населению по самым дешевым ценам. Тут же, под национальную музыку на импровизированной площадке танцевали и пели участники художественной самодеятельности всех восьми колхозов района. Обилие даров земли сочетались с улыбками радости и веселья окружающих.

Праздник земледельцев весьма соответствовал радостному настроению и Нисима, у которого в эти дни родился сын, названный, с согласия родного сына дедушки Авшалума и в честь его самого – Авшалумом. Поскольку в Слободе, после 6 месячной практики в Дербенте, раввином наскоро отремонтированной синагоги, вместо ушедшего в небытие раби Хаима, стал

17-летний его сын, раби Ицхак, проблемы населения в вопросах отправления религиозных ритуалов были решены. Маленькому Авшалуму на восьмой день сделали обрезание, отмеченное, по известным причинам, без особого шума и помпезности. Сын левита, подняв упавшее было знамя, продолжил дело отцов и дедов, ибо таково их предназначение.

«И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль» – эти слова мудрого царя Соломона вспомнились в связи с тем, что именно в этот период с Запада запахло дымом и гарью – надвигалась Великая Отечественная война. Из 5,5 тысяч жителей Еврейской слободы на войну ушло тогда более тысячи и половина из них не вернулась, т.е. почти 10% от всего населения.

Тяжело заболел и умер во время войны Севи Шо-моилов.

Полковником, еще более зрелым, вернулся с войны Нисим Юсуфов, на груди которого блистали ордена «Славы» I и II степени, множество медалей и нашивка о ранении. Бог и на этот раз защитил его от напастей войны.

Но ни одного изменника, ни одного штрафбатовца за всю войну из Слободы не было. Было другое: почти половина из них, каждый в отдельности награждены орденами «Славы», «Красного Знамени» и «Красной звезды». А сыновья «врагов народа», так называемых «кулаков», Овроом Изра и Овроом Хаима, Мардахай и Натан пали смертью храбрых за советскую власть,

так жестоко и несправедливо поступившей с их отцами... Героем, с Золотой звездой на груди, вернулся, призванный в 1942 г. под Сталинград, генерал Гасанов, а вот жена его, Саадат, мужа своего не дождалась, горе и болезни безвременно унесли ее в могилу. Боевой генерал, загнанный властью в тюрьму, пригодился ей в тревожные военные годы. Поистине – советская власть, сама того не ведая, медленно и упорно продолжала рубить сук, на котором сидела...

Судьба Миши Кунголуши сложилось очень печально. Через некоторое время, после переезда в Дербент, его жена, забрав детей, вернулась в Слободу к родителям, а он, покинутый всеми, долго пребывал в печали и умер в одиночестве...

Притчи

Раздумья всадника...

На годекане деревни Начихалово, накануне выборов, завязался оживленный разговор. Как это часто случается, участниками этой откровенной беседы стали люди двух поколений: старшего, коих называют нынче замысловато – уважительным словом – аксакалы и молодые, которых с годами в деревне становится все меньше и меньше: уехавшие на службу не возвращаются «в эту дыру», а тем из них кому повезло поступить и окончить ВУЗ или техникум, здесь вообще делать нечего. Так вот, молодые считали, что голосовать на выборах надо за тех, кто свои предвыборные обещания выполняют, а не «обещалкиных». А то, мол, до выборов они прямо соловьем заливаются, обещаний полный короб: и дорогу построят, и школу отремонтируют, и газ в деревню проведут, но как только выборы завершаются, так и обещаниям конец.

– На мой взгляд, – заявил школьный учитель, – нам надо научиться самим и научить других – уважать самих себя, не быть послушным быдлом, не плясать под дудку зазывал. Если кандидат один раз обманул, так, несмотря на все его посулы, второй раз не выбирать. Пора избавляться от обманщиков...

– Вот, вот, – поддержал его местный фермер, – чиновники всех мастей не хотят менять существующий уклад жизни, их вполне устраивает тот порядок распределения «пирога», который сегодня сложился

в стране за государственным столом. А если, при этом, кому-то от этого пирога ничего не достается, так, как говорится, и черт с ним. Если нашу школу тысячу лет никто не ремонтировал и ее крыша вот-вот свалится на голову детей и учителей, начихать! Если наши женщины за версту несут воду и во всей округе не осталось деревьев, чтобы использовать на дрова, а заброшенных домов, окна, двери и крыши которых использовать на растопку, уже не осталось, начихать! Если в деревне не остается молодежи и численность людей в ней уменьшается с каждым годом, ну и что? Пирог-то на нашем столе не уменьшается, нам – чиновникам хорошо и нас это устраивает, на все остальное нам начихать! И вообще, чиновникам хорошо, когда людям плохо – вот в чем суть! И ломать надо именно это. – Он ненадолго задумался и продолжил. – Но как это сделать? Мы ведь сами выбираем этих... чиновников...

– Кхе, кхе... – закашлял старик – один из старожилов деревни, – я вот о чем подумал... Хорошие слова, вы говорите, дети мои, правильные... Приходят к нам эти... зазывалы и предлагают кандидатов в эти самые... депутаты... а кто они, откуда, в первый раз или были уже, что сделали для людей, ничего не знаем. Да и они об этом молчат. Бывает порой, что их меняют местами, от партий, так сказать. Надо бы и нам свой штаб создать, узнать о них побольше и гнать взашей, если живут не для людей... Вот, в прошлый раз был здесь один: худощавый, обещал хорошо, ой, как хоро-

шо, я, мол, вам и школу отремонтирую, и газ проведу. Где там? Обманул. А нынче портрет его видел: пополнел, вширь пошел и опять же по программе: и школу обещал, и газ, и прочее...

Нет, так не годится, надо нам своих выдвигать, а не этих... залетных, обещалкиных...

В разговор вмешался деревенский балагур Федосей, который в противовес росту обладал деревенской мудростью. Низенький, верткий Федосей на шуточный вопрос своих односельчан, мол, почему так мал ростом, не обижаясь, так же шуточно отвечал:

– Сегодня не досей, завтра не досей, вот и родился Федосей, – вкладывая в ответ печальную истину о плохой работе сельского хлебороба, – отвечает Федосей и продолжил. – Я думаю, друзья мои, что все наши беды от «вождей» наших. Если бы они думали о своем народе, душа их болела и страдала за их беды и тревоги, вот тогда.., – мечтательно заключил он.

Разговор невольно прекратился, словно всех обожгло пламя федосеевской мудрости.

– Разрешите мне, – неожиданно попросил слова бывший механизатор теперь уже почившего колхоза, обычно немногословный «дядя Наби». Почти шесть десятков лет назад, молодой дагестанец, влюбившись во фронттовую подругу, приехал он в эту деревню, совместно с женой вырастили семерых детей: пятерых сыновей и двух дочерей, которые, кроме старшего сына, как принято у дагестанцев, все остальные разъехались по всей стране и лишь письма их, прихо-

дящие изредка бабушке и дедушке, напоминают, что они – дети их не забывают, помнят, хотя и сами уже стали дедушками...

– Давай, аксакал, – уважительно откликнулись молодые, приготовившись послушать мудрого старика.

– Живет в наших горах древняя история, которую рассказывают в разных вариантах, т. е. по поводу какого-либо случая, так сказать, история к случаю, – начал дядя Наби свое повествование. – Вот и сегодня, мы заговорили о самом наболевшем, по поводу чего мы переживаем, хотим изменить, но не можем, – он ненадолго умолк, словно обдумывая с чего бы начать... – Засомневался однажды падишах великой страны в деяниях своих подчиненных: везирей, векилей и сардаров. Много раз до него доходили слухи о стенаниях бедных и обездоленных сограждан, о тяготах их жизни, на то, что его подчиненные глухи ко всему этому, привыкли к такому укладу жизни и ничего не хотят менять.

Вот и решил падишах убедиться в этом сам и, переодевшись в одежду простолюдина, однажды вышел ночью походить по главному городу своего государства. Спал усталый город после нелегкого трудового дня. Долго ходил падишах от дома к дому, прислушиваясь к раздававшимся тут и там звукам, однако, ничего такого, что мог заинтересовать его чуткий слух, не услышал. Где-то к полуночи он подошел к одному духану, откуда доносились нежные струнные звуки тара. И тут взору его предстала жуткая картина: у входа

в духан, прямо на камне лежал в изодранной и грязной одежде полуголый человек, которого с ног до головы облепили огромные мухи.

«О, Аллах! – подумал падишах, содрогаясь, – они же сожрут этого несчастного!». И решил помочь горемыке. Он подошел к нему и стал голосом и руками гнать от него назойливых мух. Лежащий, словно проснулся, нехотя поднялся, сел и возмущенно обратился к незнакомцу:

– О, человек! Что я тебе сделал плохого, что ты меня мучаешь, отгоняя облепивших меня мух?

Удивился падишах подобному вопросу и отвечает:

– И я тебе ничего плохого не сделал, уважаемый, я лишь гнал облепивших тебя кровожадных мух-вампиров, они же высосут из тебя всю оставшуюся в твоём и без того худом теле кровь!

– Не надо! – резко отвечал бедный человек, – они, эти мухи, как сардары нашего падишаха, уже сыты, наелись моей кровушки и спят, закрыли доступ к моему телу другим. Вы же, прогнав их, напускаете на меня других вампиров, мне тогда и вовсе житья не будет!..

«Да, – подумал падишах над горькими причитаниями бедняка, – мои сардары, векили и везири также привыкли к стону и жалобам этих несчастных, и ничего менять не хотят... Соотношение между мной и моим народом таково, – продолжал падишах свои раздумья, – я – всадник, народ – лошадь, а чиновники и министры – контролеры за моим движением, за исполнением законов государства. И судя по тому, что лошади

недовольны, стонут и плачут они, надо полагать, что узда и вожжи на них натянуты до предела, силы лошадей не соразмерны с их бегом, и они вот-вот или упадут бездыханно, или же, скинув всадника, понесутся из последних сил и скатятся в пропасть... Так или иначе – беда...».

В чем смысл водоворота...

Однажды в утробе матери заговорили братья-близнецы. Первый сказал:

– Ты знаешь, вчера я видел сон, что меня ждет прекрасное будущее...

– Да, ничего прекрасного нас не ждет, – ответил второй, – все мы рождаемся, чтобы умереть и никто не может сказать на кой черт мы рождаемся...

– Э-э, нет, – возразил первый, – во сне мне предсказали, что жизнь прекрасна и она у нас будет радостной и счастливой, надо только постараться...

– Какой ты наивный, брат, – сказал второй, – старайся не старайся, все равно ничто не имеет смысла, никакого света в конце туннели нет...

– А мне во сне приснилось, что мы скоро родимся, увидим красивое лицо нашей мамы, ее нежные руки будут нас ласкать, ее голубые глаза будут светиться радостью от счастья...

– А во сне не сказали, для чего мы рождаемся?

– Как для чего? Чтобы жить...

– А для чего жить?

– Как, ну чтобы... – не сразу нашелся что ответить первый и добавил, – чтобы творить, дерзать, добиваться своей цели...

– А потом?

– Добьешься одной цели, поставишь вторую и радуйся – жизнь продолжается, – заключил первый и улыбнулся...

– Ну и что? Чему радоваться, – сказал скептически второй, – если мама наша в скором времени потеряет свою красоту, от бесконечных трудов и стрессов превратится в старую «Бабу-ягу», а потом вообще оставит нас. Затем мы будем бегать за куском хлеба, вечно гнаться за недостижимым, чтобы также уйти, так и не поняв зачем и почему пришли...

– Это как же? – спросил оптимист удивленно. – Ты не видишь смысла в нашем рождении?

– Ха, – ухмыльнулся пессимист, – от нас ничего не зависит, все будет как велит Бог...

Шли годы...

В большом отцовском доме, на возвышении в ауле, росли два брата-близнеца. Первый – рослый, воинственный, за дерзкий, лучше сказать, волчий взгляд и неуживчивый характер прозванный сверстниками пессимистом, и второй – улыбчивый, дружелюбный, с пронизательным и отзывчивым взглядом, богатырь, единокорно названный друзьями оптимистом. За треть предназначенного им века пессимист наломал «немало дров»: не раз по пустякам лез в драку, тяжело избивал и малого и большого; мог обидеть женщину,

иногда и силой, как, например, поступил со своей первой женой, отчего два года назад свел в могилу отца – человека совестливого и весьма дружелюбного; а год назад и мать, до неизлечимой боли переживавшей за него; а своим кощунственным поступком – изгнанием из дома гостя, что в горных краях вообще не допустимо, снискал себе несмыслимый позор. Точно такой оказалась и его вторая жена – высокая, с осанкой царевны, гордая, с колючим, пронзительным взглядом, отчего их двое детей постоянно прятались при ее появлении; а соседские женщины не осмеливались с ней заговорить; в постоянном длинном платье с широкой черной шалью на голове, а поверх драгоценной коронной работы златокузнецов. Она явно гордилась своим мужем и трепетно исполняла все его желания.

Оптимист же жил всеми уважаемым. Часто приглашали его в гости, на торжества, приходили к нему за советом, обращались за помощью. И он, по возможности, старался им помочь. И дела у него шли хорошо: его плодовый сад каждый год приносил обильный урожай, жена – приветливая хозяйка, была помощницей мужу в его делах, растила четверых мальчиков, которые, подстать родителям, не чурались труда и учились хорошо. Жили ладно и складно. Эти его качества невольно вызывали протест брата-близнеца, который не скрывал своей неприязни к нему, выговаривая довольно неприятные эпитеты. Оптимист не обижался на брата, относя все это к его неуживчивому характеру, но когда, однажды, совсем

недавно, пессимист потребовал у него покинуть отцовский дом, рассердился и сказал:

– Ты что себе позволяешь? Я такой же сын своего отца, как и ты?!

– Перестань мнить о себе, что ты – источник доброты! Ты делаешь все это мне вопреки!..

– Нет, брат... Я делаю так, чтобы не покрыть имя нашего отца позором...

– Вот-вот, – вскричал пессимист, – я – подлец, а ты – добродетель, я – позор, а ты – слава нашей семьи. Так что ли?

– Нет, брат..., – оптимист ненадолго задумался и продолжил, – ты продолжаешь жить также, как начинал в самом начале..., для тебя нет ничего святого: ни законы гостеприимства, ни честь и намус, ни справедливость, ни, в конце концов, жизнь и смерть, ты, как оторванный лист с живого дерева, летишь и тебе безразлично куда упадешь, ибо, считаешь ты, все равно где упасть и как упасть...

– И правильно, ибо я заранее знаю, что умру, а какая разница как умру, если все остальное трын-трава? Так будет всегда и нечего хорохориться...

– Ты глубоко заблуждаешься в главном: и жить, и умереть надо достойно, ибо на дереве, с которого упал «твой» лист, есть еще много других листьев, твоих и моих детей, сотни наших аульчан и таких деревьев на Земле множество. Так что, брат, Жизнь продолжается, вот это и есть главное! – и оптимист улыбнулся, как тогда, еще в утробе матери...

– Все это слова, шелуха, ты мне скажи «мудрец», в чем все-таки смысл этого водоворота?

– Смысл человеческой жизни, брат, в том, что ты начинаешь с самого очевидного, а заканчиваешь самым парадоксальным... – заключил оптимист и закончил, – каждый человек не просто живет сам: его грудью дышат бесчисленные поколения рода, все ушедшие в непроглядную темноту и все, кому ещё не настало время родиться...

Что посеешь, то и ...

Было время, когда вдалеке, за городской чертой, на заброшенных пустырях, каменистых и полных всякого хлама суглинках, почти не пригодных для сельского хозяйства, так называемых, «мертвых», «бросовых» землях, жителям городов выделяли по 6 соток под садоводческое товарищество. И если говорить о «чудесах» того времени, то одним из них было то, как за несколько лет эти пустыри очищались от камней и мусора, избавлялись от пустынной сухости, обрабатывались (большей частью вручную), удобрялись, превращаясь в цветущие сады и щедрые арбузами, дынями и тыквами бахчи. Поистине, воля и труд человека творили диво.

Надо ли говорить, что с течением времени «садоводы», на чьих участках не было даже сколько-нибудь заметной межи (если не считать тонкой необрабатываемой полоски), все перезнакомились, подружились

и узнавали друг друга не только в лицо, но и по сигналу их подъезжающей машины – теперь многие приезжали сюда на своих «Окушках», «Москвичонках» и «Жигуленках», которые припарковывались на очищенной и благоустроенной стоянке. Лишь один из них, сорокапятилетний доктор, который по мере своей известности, вначале подъезжал на мотоцикле, затем на «Москвиче», потом на «Волге», а в последнее время так вообще на великолепном «Вольво». Прибывал он к своему, всевозраставшему за счет покупки соседних, участку вместе с коренастым, лет пятидесяти, мужичком, видно нанятым доктором для работы здесь. И надо дать тому должное: работал мужик усердно, добросовестно и за короткое время навел на огромном теперь участке должный порядок.

Как это обычно случается, «садоводы», познав друг друга, избрали себе кумира – семидесятилетнего дедка, который стал для большинства образцом трудолюбия, мудрости и большого житейского опыта. Теперь за глаза его называли не по имени, а просто «дедом», и, обращаясь к нему, уважительно величали «дядей». Примечателен был дед ещё и тем, что имел привычку, при случае соответствующему какому-либо событию, приговаривать: «Что посеешь, то и получишь».

Как-то раз ещё в те времена, когда доктор не гнушался работы сам, тыква на его участке не уродилась, они были величиной с кулак, словно их вообще не поливали. Любуясь грузными и крупными плодами упомянутого деда, эскулап похвалил его:

– Вы, дядя, большой кудесник...

– Что сказать, сынок, – отвечал дед, – надо думать, семена у тебя были плохие, а поэтому, как говорится, что посеешь, то и получишь..., – и назидательно добавлял, – в жизни всегда так, сынок...

Другой раз дед вспомнил свою присказку, когда один из «садоводов» сокрушался по поводу непутевого двенадцатилетнего сына, которого за плохое поведение и оскорбительное отношение к учителям, отчислили из школы.

– Прямо от рук отбился, сорванец, – удрученно говорил родитель, – не знаю, что и делать... Что посоветуешь дядя?

– А что тут советовать?! – ответил дед вопросом. – Что посеял, то и получил... Ведь ребенок, что то деревце малое, за которым ты здесь терпеливо ухаживаешь каждый день. Он тоже требует внимания. Надо на традициях отцов и дедов учить его нравственности, доброте и уважению к людям. Вы, уважаемый, наверное, забыли об этом и пока не поздно возьмитесь за сына..., а знаете что, – вдруг спохватился он, – приводите его сюда несколько дней, пусть знает, что хлеб не на дереве растет...

Все воспринимали деда, его советы и подсказки с уважением и почитанием, кроме доктора. Трудно сказать, какие потайные струны его души задевали назидания старика, но эскулапу все больше и больше не нравилась его поговорка о посевах и плодах. Мало того, со временем она его стала раздражать не на шутку,

и он вообще стал сторониться деда. И это недовольство привело к тому, что доктор не стал здороваться с ним не только при встрече на садовом участке, но и в больнице, где дед работал сторожем в приемном покое.

За два года до последовавших событий, доктор, вопреки «Положению о садоводческих участках», получив разрешение, стал строить на своем участке, размеры которого выросли до 30 соток, вначале высокий забор из кирпича, затем большой дачный дом из добротного известкового камня. Конечно, о всевозраставшем богатстве доктора садоводы язвительно шушукались, многие знали и называли его источник и их кривые усмешки часто сопровождали шикарные машины эскулапа и его друзей. Но никто никуда не доносил, считая все это делом совести самого доктора. Да и куда было доносить, если начальник милиции и партийные «вожди» местного значения, вместе с братьями наверху, обогащались точно таким же образом и обращаться к ним было делом весьма безнадежным. А доктора, теперь уже известного хирурга, они все знали, обращались к нему по нужде, уважали и поэтому тот пользовался их неизменной поддержкой.

Но людская молва доктора не щадила, немилосердно называла хапугой, взяточником и прочими недобрыми эпитетами. Люди недвусмысленно говорили о его непомерной жадности, всевозрастающих аппетитах, что теперь, пользуясь славой «хирурга от Бога», он, не получив мзду, то бишь взятку за операцию, к делу не приступал. Как-то при подобной

ситуации, встретившись в приемном покое с дедом, доктор, не поздоровавшись, опустил голову и прошел мимо, словно чувствовал перед ним вину.

На этот раз в приемный покой больницы к десяти часам ночи, как раз в дежурство доктора-хирурга, доставили попавшего в автомобильную аварию молодого человека, истекающего кровью и требующего срочной операции.

– Доктор, – сообщила ему врач приемного покоя, – доставлен молодой человек после аварии...

– Кто его доставил? – спросил хирург.

– Посторонние люди, оказавшиеся на месте аварии, – ответила врач приемного покоя, – однако он истекает кровью...

– Вызовите родственников, – приказал хирург и положил трубку.

Но, когда те, кто привезли искалеченного аварией парня, стали просить о сострадании, просто-напросто умолять о необходимости срочной операции, дабы парень не погиб, мол, родственников автоинспекция ищет и они обязательно вот-вот найдутся, врач приемного покоя не выдержала и снова позвонила хирургу:

– Извините, доктор, здесь говорят, что родственников ищут и их вот-вот найдут, но молодому человеку надо срочно сделать операцию, все мои попытки остановить кровь не дают результата, он может погибнуть...

– Как найдут, сразу мне позвоните, – категорически ответил хирург и снова опустил трубку.

Врач приемного покоя развела руками.

Присутствовавший при этом разговоре дед-сторож, поднял трубку, набрал номер и когда на той стороне ответили, сказал:

– Слушай, доктор, пожалей парня, он истекает кровью, возьми его на операцию...

– Кто это? – не понял хирург

– Это я твой сосед по садовому участку, – ответил дед, – помни, что посеешь, то и ...

– Пошел ты!.. – взорвался хирург и бросил трубку на рычаг.

Через полчаса молодой человек скончался, отчего все присутствующие в приемном покое впали в шок. А ещё через несколько минут зазвонил телефон дежурного врача больницы.

– Слушаю вас, – ответил хирург.

– Скажите, пожалуйста, это дежурный больницы №? – спросили в трубку, – вам звонят из автоинспекции.

– Да, слушаю вас, – ответил доктор.

– Примерно час назад в аварию попал ваш сын, его доставили к вам...

Доктор замер, словно его ударил ток, потом, бросив трубку, стремительно поднялся и стремглав через два этажа, как безумный, побежал в приемный покой, где на носилках лежало покрытое простыней мертвое тело. Он бросился вперед, сорвал с окровавленного трупа покрывало и, узнав сына, горько, навзрыд заплакал...

Приматы

В наши дни стать академиком очень легко, что называется, дешевле пареной репы. Недавно известный словоблуд за свои длинные бессодержательные речи был признан доктором «почетного словоблудия» и весьма этим гордился. Да чего сегодня, было время, когда мы гордились своими почетными маршалами. А совсем недавно академическая комиссия, сияясь проснуться, «прослушала» доклад будущего академика «О влиянии космических лучей на загробную жизнь насекомых» и была единодушна в своем одобрительном решении.

Вообще слова «почетный» в сочетании с «академиком» нынче среди бизнесменов весьма популярны, и путь к этому званию связан не с душевными и устенными расходами, а чисто материальными, большей частью, валютными. Некоторые из них даже пробираются в действительные академики. Например, знавал я одного известного ныне деятеля, который с молодых лет все покупал: аттестат зрелости, дипломы об окончании института, кандидата и доктора наук, а затем, путем различных метаморфоз, и звание академика. Это был уникум – за всю жизнь он до конца не прочитал ни одной книги, ибо засыпал на первой странице.

В наши времена купить можно все, как говорится: «Были бы денюшки, будут и девушки».

Однако, вернемся к нашим баранам. Особый интерес представляют кандидаты в науку. Этой категории

для достижения поставленной цели необходимо купить оценки кандидатского минимума и представить диссертацию, которую также за определенную мзду можно приобрести у профессиональных «изготовителей», кстати, настоящих людей науки, которые сами подбирают тему диссертации и осуществляют ее подготовку. Подобный промысел они сделали источником добывания дополнительного заработка, так как подлинных деятелей науки в стране не ценят, они живут в постоянной нужде и вынуждены стать «промысловиком» – транжирить свой ум и талант, чтобы бездари проникали во все сферы жизни.

В этой связи вспомнился недавний курьез: после защиты диссертации диссертанту под угрозой серьезных неприятностей устраивать банкеты запрещалось. Указание было спущено сверху и было верхом глупости. Подобных запретов в свое время было немало, а этот, в частности, объяснялся тем, что, мол, банкеты устраиваются диссертантами в знак благодарности к членам комиссии и оппонентам за то, чтобы защита прошла без сучка и задоринки. Наивные «запретители» делали вид, что не знают, что, так называемая, «защита» и без банкетов пройдет как по маслу, ибо все это оговорено заранее, даже «брыканье» одного из оппонентов.

Итак, по поводу «запрета». Поскольку он все же существовал, в данном, конкретном случае один из родственников диссертанта обходил присутствующих при защите и тихо, чтобы слышал и сосед, говорил:

– У нашего брата сегодня день рождения, мы приглашаем вас после защиты в соседний ресторан, отметить нашу радость...

Заранее предупрежденные присутствующие понимали, что ни о каком дне рождения речь не идет, и с удовольствием шли по указанному адресу.

Когда торжество было в самом апогее, было выпито и съедено бесчисленное количество спиртного и шашлыков с пловом, когда как говорится, гости не остограммились, а окилограммились, с бокалом в дрожащей руке встал один из земляков диссертанта и произнес следующий тост:

– Уважаемые товарищи, друзья! Защитившийся сегодня наш земляк – один из выдающихся сынов нашего народа. Значение его диссертации трудно переоценить, поскольку ее тема «О колебаниях и их влиянии на современную жизнь» выходит далеко за пределы нашей древней родины. Наш талантливый народ пополнил свои ряды еще одним даровитым ученым. Наука «о колебаниях» пополнилась новыми данными, и еще раз подтвердилась великая истина о том, что «колебания» вошли в нашу жизнь и стали, как говорится, «плоть от плоти» современной медицины, гольваники и других областей прикладной науки и искусства.

Он со знанием дела говорил о том, что если бы не было колебаний, люди были бы глухи и немые, не могли бы дышать и, вообще, не могли бы жить, поскольку работа сердца тоже построена на принципе колебаний. Не преминул он рассказать о Бермудских

островах, где из-за колебаний происходят катастрофы с воздушными и надводными кораблями.

Но самое интересное он оставил напоследок, заявив, что живи д'Артаньян в наше время, ему не пришлось бы совершать полное опасностей недельное приключение на остров Альбиона за подвесками французской королевы, когда сегодня с помощью колебаний на станках высокой точности можно изготовить их за несколько часов.

– В заключение я хотел бы завершить свой тост за мой древний, талантливый народ, живущий у самого основания высоких гор – небесных вратах, где по сей день ищут останки Ноева ковчега, ойкумены человечества! Есть все основания считать, друзья, что все люди произошли от нас – представителей моего народа!

Присутствовавший при этом оппонент, который отличался на защитах своим «брыканьем», долго и пристально смотрел на говорившего, будто видел перед собой чудо. Он раза два даже вставал со своего места, осматривал со всех сторон речистого земляка диссертанта, словно искал на нем что-то, удивленно крутил головой, а потом устался на него с недоверием.

Говоривший, заметив это, перестал продолжать свой затянувшийся тост и обратился к оппоненту:

– Вы что, не верите?

– Что вы, что вы! – словно замешкался оппонент. – Я слышал, что все мы произошли от какого-то примата: от гиббонов, орангутангов, антропоидов, но поверьте, вижу их впервые...

Словарь обиходной лексики, названий и выражений

Все молитвы на древнееврейском и горскоеврейском языках даны в романе в русском переводе

Зороастризм – огнепоклонство

Колено израилево – названные в Еврейской Библии родственные племена потомков Иакова, образовавшие израильский народ. Их было 12

Кала – вторая часть г. Кубы, расположенная на противоположном от Еврейской Слободы берегу Кудиял-чая

Манат – денежная единица в Азербайджане

Махаля (е) – улица

Молох – обозначение божества

Назови Эшшегом – назови ослом

Сюрт – название посевного участка в колхозе

Тефилим – Бар – мицва – религиозный акт, когда мальчик достигший 13 лет и 1 день становится мужчиной

Хабар – известие

Ханум – уважительное обращение к женщине в Азербайджане

Хохом (Хахам) – в Библейский период – ученый и мудрец, впоследствии – знаток Торы

Шафран – южное растение, употребляемое как пряность и красящее вещество

Духан – харчевня

* * *

Автор заранее извещает читателя, что совпадение фамилий, имен и др. в романе носят случайный характер и ничего общего с подлинными лицами не имеет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава I	20
Глава II	52
Глава III	85
Глава IV	119
Глава V	152
Глава VI	189
Глава VII	225
Эпилог	261
Притчи	265
Раздумья всадника...	266
В чем смысл водоворота...	271
Что посеешь, то и ...	275
Приматы	281
Словарь обиходной лексики, названий и выражений	285

Редактор-корректор *С.П. Нефёдова*
Дизайн *И.П. Мамонтова*
Макет и верстка *Д.В. Молодцов*
Цветоделение *ООО «Огниво»*

Издание *ООО «Огниво»*

Подписано в печать 04.05.2011
Формат издания 70×100 ¹/₁₆
Гарнитура «Times»
Печать офсетная. Объем 18 ф. п. л.
Тираж 3000 экз.

© ООО «Огниво»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ 3071

Михаил Дадашев – известный горско-еврейский писатель. Каждое новое его произведение – событие в жизни этого небольшого народа. Роман «Заморозки» – еще одна страница истории горских евреев, посвященный памяти жертв политических репрессий, всех невинно страдавших и безвинно павших.

ISBN 978-5-905-003-05-9

9 785905 003059